
8
P 67
P-586

СПОСОБЪ,
которымъ можно учить и обучаться СЛОВЕСНЫХЪ НАУКЪ

Сочиненъ Г. Ролленомъ,

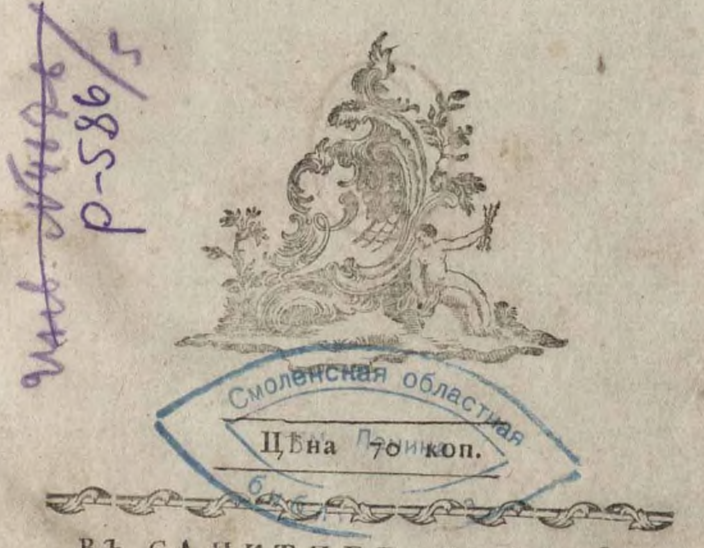
а

съ Французскаго языка на Россійской

переведенъ

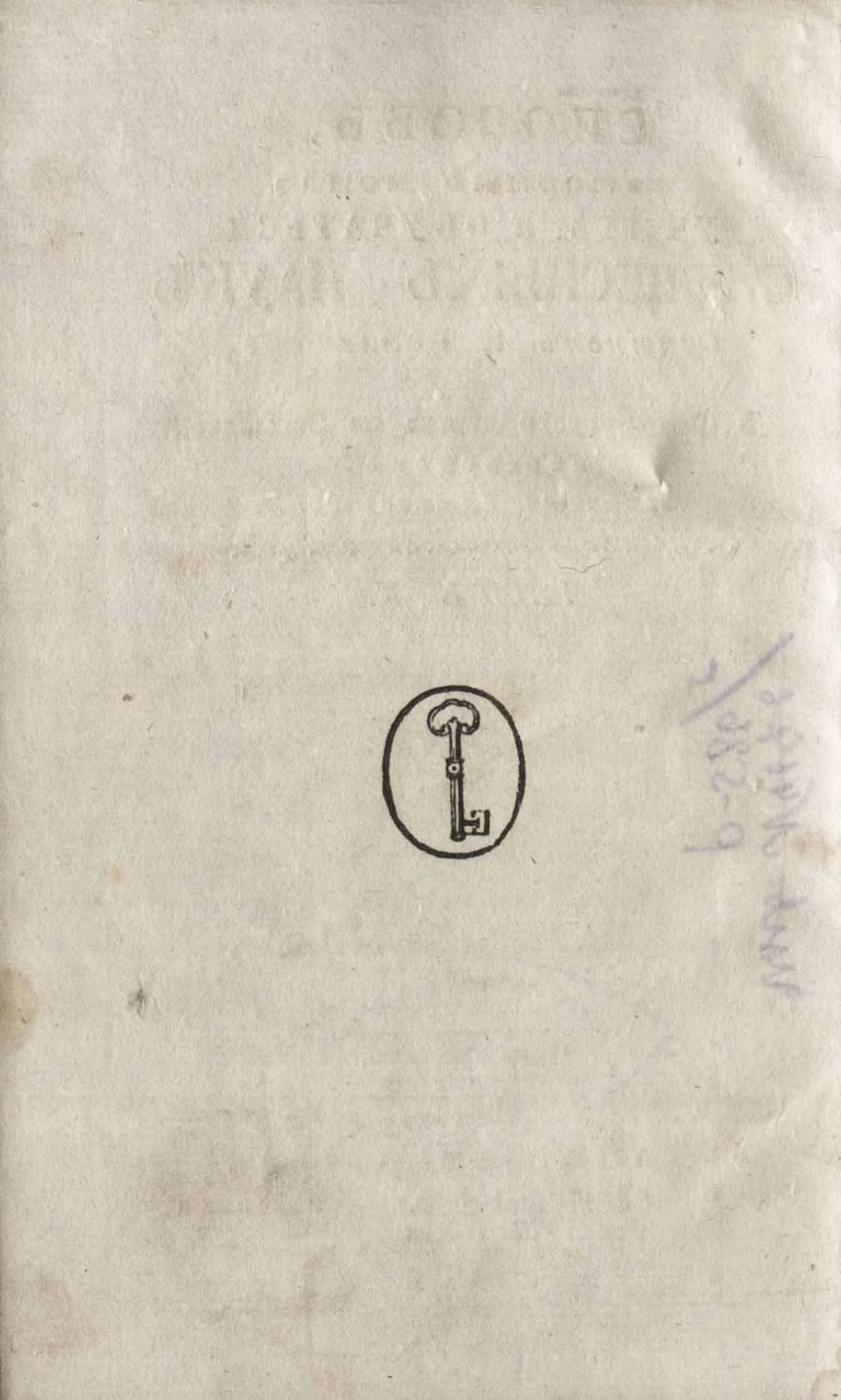
Иваномъ Крюковымъ.

ЧАСТЬ II.

Цѣна 70 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи наукъ
1775 года.

РЕЕСТРЪ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РЕЕСТРЪ.

Мѣста

РЕЕСТРЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА

ГЛАВА ВТОРАЯ
О
ИЗУЧЕНІИ
Греческаго языка.

Я заключаю въ двухъ членахъ то, что я имѣю сказать о изученіи Греческаго языка. Первой покажетъ онаго пользу и надобность: второй содержать будетъ порядокъ, которой должно наблюдать въ обученіи сему языку. Я имѣлъ намѣреніе присовокупить еще третій о чтеніи Оміра. Но какъ сей членъ будетъ нѣсколько пространенъ, то я разсудилъ за благо отложить его наконецъ моего Разсужденія о Поэзіи.

Польза и надобность обученія Греческому языку.

§. I. Парижской Университетъ имѣлъ столько участія въ возобновленіи на Западѣ Словесныхъ Наукъ, а особливо Греческаго языка, что онъ не можетъ допустить, чтобъ ученіе онаго ослабѣло или совсемъ оставлено было, не отказав-

шись отъ того, что составляло до сихъ поръ одно изъ твердѣйшихъ основаній его славы.

Ето извѣстно, что Университетъ служилъ убѣжищемъ для многихъ Ученыхъ, которыхъ раззореніе Восточной имперіи принудило перейти въ Италію и во Францію; и онъ умѣлъ ими пользоваться. Отъ сихъ то столь искусныхъ учителей получили просвѣщеніе великіе тѣ люди, которыхъ имя всегда будетъ почитаемо въ ученомъ обществѣ, и коихъ сочиненія дѣлаютъ столько чести Франціи; я разумѣю Еразмовъ, Геснеровъ, Будеевъ, Стефановъ, и другихъ премногихъ. Какими сокровищами не обогатили Европу сіи послѣдніе? Будей наипаче сообщилъ Францускому народу вкусъ въ Греческомъ просвѣщеніи, принявъ его самъ отъ Ласкара своего учителя, которой употребленъ былъ Лаврентіемъ де Медицисъ къ заведенію славной оной Вивліоѳики Флорентинской. Ето было по представленію учителя и ученика, что Король Францискъ I. принялъ намѣреніе поставить Вивліоѳику въ своемъ королевскомъ домѣ Фонтенебло, и основать въ Парижѣ королевскую коллегію. Сіи два учрежденія послужили наиболѣе къ тому, чтобъ процвѣталъ у насъ Греческой языкъ, такъ какъ другіе ученые языки, и всѣ вообще науки.

Чудное

Чудное дѣло, съ коликою удобностїю и немедлѣнностїю сей вкусъ въ ученїи овладѣлъ всею Францїею. Какъ Университетъ Парижской былъ тогда единая почти школа въ королевствѣ, и какъ всѣ правители въ немъ были воспитаны, то они тотчасъ почерпнули тамъ любовь и почтенїе къ Греческому языку. Всякъ тѣмъ похвалялся передъ другими, что онъ успѣвалъ и отмѣнялъ себя въ ономъ. Сїе ученїе вмѣнено было въ честь, и сдѣлалось всеобщимъ. Оно распространилось съ невѣроятною скоростїю; и ето весьма удивительно, что молодые люди знатнаго произхожденїя, въ столь не зрѣломъ возрастѣ, въ которомъ обыкновенно ни о чемъ болѣе не помышляютъ, какъ только о забавахъ, считали за утѣху чтенїе труднѣйшихъ писателей Греческихъ, и часто употребляли на оное все время ихъ отдохновенїя.

Я не могу удержаться, чтобъ здѣсь не объявить того, что я о семъ читалъ въ рукописныхъ Запискахъ, которыя покойной г. первой президентъ де Мемъ благоволилъ мнѣ сообщить. Ето есть Генрикъ де Мемъ считаемый между знатнѣйшими его предками, которой дѣлаетъ отчетъ въ своихъ ученїяхъ въ одномъ письмѣ, кое онъ съ тѣмъ написалъ, чтобъ дать потомству понятїе о его воспитанїи. Я надѣюсь, что мнѣ прощено будетъ сїе отступленїе, которое въ протчемъ

чемъ не совсемъ несходственно съ моею матерїею.

„Мой отецъ, говоритъ онъ, далъ мнѣ „учителя Іогана Малудана Лимозенца, „которой былъ ученикомъ славнаго мужа „Дората, и которой для безпорочной „жизни, и для пристойныхъ лѣтъ из„бранъ былъ предводителемъ моей юно„сти до тѣхъ поръ, пока я не могъ уп„равлять самъ собою. Малуданъ соотвѣт„ствовалъ намѣренїямъ отца моего. Ибо „онъ чрезъ свою неусыпность, и невѣро„ятныс труды отмѣннымъ образомъ успѣ„валъ въ своихъ ученїяхъ, и имѣлъ все„гда столько преимущества передо мною, „сколько требовала его должность обу„чать меня, которой онъ не оставилъ „до самаго моего опредѣленїя въ службу. „Съ нимъ и со младшимъ моимъ братомъ „Іоганомъ Яковомъ де Мемъ я введенъ „былъ въ Бургонской коллегїи, съ 1542 „году, въ третїй класъ, а чрезъ годъ „почти послѣ сего я перешелъ въ пер„вой. Мой отецъ говорилъ, что онъ въ „семъ воспитанїи коллежскомъ имѣлъ два „намѣренїя; первое, чтобъ мы обраща„лись съ веселымъ и невиннымъ юноше„ствомъ; второе, чтобъ позабывъ до„машнїя нѣги и щегольства привыкали „къ строгому школьному содержанїю, „и чтобъ какъ бутто на свѣжую воду „выведены были. Я нахожу въ самомъ „дѣлѣ, что полтора года, которые я

„провелъ

,,провелъ въ коллегіи, не безполезны для ,,меня были. Я научился тамъ повто-,,рять уроки, входить въ ученые споры, ,,и говорить рѣчи въ публичномъ собра-,,ніи; познакомился съ честными юноша-,,ми, изъ коихъ нѣкоторые въ живыхъ ,,и теперь еще находятся; пріобыкъ къ ,,умѣренной школярной жизни, и къ над-,,лежащему расположенію часовъ моихъ, ,,такъ что при выходѣ моемъ оттуда ,,я публично прочиталъ множество сти-,,ховъ Латинскихъ, и двѣ тысячи Гре-,,ческихъ сочиненныхъ по тогдашнимъ лѣ-,,тамъ; я прочиталъ еще всего Омира на-,,изусть. Сіе было причиною въ послѣд-,,ствіи, что меня хорошо принимали пер-,,вые того времени люди, и мой учитель ,,иногда водилъ меня съ честію и съ одоб-,,реніемъ моего успѣху въ наукахъ, къ ,,Лазарю Баифію, къ Тузану, Стразелію, ,,Кастеллану, и Данезію. Въ 1545 году ,,я посланъ былъ для обученія Законамъ ,,въ Тулузу, съ моимъ учителемъ и бра-,,томъ, подъ смотрѣніемъ одного стара-,,го дворянина, которой весь былъ въ сѣ-,,динахъ, и долгое время странствовалъ ,,по свѣту. Мы были три года слуша-,,телями, провождали самую тѣсную ,,жизнь, и упражнялись въ самыхъ обре-,,менительныхъ ученіяхъ, которыхъ бы ,,нынѣшніе люди сносить не захотѣли. ,,Вставали въ четыре часа, и помолясь ,,Богу, шли въ пять часовъ учиться,

„держа большія свои книги подъ мышкою,
„а теки и подсвѣшники въ рукахъ. Чте-
„нія слушали даже до одинатцати ча-
„совъ безпрерывно; послѣ чего ходили обѣ-
„дать, просмотрѣвъ на передъ поспѣшно
„одинъ съ другимъ то, что у насъ на-
„писано было изъ чтеній. По обѣдѣ мы
„читали вмѣсто игрушки Софокла, или
„Аристофана, или Еврипида, а иногда
„Демосфена, Цицерона, Виргилія, Го-
„рація. Во второмъ часу принимались
„опять за ученіе; въ шестомъ повторя-
„ли дома уроки, и смотрѣли въ нашихъ
„книгахъ мѣста приведенныя чуть не
„до восмова часу. Потомъ мы ужинали,
„и читали либо по Гречески, либо по
„Латыни. Въ праздники были у обѣдни
„и вечерни. Послѣполуденное время про-
„ходило въ музыкѣ и прогуливаньѣ. Иног-
„да мы обѣдывали у отцовскихъ друзей,
„которые зывали насъ чаще, нежели насъ
„къ нимъ водить хотѣли. Остатокъ дня
„просиживали за книгами, и имѣли обык-
„новенно съ собою Адріана Турнеба, Діо-
„нисія Ламбина, и другихъ ученыхъ лю-
„дей того времени.

Я счелъ себѣ за долгъ предложить въ семъ мѣстѣ весь оной драгоцѣнной остатокъ не для того, чтобъ дать его яко образецъ молодымъ людямъ, которомубъ они подражали, ибо нашъ вѣкъ ослабѣвшій отъ роскоши и утѣхъ не способенъ болѣе находится къ воспитанію столь

муже-

мужественному и жестокому; но чтобъ побудить ихъ слѣдовать оному хотя издалека, привыкать за ранѣе къ труду, употреблять въ пользу первыя лѣта юности, цѣнить высоко дружбу ученыхъ, не считать потерянымъ время, которое полагается на разумѣніе Греческихъ Писателей, и увѣриться въ томъ дѣйствительно, что таковыми то ученіями приходятъ въ состояніе дѣлать честь своему отечеству, занимать надлежащимъ образомъ первыя мѣста въ ономъ, и воскрешать сіи благородныя (*) и безкорыстныя чувствія, которыя нигдѣ болѣе не находятся, какъ только въ книгахъ и въ древней Исторіи.

Люди тогда чувствовали, что все то, что клонится къ совершенству наукъ, служитъ такъ же къ блистанію и славѣ Государства, и что не можетъ быть истинное просвѣщеніе безъ глубочайшаго искуства въ Греческомъ языкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ что Римляне могли возвесть всѣ науки, да и самой Латинской языкъ на сію степень совер-

 шенства,

(*) *Помянутой Манускриптъ обьявляетъ объ одномъ изрядномъ дѣйствіи сего Генрина де Мемъ, которой отказался отъ знатнаго мѣста жалованнаго ему Королемъ, и чрезъ сей великодушной отказъ сохранилъ оное тому, которой его занималъ до того времени, и которымъ Король былъ нѣсколько не доволенъ.*

шенства, на которую онѣ возвышены были при Августѣ, и тѣмъ снискать ихъ имперіи славу не меньше твердую и долговременную, какъ и слава ихъ завоеваній? Чрезъ ученіе Греческаго языка.

Теренцій былъ первой, которой покусился всѣ онаго пріятности и всю тонкость перенесть въ Латинскую рѣчь, грубую до сего времени и не вычищенную, и онъ такъ совершенно въ томъ успѣлъ, что ѳеатральныя пiесы, которыя онъ издалъ, скопированныя всѣ съ Греческаго Стихотворца Менандра, сочтены были достойными Лелія и Сципіона, кои тогда въ Римѣ наиболѣе славились какъ остроуміемъ, такъ чистотою рѣчи, и коимъ Публика оныя приписала. Мнѣ кажется, что можно сказать, что не прежде какъ съ сего времени доброй вкусъ у Римлянъ появился, которые начали стыдиться рукоплесканій даванныхъ ими грубости (†) Еннія и Пакувія, и великаго терпенія, съ которымъ они слушали негодныя шутки Плавта.

* Carneades, Critolaus, Diogenes Lib. 2. de Orat. n. 155.

Въ тожъ почти самое время трое * Аѳинянъ посланные въ Римъ Депутатами для государственныхъ дѣлъ привели тамъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ въ такое удивленіе, и вдохнули въ Римское юношество столь великую охоту къ знаніямъ,

(†) At nostri proaui Plautinos et numeros et
Laudauere sales, nimium patienter utrumque,
Ne dicam, stultè mirati. *Horat. de Art. Poet.*

нїямъ, что, по отложенїи всякой другой забавы и екзерцицїи, ученїе сдѣлалось господствующею страстїю. Оно столько усилилось и распространилось, что Катонъ Ценсоръ убоялся, чтобъ молодые люди не обратили къ нему всей ихъ живости, и *чтобъ они не промѣняли славы* Amiot. *оружїя и храбрыхъ дѣлъ на честь знанїя и краснорѣчїя.* Но Плутархъ немедлѣнно присовокупляетъ, что опытъ показалъ совсемъ тому противное, и что городъ Римъ никогда столько не процвѣталъ, ниже владѣнїе его было столь велико, какъ когда науки и знанїя Греческїя находились тамъ въ силѣ и чести.

Восмидесятилѣтнее время, которое прошло до Цицерона, послужило къ приведенїю въ зрѣлость разума Римлянъ чрезъ прилѣжное упражненїе, которое они имѣли въ изученїи Греческаго языка, и привело оной въ состоянїе произвесть сїе множество превосходныхъ сочиненїй во всякомъ родѣ, которое послѣ того обогатило всѣ вѣки. Грецїя тогда сдѣлалась обыкновенною школою остроумнѣйшихъ въ Римѣ юношей, кои помышляли совершиться въ наукахъ; и она сохранила сїю славу въ послѣдовавшее время при Императорахъ. Хотя Цицеронъ заслужилъ общенародное рукоплесканїе первыми своими рѣчьми, однако онъ чувствовалъ, что чего то еще недоставало въ его краснорѣчїи. Будучи славнымъ уже Ораторомъ въ

Римѣ онъ не устыдился сдѣлаться вторично ученикомъ Риторовъ и Философовъ Греческихъ, у которыхъ онъ учился въ своей юности. Аѳины, которыя до сего времени почитались обиталищемъ всѣхъ наукъ, и столицею Краснорѣчія во всемъ свѣтѣ, увидѣли съ не меньшею досадою, какъ и удивленіемъ, что сей молодой Римлянинъ чрезъ завоеваніе (*) новаго роду имѣлъ у нихъ отнять остатокъ древней славы, и обнаженіемъ Греціи обогатить Италію.

Плут. въ житіи Цицерона.

Тожъ самое долженствуетъ быть и во всѣхъ вѣкахъ. Всякъ, кто пожелаетъ заслужить имя Ученаго, обязанъ будетъ странствовать, такъ сказать, долгое время у Грековъ. Греція всегда была, да и будетъ всегда источникомъ добраго вкусу. Тамъ то надлежитъ почерпнуть всякія познанія, ежели кто хочетъ взойти къ самому ихъ началу. Краснорѣчіе, Стихотворство, Исторія, Философія, Медицина, всѣ сіи и другія науки и знанія въ Греціи возрасли, а отъ большей части и совершились; въ ней то надлежитъ ихъ искать

Сему

(*) *Кесарь говорилъ о Цицеронѣ*, non ſolum principem atque inventorem copiæ fuiſſe, ſed etiam bene meritum de populi Romani nomine et dignitate. Quo enim uno vincebamur a victa Græciâ, *присовокупляетъ Брутъ*, id aut ereptum illis eſt, aut certè nobis cum illis communicatum. *Brutus n. 254.*

Сему мнѣнїю не можно ничего другаго противуположить, какъ только то, что переводы приводятъ насъ въ состоянїе обходиться безъ подлинниковъ. Но я не думаю, чтобъ сїе противоположенїе могло удовольствовать какова нибудь разсудительнаго человѣка.

Ибо во перьвыхъ, что касается до вкуса, есть ли хотя одинъ переводъ, а особливо изъ Латинскихъ, которой бы изображалъ всю прїятность, и тонкость Греческихъ Писателей? да и возможно ли, наипаче когда сочиненїе бываетъ продолжительно, чтобъ переводчикъ представилъ всѣ красоты своего писателя; и не находятъ ли всегда въ переводѣ множество наилучшихъ мыслей разслабленныхъ, прерванныхъ, обезображенныхъ? Такїе бездушные и жизни лишенные списки не болѣе походятъ на подлинники, какъ сухой шкелетъ на живое тѣло.

Омїръ, (*) столь разумной, столь прїятной, столь высокой Стихотворецъ, становится малосмысленъ, невкусенъ, низокъ, когда затѣваютъ его переводить на Латинской языкъ отъ слова до слова, какъ св. Іеронимъ разумно примѣтилъ. Над-

(*) Quodſi cui non videtur linguæ gratiam interpretatione mutari, Homerum ad verbum exprimat in Latinum. Plus aliquid dicam; eundem in ſua linguâ proſæ verbis intorpreteretur, Videbit ordinem ridiculum, et Poëtam eloquentiſſimum vix loquentem. *S. Hieronym. Præfat. Chronici.*

Надлежитъ только открыть книгу, чтобы въ томъ увѣриться. Я приведу на сіе нѣсколькіе примѣры.

Лонгинъ въ своей книшкѣ о Высокости, дабы показать, сколь сей Стихотворецъ, изображая характеръ Ироя, самъ есть Ироической, приводитъ одно мѣсто изъ Иліады, гдѣ Аяксъ отчаявшись показать свою храбрость въ густомъ мракѣ, которымъ вдругъ покрылась армія Грековъ, проситъ, чтобъ появился день, дабы сдѣлать по крайней мѣрѣ конецъ достойной его великодушія.

Il. lib. XVII. v. 645. *Ζεῦ πάτερ ἀλλὰ σὺ ῥῦσαι ὑπ' ἤερος υἷας Ἀχαιῶν.*
Ποίησον δ' αἴθρην, δὸς δ' ὀφθαλμοῖσιν ἰδέσθαι.
Ἐν δὲ φάει καὶ ὄλεσσον, ἐπεί νύ τοι εὔαδεν οὕτως.

Iupiter Pater, ſed tu libera a caligine filios Achivorum, facque ſerenitatem, daque oculis videre: inque luce etiam perde (nos) quandoquidem tibi placuit ita. Ощущаетъ ли кто въ сердцѣ своемъ движеніе отъ сего переводу? Переводъ Господина Депро совсемъ другой:

Grand Dieu, chaſſe la nuit, qui nous couvre les yeux,
Et combats contre nous à la clarté des cieux.

то есть:

О Боже прогони сей мракъ отъ нашихъ глазъ,
При свѣтлости небесъ сражайся противъ насъ.

Однакожъ послѣдній стихъ не выражаетъ еще всей красоты и силы Греческихъ словъ; *Ἐν δὲ φάει καὶ ὄλεσσον.* Они

не

не значатъ, *сражайся противъ насъ*, но, *хотя погуби насъ, ежели тебѣ угодно, только въ среди дня.* Аяксъ не устрашается и погибнуть, толькобъ сїе было славнымъ образомъ, и по оказанїи какого нибудь великаго дѣйствїя.

Тотъ же самой Лонгинъ между многими примѣрами высокихъ мыслей, въ чемъ Омиръ, какъ онъ примѣчаетъ, особливо былъ превосходенъ, приводитъ сїе мѣсто изъ Илїады, гдѣ Стихотворецъ описываетъ сраженїе Боговъ. Lib. XX. v. 61.

L' Enfer s' émeut au bruit de Neptune en furie.
Pluton ſort de ſon trône, il pâlit, il s' écrie:
Ilapeur, que ce Dieu, dans cet affreux ſéjour,
D' un coup de ſon trident ne faſſe entrer le jour,
Et par le centre ouvert de la Terre ébranlée,
Ne faſſe voir du ſtyx la rive déſolée:
Ne découvre aux vivans cet Empire odieux,
Abhorré des mortels, et craint même des Dieux.

то есть:

Подвигнулся весь Адъ, Нептунъ какъ зашумѣлъ.
Плутонъ съ престола всталъ, и въ блѣдности вопѣлъ,
Боясь, чтобъ въ его ужасные чертоги
Не сдѣлалъ свѣту сей трезубцомъ Богъ дороги,
Чтобъ чрезъ отверстїе всколебанной земли
Не показалъ бреговъ онъ адской всѣмъ рѣки:
И область чтобъ его открыть не покусился,
Которой человѣкъ, и Богъ всегда страшился.

Я думаю, что и самой Омиръ не отказался бы отъ столь стройныхъ и великолѣпныхъ стиховъ. Но что бы такое

онъ

онъ подумалъ о семъ Латинскомъ переводѣ, которой однакожъ очень вѣренъ.

Timuit verò subtus Rex inferorum Pluto.
Territus autem ex throno desiluit, et clamauit, ne eidesuper
Terram rescinderet Neptunus quassator terræ.
Domus autem (ipsius) mortalibus et immortalibus appareren:,
Horrendæ, squalidæ, quasque horrent Dii etiam.

Одинъ ли ето человѣкъ говоритъ? И Омiръ можетъ ли быть столь не похожъ на себя самаго? Лонгинъ, читая сей переводъ, воскликнулъ либъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ? „Видите ли вы, лю„безной мой Терентiанъ, землю отвер„стую въ самой ея срединѣ, видите ли „Адъ во всей готовности показаться, и „всю громаду мiра стоящую близъ ея по„гибели и раззоренiя; дабы показать, что „въ семъ сраженiи небо, адскiе жители, „смертныя и безсмертныя существа; „словомъ сказать, все сражалося съ бога„ми, и что не было ничего въ натурѣ, „чтобы не было въ опасности?

Посмотримъ въ прозѣ на какое нибудь простѣйшее мѣсто, въ которомъ Латинской переводъ худо выражаетъ силу Греческаго слова. Св. Златоустъ въ (2. Homil. ad pop. Antioch.) одномъ поученiи показываетъ народу Антiохiйскому, что ето есть особливое дѣйствiе благости Божества, что оно благоволило, чтобъ нѣкоторыя утѣхи, коихъ богачи не могутъ часто купить ни за злато, ни за сребро, были

есте-

естественнымъ последствіемъ труда и нужды. Сказавъ о пищѣ и питіи, которыхъ голодъ и жажда суть надежнѣйшею приправою: „богачь, говоритъ онъ, „разлегшійся нѣжнымъ образомъ на перинѣ, тщетно старается отдохнуть; сонъ „отъ него убѣгаетъ, и не позволяетъ „ему сомкнуть глазъ его во всю ночь. Напротивъ того бѣдной человѣкъ, который работалъ во весь день, не успѣетъ „положить на постелю своихъ усталыхъ „членовъ, какъ объемлется вдругъ сладкимъ „и скорымъ сномъ, сномъ истиннымъ, непрерывныхъ и густымъ, которой есть „справедливымъ награжденіемъ за его долговременные труды„. Ἀθρόον, καὶ ἡδὺν, καὶ γνήσιον τὸν ὕπνον ἐδέξατο. Сіи слова переведены по Латыни такимъ образомъ; *integrum, et ſuavem, et legitimum ſomnum ſuſcipit.* Я не знаю, не обманываюсь ли я, но мнѣ кажется, что великая состоитъ красота, и особливая сила въ прилагательномъ ἀθρόος, которое трудно выразить на нашемъ языкѣ. Сіе слово значитъ, *denſus, ſtipatus, aceruatim congeſtus, derepentè, et uno velut ictu totus ingruens*; такова есть сила сего прилагательнаго. Сонъ бѣднаго приходитъ не по немногу, не чрезъ приманку, и какъ бы притянутъ машиною, которое слово употребляетъ Златоустъ говоря о богатыхъ πολλὰ μηχανώμενοι: онъ бываетъ скоръ, плотенъ, густъ, и такъ сказать, одноштучной. Нѣтъ тутъ потеряннаго времени,

времени, все употребляется въ дѣло. Безпокойствія, колебанія мыслей, неваренія пищи не похищаютъ ни одной минуты. Слово *integer*, которое переводъ Латинской полагаетъ вмѣсто, *densus, stipatus*, выражаетъ ли смыслъ Греческаго? И дѣлаетъ ли красоту мысли чувствительною?

А хотя бы кто искалъ въ древнихъ Писателяхъ не другое что, какъ только самыя вещи, и мысли вѣрно и точно выраженныя, однакожъ можетъ ли онъ надѣяться найти сію выгодность въ переводахъ? Какимъ погрѣшностямъ не подвергаютъ себя тѣ, которые ссылаются на Греческихъ писателей полагаясь на вѣрность типографщиковъ или переводчиковъ, какъ бы они искусны ни были?

Множество бываетъ опечатокъ, которыя съ самымъ легкимъ знаніемъ Греческаго языка примѣтить тотчасъ можно. Нѣкоторой переводъ заставляетъ говорить Еліана, въ одномъ мѣстѣ его различныхъ Исторій, гдѣ онъ выхваляетъ важнѣйшихъ мужей въ Греціи, что они были великіе лгуны: *Omnium Graecorum clarissimi praestantissimique viri per totam vitam in extrema* MENDACITATE *versati sunt*. Надлежитъ читать, *mendicitate*, *πενέςατοι*. Другой заставляетъ говорить Аристотеля, что нравы отца и матери суть основаніемъ Физіогноміи, по которому судить можно о ихъ дѣтяхъ. *Quidam autem ex moribus à parentibus*, etc. Вмѣсто, *ex moribus apparentibus*

Издан. Базель. 1555 г. стр. 431.

Arist. de phys. edit. Paris. 1629 стр. 1169.

Ἐκ

Ἐκ τῶν ἐπιφαινομένων ᾔδων. Какой смыслъ можно дать сему мѣсту Платона въ Разговорѣ надписанномъ: *Io? Musa* minime *afflatos ipsa facit: Per hos* minime *afflatos alii afflantur. Bonæ Poëtæ non ex arte, sed* minime *afflati pulchra poëmata dicunt.* Греческое слово ἔνθεος, которое значитъ, *Богомъ вдохновенъ*, показываетъ, что Типографщикъ имѣлъ въ своемъ спискѣ *numine*, вмѣсто котораго онъ поставилъ три раза *minime.* Edit. lat Basil an. 1561.

Познанїе Греческаго сочиненїя (*Syntaxeos*) можетъ предупредить другїя погрѣшности. Сей Омировъ стихъ Αὐτὰρ ἔγωγε λίσσομ' Ἀχιλλῆϊ μεθέμεν χόλον, такимъ образомъ переведенъ по Латыни: *sed ego precabor Achillem deponere iram.* Однакожъ это извѣстно, что Ἀχιλλῆϊ не зависитъ отъ λίσσομαι, котораго управленїе бываетъ всегда въ винительномъ падежѣ, и что оно относится до μεθέμεν χόλον. *At ego supplex rogo te, ut in gratiam Achillis dimittas iram*, или лучше, *ut iram contra Achillem tuam dimittas.* Il. lib. 1 v. 282.

Но сїи ошибки еще очень тонки; есть другїя гораздо грубѣйшїя. Та, въ которой О. Вавассеръ * Iезуитъ уличаетъ О. Рапеня своего собрата и друга, кажется едва вѣроятна. Сей послѣднїй въ своихъ Разсужденїяхъ о Стихотворческой Наукѣ Аристотеля расказываетъ сїю Исторїю касающуюся до Омира. „Съ сего то подлинника (онъ говоритъ объ одномъ мѣстѣ первой книги Иліады) Евфраноръ

* въ своихъ примѣчанїяхъ къ размышленїямъ О Рапеня. Чл. 28.

„нѣкогда вздумалъ нарисовать изображе-
„нїе Юпитера. И чтобъ лучше въ томъ
„успѣть, онъ пошелъ въ Аѳины посовѣто-
„ваться съ однимъ Профессоромъ, кото-
„рой читалъ Омира своимъ ученикамъ: и
„по описанїю, которое находится у сего
„Стихотворца о Юпитерѣ представлен-
„номъ съ чорными бровями, со лбомъ по-
„крытымъ облаками, и съ главою окру-
„жаемою всемъ тѣмъ, что величество
„имѣетъ страшнѣйшаго, сей живописецъ
„сдѣлалъ портретъ, которой былъ удив-
Eustath. „ленїемъ его вѣку, *какъ пишетъ Аппїонъ*
in hom. „*Грамматикъ*. Евстаѳїй, изъ котораго взя-
Tom. I. та сїя исторїя, говоритъ, что живопи-
fol. 145. сецъ вышедъ отъ Профессора исполненъ
мыслїю, которую толкованїе сего Оми-
рова мѣста произвело въ его разумѣ, на-
чертилъ тотчасъ изображенїе Юпитера.
Καὶ ἀπιὼν ἔγραψεν, Et egressus pinxit. Вмѣсто
чего О. Рапенъ превращаетъ причастїе
ἀπιὼν въ имя собственное, *Appion*; а *ἔγραψεν*
переводитъ черезъ *scripsit*. Сїя погрѣшность
исправлена въ послѣднемъ изданїи.

Я не знаю, для чего собственныя име-
на столь часто портятся отъ переводчи-
ковъ. Сїи два стиха Исїодовы приведен-
ные Плутархомъ въ девятой книгѣ бѣ-
сѣдъ, запросъ 15.

Ἕλληνος δ' ἐγένοντο θεμιστόπολοι βασιλῆες,
Δῶρός τε, Ξοῦθός τε, καὶ Αἴολος ἱππιοχάρμης.

которые значатъ, что *отъ Еллена роди-
лись три сына, всѣ цари, судящїе наро-
довъ,*

довъ, а именно; Доръ, Ксуѳъ и Еолъ сильной Капалеръ, переведены Амїотомъ такъ:

> Les Rois des Grecs, Xuthus le Dorien,
> Hippiocharme aussi Aeolien.

то есть:

> Цари Греческїе, Ксуфъ Дорїйской,
> Иппїохармъ такъ же Еэльской.

гдѣ видно, что изъ трехъ братьевъ онъ дѣлаетъ только двухъ, и перемѣняетъ ихъ имена страннымъ образомъ

Сїя ошибка приводитъ мнѣ на умъ другую тогожъ почти роду, которую я видѣлъ въ старомъ переводѣ Дїодора Сицилїйскаго, гдѣ Греческое слово ὄγδοος, которое значитъ, *осьмой*, переведено именемъ собственнымъ Царя, которой по мнѣнїю переводчика, назывался *Ogdous*.

Г. Депро въ своихъ примѣчанїяхъ противъ одного ученаго, которой критиковалъ Омїра и другихъ древнихъ Писателей, показываетъ великое число подобныхъ ошибокъ учиненныхъ его противникомъ, въ протчемъ весьма чести достойнымъ, по той причинѣ, что онъ не читалъ Писателей Греческихъ, какъ только въ Латинскихъ переводахъ.

Человѣкъ, которой хоть мало честь свою бережетъ, отважится ли послѣ сего приводить какое нибудь мѣсто изъ Греческихъ Писателей, не знаючи самъ ихъ

 языка,

языка, и не подвергнется ли онъ опасности присвоить себѣ самыя грубыя погрѣшенія, ежели онъ не имѣетъ другихъ ручателей кромѣ переводчиковъ?

Сія безразсудность дѣлается опаснѣе, и непростительнѣе, когда дѣло идетъ о матеріяхъ касающихся до Закона и о догматахъ, въ которомъ случаѣ часто одно слово, а иногда и литера чинитъ рѣшеніе.

Gentien Hervet.

Ученой переводчикъ, которой преложилъ Омиліи св. Златоуста на посланіе св. Павла къ Ефесеемъ изъясняя сіе мѣсто, *ἐν τοῖς ἄλλοις καιροῖς οὐδὲ καθαροὶ πολλάκις ὄντες προσέρχεσθὲ ἐν δὲ τῷ πάσχα, κἂν ᾖ τι τετολμημένον ὑμῖν, πρόσιτε*, чрезъ упущеніе одной запятой, которая должна стоять послѣ *οὐδὲ*, даетъ ему смыслъ совсемъ противной смыслу св. Златоуста. *In aliis temporibus cum* NE *mundi quidem sitis, acceditis: in Paschate autem, etiamsi aliquod scelus a vobis sit admissum, acceditis.* То есть: „въ другія „времена, когда вы и не чисты бываете, „однакожъ приступаете (къ Евхаристіи) „а въ праздникъ Пасхи, хотя учинили „важное беззаконіе, но приступать осмѣ„ливаетесь.„ Что не дѣлаетъ никакова хорошаго смыслу, и не сходственно съ текстомъ, которой гласитъ сіе: *in aliis temporibus saepe, cum mundi sitis,* NON *acceditis; in Paschate autem, cum scelus a vobis admissum est, acceditis.* То есть; „въ другія времена ча„сто вы не пріобщаетесь, хотя и хорошо

Homil. 3. in. cap. 1.

„распо-

„расположены бываете, а въ день пасхи „прїобщаетесь, хотя вы учинили беззаконїя.„ Симъ то образомъ перевелъ оное мѣсто Г. Арнолдъ Докторъ Сарбонской въ книгѣ надписанной, *преданїе церькви о покаянїи, и причастїи* Изъ сего примѣру явствуетъ, сколь нужно справляться съ подлинниками, и не приводить ихъ полагаясь на вѣрность переводчиковъ. Стр. 120.

Надлежитъ въ етомъ признаться, (и сїе одно разсужденїе можетъ доказать нужду въ разумѣнїи Греческаго языка), надлежитъ, говорю, признаться, что не возможно войти въ глубокое ученїе Богословїи безъ вспоможенїя сего языка. Будетъ ли кто въ состоянїи защищать истинну противъ еретиковъ, ежели онъ не можетъ употребить оружїя, которое намъ подаютъ противъ ихъ отцы Греческїе? Не бываетъ ли кто обязанъ вдругъ иногда остановиться на какомъ нибудь мѣстѣ Новаго Завѣта, гдѣ смыслъ Вулгаты, не извѣстной часто и сумнительной, имѣетъ нужду въ опредѣленїи подлиннаго текста? Словомъ сказать, сколько есть затрудненїй, которыя не могутъ иначе рѣшиться, какъ симъ однимъ способомъ?

Слово προσκυνεῖν употребленное отцами втораго Собора Никейскаго для показанїя почтенїя, которое можно оказывать образамъ, весьма отмѣнное отъ λατρεύειν опредѣленнаго въ священныхъ и цер- Act. VII. tom. 7. conc. Lab. pag. 555. et. 583.

 ковныхъ

ковныхъ писателяхъ для высокопочитанія, которое принадлежитъ только Богу; сіе первое слово, говорю я, не возмутило бы столько Епископовъ Галліи и Германіи на Соборѣ Франкфуртскомъ, ежелибъ въ сіи темные вѣки Греческой языкъ былъ знаемъ, и ежелибъ кто въ состояніи былъ читать дѣянія сего собора Никейскаго на подлинномъ языкѣ.

Can. 2. tom. 7. p. 1057.

Есть нѣкоторой споръ между Богословами о томъ, давалось ли во время семи первыхъ вѣковъ разрѣшеніе безпосредствено послѣ исповѣданія грѣховъ подверженныхъ канонической Епитиміи, или оно не давалось иначе, какъ по окончаніи удовлетворенія. Въ семъ вопросѣ, не говорится о случаяхъ крайней нужды. Тѣ, кои подтверждаютъ первое мнѣніе, приводятъ между протчими доказательствами одно мѣсто изъ Исторіи церковной Созомена, гдѣ по силѣ переводу Христофорсона, да и Г. Валоаса мы читаемъ, что Духовникъ Константинопольской церькви, наложивъ Епитимію на тѣхъ, кои исповѣдывались, давалъ имъ разрѣшеніе, обязывая ихъ исполнитъ въ послѣдствіи удовлетвореніе. *Absolvebat confitentes a se ipsis paenas criminum exacturos.* Но Греческое причастіе, которое стоитъ въ Аористѣ, рѣшитъ вопросъ, и показываетъ, что разрѣшеніе не давалось какъ только по совершеніи Епитиміи; *ἀπέλυε, παρὰ σφῶν αὐτῶν τὴν δίκην εἰσπραξαμένους*, *dimittebat*,

Lib. 7. cap. 16.

rebat, cum a se ipsis meritas paenas exegissent. Симъ то образомъ О. Пето перевелъ оное мѣсто въ своихъ примѣчаніяхъ на св. Епифанія, и Г. Валоасъ принужденъ былъ въ своихъ примѣчаніяхъ поставить вмѣсто Аориста будущее, *εἰσπραξομένους*, ни чего не представивъ, чтобъ могло оправдать сію перемѣну. Когда кто незнаетъ по Гречески, то какъ ему выйти изъ такихъ затрудненій? Ad. Haeres 59. pag. 241.

Различное толкованіе нѣкоторыхъ Греческихъ словъ въ уставѣ Собора Флорентинскаго для соединенія Греческой церькви съ Римскою даетъ такъ же случай къ спору весьма славному. Обьявивъ преимущества Папы, и сказавъ, что онъ принялъ отъ І. Христа полную власть, Соборъ присовокупляетъ, *καθ᾽ ὃν τρόπον καὶ ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῶν οἰκουμενικῶν συνόδων. καὶ ἐν τοῖς ἱεροῖς κανόσι διαλαμβάνεται.* Трудность вся въ томъ состоитъ, чтобъ знать стѣсняютъ ли сіи первыя слова *καθ᾽ ὃν τρόπον* власть Папскую въ границахъ означенныхъ соборами и св. Канонами, какъ Греки разумѣли, и какъ разумѣетъ еще и нынѣ Французская церьковь; или они подтверждаютъ только свидѣтельствомъ Соборовъ и св. Канановъ преимущества Папы: словомъ сказать, надлежитъ ли перевесть, QVEMADMODVM ETIAM *in gestis oecumenicorum Conciliorum, et in sacris Canonibus continetur*, или, какъ перевелъ Г. Лоной, IVXTA EVM MODVM, *qui et in gestis oecumenicorum Conciliorum, et in sacris Canonibus continetur.* Epist. Laun.

edit. Anglic. pag. 295. Весьма стыдно богослову быть безотвѣтну въ вопросахъ сего роду, по сей только причинѣ, что онъ не положилъ нѣсколькаго времени на изученіе Греческаго языка.

Я говорилъ о семъ членѣ пространно за тѣмъ, что онъ мнѣ кажется крайней важности какъ для учителей, такъ и для учениковъ. Большая часть отцовъ считаетъ вовсе погибшимъ то время, которое принуждаютъ ихъ дѣтей употреблять на сіе ученіе, и они готовы съ охотою избавить ихъ отъ труда, которой имъ кажется сколько обременителенъ, столько и безплоденъ. Они обучались такъ же, говорятъ они, въ своей молодости по Гречески, но послѣ все позабыли. Ето есть обыкновенная рѣчь, которая довольно показываетъ не то, что они много позабыли, но что мало знали. Надлежитъ, чтобъ Профессоры стояли крѣпко противъ сего худаго вкуса, которой сдѣлался довольно общимъ, и чтобъ безпрестанно старались не уступать сему предразсужденію, которое повсюду разпространилось. И для сего они должны напередъ сами увѣриться, что попеченіе, которое они принимаютъ обучать сему языку, есть нужная часть ихъ званія. Въ самомъ дѣлѣ Университетъ долженъ считать, что онъ обязанъ давать отвѣтъ публикѣ въ семъ драгоцѣнномъ залогѣ, которой ему ввѣренъ, и сохранять

для

для Францїи славу, которую сосѣднїе народы хотятъ у насъ похитить. По счастїю щедрость Короля, которой сдѣлалъ Университетъ независящимъ отъ своенравїя родителей, опредѣливъ ему честной доходъ отъ почтамту, которой есть древнимъ его наслѣдствомъ, привела оной чрезъ то болѣе прежняго въ состоянїе распространять знанїе языковъ и наукъ.

И такъ предполагая пользу и надобность Греческаго языка, слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какимъ образомъ надлежитъ поступать въ обученїи молодыхъ людей оному.

О порядкѣ, которой должно наблюдать въ обученїи Греческому языку.

§. II. Прежде, нежели я предложу правила о семъ дѣлѣ, считаю за долгъ увѣдомить тѣхъ, которые помышляютъ обучаться Греческому языку, что изъ всѣхъ коллежскихъ ученїй, сїе есть самое удобное, краткое, и такое, въ которомъ успѣхъ есть самой надежной, и въ коемъ оказали себя почти всѣ тѣ, которые въ немъ упражнялись. То, что отвращаетъ обыкновенно отъ сего ученїя какъ учителей, такъ учениковъ, есть понятїе, которое объ немъ имѣютъ съ самаго начала такъ какъ о продолжительномъ и многотрудномъ предпрїятїи. Противной опытъ долженствуетъ истребить сїе ложное предувѣренїе. Одинъ часъ полагаемой ежедневно на сей трудъ, приводитъ въ состоянїе молодыхъ людей,

дей, кои имѣютъ сколько нибудь остроты, разумѣть исправно сей языкъ при выходѣ изъ классовъ. Мы видимъ, что во многихъ коллегїяхъ Риторическїе ученики даютъ публично отвѣтъ, одни въ великомъ числѣ рѣчей Демосѳеновыхъ, другїе въ пяти или шести житїяхъ Плутарховыхъ, нѣкоторые въ Илїадѣ, или Одиссеѣ Омировой, а иногда и въ обѣихъ вмѣстѣ. Когда они въ такомъ возрастѣ достигли до сей степени, то нѣтъ болѣе Греческихъ Писателей, которыхъ бы чтенїе долженствовало устрашать въ послѣдствїи.

Обыкновенїе введенное въ коллегїяхъ полагать все сїе ученїе въ сочиненїи Греческихъ Ѳемъ, подало безъ сумнѣнїя мѣсто общему почти омерзѣнїю и отвращенїю отъ Греческаго языка, которой въ нихъ прежде сего царствовалъ. Университетъ, которой довольно чувствуетъ, что употребленїе сего языка нынѣ ограничивается однимъ разумѣнїемъ Писателей такъ, что мы не имѣемъ нужды ни говорить, ни писать онымъ, долженствуетъ особливо заставлять молодыхъ людей трудиться надъ переводомъ.

Первое попеченїе учителей есть то, чтобъ показать имъ способъ читать надлежащимъ образомъ по Гречески, и прїобучить ихъ съ самаго начала къ произношенїю, которое издавна употребляется въ Университетѣ, и которое столь рачи-

тельно

тельно похваляется отъ ученыхъ людей; я разумѣю то, которое учитъ выговаривать такъ какъ пишутъ, и которое дѣлаетъ, что для разумѣнія читаемаго не бываетъ нужды соединять глазъ съ ушами.

Когда они въ семъ нѣсколько успѣютъ, то надлежитъ ихъ научить такъ же писать по Гречески исправно и чисто, и раздѣлять различныя изображенія какъ литеръ, такъ и слоговъ, ихъ связи, и сокращенія. И для сего надобно полагать предъ ихъ глазами самыя лучшія изданія и, когда будетъ къ тому случай, показывать имъ въ Вивліоѳикахъ древнія рукописныя книги, которыя въ изрядствѣ превосходятъ иногда совершеннѣйшія тисненія. Сей малой трудъ можетъ имъ служить вмѣсто отдохновенія, и будетъ не безполезенъ для нихъ въ послѣдствіи. Я видѣлъ молодыхъ людей, которые имъ утѣшались, и въ немъ успѣвали совершенно.

Когда они умѣть будутъ читать, то надобно обучать ихъ Грамматикѣ. Она должна быть кратка, порядочна, и на Французскомъ языкѣ, потому что она дѣлается для такихъ дѣтей, которые не много еще знаютъ по Латынѣ. Та, которая употребляется въ большей части Коллегій университетскихъ, мнѣ кажется очень хороша. Я бы желалъ только, чтобъ она была напечатана крупнѣйшими

шими и яснѣйшими характерами. Красивое изданіе, поражающее глаза, плѣняетъ разумъ, и чрезъ сію невинную прелесть привлекаетъ къ ученію. Учители разберутъ въ Грамматикѣ удобно, чему надлежитъ обучать съ начала, и что надлежитъ оставить для зрѣлѣйшаго возрасту.

При начатіи они не могутъ довольно намедлиться на основаніяхъ, склоненіяхъ и спряженіяхъ. Надлежитъ, чтобъ дѣти чрезъ частое употребленіе вытвердили совершенно производство временъ: чтобъ читали наизусть оныя иногда сряду, а иногда отъ конца; чтобъ всегда отдавали отчетъ въ различныхъ перемѣнахъ, которыя въ оныхъ случаются, и чтобъ приводили на то правила.

Когда они подрастутъ, и будутъ нѣсколько разумѣть Латинской языкъ, то сія екзерциція можетъ продолжаться не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца или еще меньше, послѣ чего можно заставить ихъ читать Евангеліе Греческое отъ св. Луки, только не спѣшно, и со многократнымъ просматриваніемъ основаній. Ежели начнутъ въ шестомъ еще классѣ обучать ихъ по Гречески, что, какъ я думаю, не худобъ было, то весь сей первой годъ употребятъ на обученіе ихъ основаніямъ, выключая, что подъ конецъ года заставятъ ихъ прочитать три или четыре басни Езоповы, чтобъ дать имъ нѣ-

нѣсколько ободренія. Тотъ же порядокъ продолжаться будетъ и въ пятомъ классѣ, въ которомъ велятъ имъ повторить неоднократно все то, что они видѣли въ предъидущемъ, дѣлая нѣкоторую прибавку, и отмѣнность, чтобъ предупредить скуку. Я думаю, что чрезъ сіи два года довольно того будетъ, чтобъ употреблять ежедневно въ классѣ по получасу на сіе ученіе.

Ежели они такимъ образомъ наставлены, то имъ не трудно будетъ читать въ четвертомъ Классѣ Евангеліе отъ св. Луки, или дѣянія Апостольскія всѣ, или отъ части. Нѣкоторые разговоры Лукіана, такъ же отборныя мѣста Иродота, или Киропедіи Ксенофонтовой, и нѣсколькія рѣчи Исократа найдутъ свое мѣсто въ третьемъ.

Поелику трудность Греческаго языка состоитъ особливо въ великомъ множествѣ словъ, которыя онъ въ себѣ заключаетъ, и какъ къ выученію оныхъ требуется одна память, въ которой обыкновенно молодые люди не имѣютъ недостатку; то доброй порядокъ велитъ, чтобъ они выучили коренныя Греческія слова заключенныя во Французскихъ стихахъ, и чтобъ читали ихъ при всякомъ словѣ, которое они видятъ. Можно раздѣлить сію книжку на двѣ части; заставить ихъ выучить одну въ четвертомъ, а другую въ третьемъ классѣ, и велѣть про-

протвердить обѣ вмѣстѣ во второмъ, и въ Риторикѣ. Сія екзерциція, которая для ихъ не очень будетъ обременительна, подастъ имъ невѣроятную удобность къ разумѣнію Писателей, и послужитъ вмѣсто самаго употребленія, которое не иначе пріобрѣтается, какъ великимъ трудомъ и долгимъ временемъ. Не надобно притомъ позабывать показывать имъ, будтобы мимоходомъ, произведенія словъ какъ Латинскихъ, такъ и Французскихъ отъ Греческаго.

Можно будетъ во второмъ классѣ читать нѣкоторыя книги изъ Омира, или нѣсколькія сокращенныя житія изъ Плутарха. Я бы согласился предпочесть въ семъ случаѣ перваго, не только для того что онъ удобнѣе и внятнѣе для молодыхъ людей, но и что въ сіе время надобно имъ дать нѣкоторое понятіе о Греческой поэзіи, и о Стихотворцѣ столь древнемъ, и превосходномъ, и что не пристойнобъ было, чтобъ имѣя передъ глазами Виргилія во всѣхъ почти классахъ, они не знали источника, изъ котораго онъ почерпнулъ все то, что въ немъ есть самое лучшее. Я буду имѣть случай говорить о немъ пространнѣе въ другомъ мѣстѣ. То, чего можно здѣсь опасаться, состоитъ въ томъ, чтобъ молодые люди, которымъ при начатіяхъ новость рѣчи и діалектовъ дѣлаетъ замѣшательство, будучи болѣе чувствитель-

ны

ны къ трудностямъ , нежели къ красотамъ Стихотворца, не возъимѣли съ самаго начала отвращенїе отъ онаго, и чтобъ не стали его презирать, что я счелъ бы за превеликое несчастїе въ дѣлѣ ученїя. Но искуство и благоразумїе учителя могутъ сїе зло предупредить удобно.

Житїя Плутарховы могутъ занять съ пользою и прїятностїю самыхъ прилѣжныхъ учениковъ Риторики. Они имѣютъ особливое право на рѣчи Демосѳена, совершеннѣйшаго изъ Ораторовъ. Можнобъ было такъ же начать въ семъ классѣ направлять ихъ вкусъ чрезъ чтенїе выбранныхъ мѣстъ изъ другихъ какихъ нибудь древнихъ писателей Греческихъ, либо Ораторовъ, либо Историковъ, либо Стихотворцовъ.

Тѣ, которые довольно успѣютъ въ семъ языкѣ, не должны со всемъ прерывать обученїя оному во время ихъ слушанїя Философїи, но обязаны полагать на оное по нѣскольку времени особенно. Въ самомъ дѣлѣ, когда они получатъ какое нибудь понятїе объ Аристотелѣ, а особливо о Платонѣ почтеннѣйшемъ изъ всѣхъ древнихъ Философовъ, есть ли они сего не сдѣлаютъ въ ономъ классѣ? Въ протчемъ такая долговременная перерывка принудилабъ ихъ позабыть нѣкоторую часть того, что они выучили; что случается также со всѣми другими языками, когда ихъ вовсе пренебрегаютъ.

Я

Я признаюсь, (ибо надлежитъ быть искренну во всемъ), что въ классахъ великое находится препятствїе успѣху, которой бы молодые люди могли имѣть въ разумѣнїи Греческаго языка. Ежелибъ дозволено было учителю слѣдовать своей склонности и приманкѣ, тобы онъ шолъ поспѣшно съ нѣкоторыми учениками, которые имѣютъ болѣе остроты и горячности къ труду, нежели остатокъ класса, но всѣ другїе оставались бы назади, и не моглибъ поспѣвать въ семъ шествїи, или паче сказать, въ семъ бѣгу. И такъ учитель зная, что онъ обязанъ всѣмъ, долженствуетъ по снисхожденїю и по долгу держаться нѣкоторой средины, дабы применитьcя, сколько возможно, какъ къ слабости, такъ и къ силѣ своихъ учениковъ. Ето есть правило, которое долженъ хранить ненарушимо всякъ, кто избранъ управлять другими. Предводитель, (*) пастухъ, учитель, пастырь духовной, всѣ оному подвержены. Особой человѣкъ можетъ отъ сего имѣть ущербъ; но публика находитъ въ томъ выигрышъ: и етобъ значило все портить и разрушать порядокъ, естьлибъ кто захотѣлъ поступать иначе.

Такъ

(*) Nosti quod parvulos habeam teneros, et oves, et boves faetas mecum: quas si plus in ambulando fecero laborare, morientur una die cuncti greges .... Ego sequar paulatim, sicut videro parvulos meos posse Gen. XXXIII. 13. 14.

Такъ не ужели нѣтъ никакова способу избавиться отъ сей невыгоды? Я знаю, что въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ Университета Профессоры исполненные ревности къ успѣху своихъ учениковъ; удерживаютъ послѣ класса многихъ изъ нихъ, которые имѣютъ охоту къ ученію, и ведутъ ихъ въ передъ не останавливая протчихъ. Но я не смѣю предложить столь совершеннаго образца, которому, какъ я думаю, болѣе дивиться нежели подражать можно, и которой можетъ быть вреденъ здравію Профессоровъ, кое они долженствуютъ щадить рачительно, не раболѣпствуя однакожъ оному.

Я видѣлъ другое средство съ успѣхомъ употребляемое, которое хотя не совсемъ безъ помѣшательствъ, (ибо гдѣ ихъ не находится?) однакожъ великія имѣетъ выгоды. Первая четверть часа въ классѣ употреблялась на чтеніе уроковъ, послѣ того заразъ толкованы были Греческія слова въ Писателѣ чрезъ полчаса для большей части класса. Между симъ временемъ тѣ, которые болѣе успѣли, находились въ комнатѣ, гдѣ особливой Учитель, которой не былъ связанъ различіемъ возраста и понятія, смотрѣлъ только на ихъ силы въ чтеніяхъ, которыя онъ имъ дѣлалъ. Сіе вспоможеніе было только для Пенсіонеровъ, которые жили въ коллегіи; но можнобъ было присовокупить къ нимъ нѣсколькихъ

постороннихъ. Сею поступкою многїе далеко прошли въ краткое время.

Порядокъ классовъ, котораго я не могъ прервать, удалилъ меня нѣсколько отъ моего предмѣта; я обязанъ опять къ нему возвратиться.

Понеже Греческой языкъ болѣе имѣетъ сходствїя съ нашимъ въ разсужденїи рѣчи и Фразиса, нежели Латинской, то искусные люди сочли, что отрокамъ нехудо переводить съ Греческаго на Францускои языкъ. Обыкновенїе заставлять ихъ прелагать съ Греческаго языка на Латинской отъ слова до слова можетъ такъ же имѣть свою пользу, по крайней мѣрѣ при начатїяхъ. Но не должно никогда позволять имъ имѣть междустрочныя изъясненїя, которыя способствуютъ только къ тому, чтобъ содержать разумъ въ нѣкоторомъ разслабленїи и бездѣйствїи, предлагая имъ дѣло совсемъ уже сдѣланное, и не оставляя мѣста ни труду, ни размышленїю. Я не знаю такъ же, не полезно либъ сїе было, чтобъ они употребляли всегда тексты одни только Греческїе. Ибо въ семъ случаѣ, когда представляется какое нибудь затрудненїе, то они принуждены бываютъ усиливаться сами собою преодолѣть оное; вмѣсто того что ежели переводъ бываетъ съ боку, то глаза согласясь вмѣстѣ съ разумомъ, которой съ природы бываетъ лѣнивъ, обращаются въ сїю сторону, дабы

бы избавить его отъ труда. Ето обыкновенно случается и тѣмъ, которые пришли въ совершеннѣйшїе лѣта, и опытъ очень ясно показываетъ, что претрудное дѣло противиться сему искушенію.

Можно вопросить, пристойно ли, чтобъ молодые люди приготовлялись къ чтенїю особенно въ своемъ домѣ, прїискивая сами слова, которыхъ означенїя они не знаютъ; или учитель, по изъясненїи имъ живымъ голосомъ текста, можетъ довольствоваться тѣмъ только, чтобъ заставить ихъ давать отчетъ во всемъ томъ, что онъ имъ сказалъ. Что касается до меня, то не охуждая тѣхъ, кои думаютъ иначе, я бы предпочелъ сей второй способъ въ разсужденїи первыхъ лѣтъ, за тѣмъ что тотъ похищаетъ, какъ мнѣ кажется, много времени требующаго возможной пощады, наипаче въ семъ возрастѣ, въ коемъ всѣ минуты бываютъ драгоцѣнны. Однакожъ въ послѣдствїи ето не худо будетъ, чтобъ они приходили въ классъ приготовясь къ тому, что надлежитъ толковать въономъ. Когда они будутъ въ вышнихъ классахъ, напримѣръ въ Риторическомъ, то въ разсужденїи тѣхъ, кои уже трудились особенно помянутымъ образомъ, и кои найдутся довольно способны къ слѣдующему ученїю, ето будетъ изрядной порядокъ, естьли ихъ прїучать

станутъ къ тому, чтобъ они одни упражнялись въ своихъ чтенїяхъ, и по нѣсколькихъ дняхъ предлагали учителю затрудненїя, которыя имъ попадутся въ читанныхъ ими книгахъ. Чрезъ сїе они дѣлаются вникательнѣе, принуждаются болѣе дѣйствовать своимъ разумомъ, и провожаемы бываютъ нечувствительно къ тому, что долженствуетъ быть мѣтою наставленїй имъ подаваемыхъ, къ тому, то есть, чтобъ они учиться могли сами собою, и безъ вспоможенїя учительскаго.

Я сказалъ, что въ Университетѣ не безъ причины вмѣсто сочиненїя Ѳемъ стали изъяснять Греческихъ Писателей; но сего не требую, чтобъ оное сочиненїе совсемъ было отставлено. Оно имѣетъ свои выгодности, которыхъ не должно пренебрегать. Оно дѣлаетъ молодыхъ людей исправнѣе, принуждаетъ ихъ употреблять въ дѣло правила, прїучаетъ писать безъ погрѣшностей, познакомливаетъ болѣе съ Греческимъ языкомъ, и даетъ имъ яснѣйшее понятїе о свойствѣ онаго. И такъ въ третьемъ, и въ послѣдующихъ классахъ, надлежитъ ихъ екзерцитовать въ томъ отъ времени до времени, и для сего обучать нѣсколькимъ правиламъ сочиненїя (Syntaxeos) собственнымъ сему языку, что не многимъ ограничивается.

Надлежитъ такъ же дать имъ нѣкоторое понятїе объ ударенїяхъ. Хотя они недавняго изобрѣтенїя, и хотя древнїе

Греки

Греки ихЪ не употребляли, какЪ доказываютЪ сїе надписи и старинныя рукописныя книги, однакожЪ они очень служатЪ кЪ изъясненїю, потому что одно ударенїе часто раздѣляетЪ различныя времена глаголовЪ, и различное словЪ означенїе. Надобно вЪ произношенїи остерегаться, чтобЪ не счесть за одно ударенїя сЪ количествомЪ, что разрушаетЪ все согласїе, которое составляетЪ одну изЪ главныхЪ красотЪ сего языка. Ударенїе даетЪ намЪ знать, чтобЪ мы возвышали или понижали голосЪ, а количество, чтобЪ останавливались больше или меньше надЪ слогами. Не большое вниманїе и раченїе употребленное при начатїяхЪ можетЪ сдѣлать сїе произношенїе удобнымЪ. Познанїе ударенїй не великаго стоитЪ труда, однакожЪ часто пренебрегается и отЪ самыхЪ ученыхЪ людей.

Я долженЪ увѣдомить, что не безполезно заставить молодыхЪ людей выучивать наизусть нѣкоторыя отборныя мѣста ГреческихЪ Писателей, а особливо СтихотворцовЪ. То, что я сказалЪ обЪ одномЪ знатномЪ юношѣ, которой при выходѣ изЪ коллегїи прочиталЪ наизусть всего Омїра, показываетЪ намЪ, сколь сїе обыкновенїе было вЪ старину обще вЪ Университетѣ. Дабы заключить все не во многихЪ словахЪ, я бы желалЪ, чтобЪ глаза, уши, языкЪ, рука, память, разумЪ,

словомъ сказать, чтобъ все способствовало ученикамъ къ разумѣнію Греческаго языка.

Когда они начнутъ по немногу усиливаться въ ономъ чрезъ чтеніе Писателей, то нужно будетъ показывать имъ Фразисъ, гладкость, свойство, стройное согласіе, а особливо чудное изобиліе сего языка, которой чрезъ производство, и сложеніе словъ разумножается почти безъ конца, и сообщаетъ рѣчи удивительное различіе. Ето есть преимущество, которое ему собственно, и кое, какъ мнѣ кажется, не было ему оспорено, какъ только Цицерономъ. Сей Римлянинъ, влюбившійся въ свой языкъ даже до ревности, усиливается во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій превознесть оной выше Греческаго, въ разсужденіи самаго изобилія и богатства выраженій; и утверждаетъ противъ ясности и противъ общаго мнѣнія всѣхъ людей его времени, что Латинской языкъ не только не уступаетъ въ семъ дѣлѣ Греческому, но еще его и превосходитъ. Доказательство, которое онъ на сіе приводитъ, есть то, что Греки имѣютъ одно только слово, то есть, *πόνος*, къ выраженію *labor* и *dolor*, которыя значатъ двѣ различныя вещи, какъ будтобы они не имѣли *ὀδύνη*, *λύπη*, *ὠδὶς*, *ἄχος*, и другихъ еще словъ, чтобъ изъяснить *dolor*. Однакожъ послѣ столь слабаго довода онъ не стыдится

укорять

укорять Грецїю насмѣшливымъ образомъ, такъ какъ бы дѣло совершенно было доказано; столько то удобно ослѣпиться, когда человѣкъ бываетъ пристрастенъ! *O verborum inops interdum*, говоритъ онъ, *quibus abundare te semper putas, Graecia!* Tuscul. Quæst. Lib. 2. n. 32.

Квинтилїанъ (*) гораздо его чистосердечнѣе. Въ одной главѣ, въ которой матерїя обязываетъ его сносить сїи два языка въ Аттицизмѣ, онъ не устрашается равнять Латинской языкъ съ Греческимъ въ разсужденїи всѣхъ другихъ частей краснорѣчїя, но не осмѣливается уподобить того сему въ разсужденїи выраженїя.

Съ самаго начала онъ примѣчаетъ, что первой имѣетъ звукъ грубоватой, и приводитъ на то многїя причины, изъ коихъ я объявлю здѣсь нѣсколькїя. Въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ литеръ, какъ напримѣръ (**) *Ипсилона* и *Зеты*, которыя

(*) Latina mihi facundia, ut inventione, dispositione, consilio, cæterisque huius generis artibus similis Græcæ, ac prorsus discipula eius videtur, ita circa rationem eloquendi vix habere imitationis locum. *Quintil. Lib. 12. Cap. 10.*

(**) *Изъ сего Квинтилїанова мѣста видно, что ипсилонъ Греческой имѣлъ посредственной голосъ между* u *и* i *Латинскими, и что онъ соотвѣтствовалъ нашему французскому* u, *какъ въ словахъ* usage, utile, *и въ сихъ Латинскихъ* Dominus, Lumen, *какъ мы французы произносимъ оныя. Но и Латинское сѣотвѣтствовало прежде сего* ou *французскому, и въ*

торыя чрезвычайно мяхки и прїятны, и кои, по словамъ (*a*) Квинтилїана влагаютъ въ рѣчь, не знаю, какую то веселость, когда онъ ихъ заимствуетъ для изображенїя Греческихъ словъ, напримѣръ *Zephyri*, *Zopyri*; вмѣсто того, что Латинскїя литеры произвелибъ голосъ тяжелый и грубоватой. Шестая литера Латинскаго алфавита, которая есть F, (†) составляетъ не столько человѣческой голосъ, сколько непрїятное свистанїе. Тожъ надлежитъ сказать о *v* согласномъ (*servus*)

Греческому. Dominous Loumen. *Примѣры ясно сїе доказываютъ. Когда Римляне долженствовали писать Латинскими характерами Греческое имя, которое имѣло* ου, *то они не употребляли никогда, какъ только простое* u. Επίκουρος, Epicurus. Πηλούσιον Pelusium. *такъ же* Bucephalus, Arethusa, Plutarchus, *и прочч. Напротивъ того всегда, когда только хотѣли писать Греки своими литерами Римское имя, они выражали простое Латинское* u *чрезъ* ου. Γούλλιος, λόυκουλλος. *Сїе правило не имѣетъ выключенїй. Да и не можно было иначе сдѣлать. Ибо въ Латинскомъ языкѣ нѣтъ совсемъ двоегласнаго* ou, *за тѣмъ что простое* u *служило вмѣсто его. А когда Латины хотѣли выразить голосъ* u *французскаго, то они употребляли* ипсилонъ *Греческой: напримѣръ*, Zephyrus, Sylla, Papyrius, Tympanum.

(*a*) Quod cum contingit, neſcio quomodo, velut hilarior, protinus renidet oratio, utin *Zephyris*, *Zopyriſque:* quæ ſi noſtris litteris ſcribantur, ſurdum quiddam et barbarum efficient. *Ibid.*

(†) Pene non humana voce, vel omnino non voce potius, inter diſcrimina dentium efflanda eſt. *Ibid.*

(*servus*) вмѣсто котораго разсудили за благо поставить *Digamma* Еолическое. (*) Латины становятъ на концѣ большей части словъ *m*, которой есть не иное что какъ мычащая литера, чего не случается никогда у Грековъ, кои вмѣсто оной употребляли ν литеру имѣющую звукъ очень явственной и чистой, особливо напослѣди, гдѣ она рѣдко употребляется въ Латинскомъ языкѣ.

Квинтиліанъ послѣ сего приступаетъ къ важнѣйшей не выгодѣ сего языка, въ которомъ недостаетъ словъ къ изображенію многихъ вещей, коихъ онъ не можетъ изъяснить безъ вспоможенія Метафоры, или Перифразиса, и каковыхъ множество находится. Самой Цицеронъ, не смотря на его пристрастіе, принужденъ въ томъ признаться. Въ вещахъ опять, которыя имѣютъ особливое названіе, скудость сего языка принуждаетъ часто возвращаться къ тѣмъ же самымъ словамъ, и впадать во многократныя повторенія вмѣсто того, что Греки имѣютъ изобиліе не только въ словахъ, но и въ Идіомахъ, кои весьма между собою различествуютъ.

Cic de Fin. bon. et mal. Lib. 3. n. 15.

(*) Pleraque nos illa quasi mugiente literâ cludimus M, qua nullum Græce verbum cadit. Atilli, N, iucundam, et infine præcipue quasi tinnientem, illius loco ponunt, quæ est apud nos rarissima in clausulis. *Ibid.*

Сїи идїомы, или дїалекты Греческаго языка были совсемъ не таковы, какъ различныя нарѣчїя царствующїя въ различныхъ провинцїяхъ нашей Францїи, кои не иное что суть, какъ грубое лепетанье, не достойное называться языкомъ. Каждой дїалектъ былъ совершенной языкъ въ своемъ родѣ, которой находился въ модѣ у нѣсколькихъ народовъ, которой имѣлъ особливыя правила и красоты, и которой мы видимъ, что превосходные писатели употребляли какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, мѣшая притомъ часто всѣ дїалекты вмѣстѣ, но такъ, что всегда одинъ которой нибудь царствуетъ во всякомъ Писателѣ. Оттуда происходитъ сїе различїе, сїе изобилїе словъ и фразисовъ, которымъ удивляются въ Греческомъ языкѣ, и коихъ не видно во всѣхъ протчихъ.

Между сими различными Идїомами, Аттицизмъ, которой былъ, собственно говоря, языкъ Аѳинянъ, превосходилъ несказанно всѣ другїя. Ето былъ вкусъ какъ бутто природной Климату, которой не переходилъ въ другое мѣсто. Аѳины были одинъ только городъ въ Грецїи, въ которомъ сыскались, и у самой черни, сїи тонкїя и нѣжныя уши, о которыхъ говоритъ Цицеронъ: *Atticorum aures teretes, et religiosae*, кои по фразису, выраженїю, и по самому звуку голоса узнавали, иностранцъ

Orat. n. 27.

странецъ ли кто былъ, или нѣтъ (*), какъ видно изъ приключенія Ѳеофрастова, и кои принуждали Ораторовъ крайнимъ образомъ остерегаться, чтобъ не сказать ни одного слова, могущаго досадить слушателямъ, которыхъ столь трудно удовольствовать

Надобно велѣть молодымъ людямъ примѣчать, сколько можно, въ чтеніи Греческихъ писателей, что такое былъ Аттицизмъ, о которомъ писатели столь часто упоминаютъ, и которой удобнѣе чувствовать, нежели описать. Цицеронъ не безъ причины увѣдомляетъ, что не надобно оной ограничивать однимъ родомъ краснорѣчія. Ето правда, что онъ часто виденъ бываетъ въ простомъ родѣ, гдѣ ему свойственно выражать самыя общія, и самыя нискія вещи съ такою без-

(*) Tineam Granius obruebat nescio quo sapore vernaculo : ut ego iam non mirer illud Theophrasto accidisse, quod dicitur, cum percontaretur exaniculâ quadam, quanti aliquid venderet, et respondisset illa, atque addidisset, HOSPES, non pote minoris: tulisse cum molestè se non effugere hospitis speciem, cum aetatem ageret Athenis, optimèque loqueretur. Omninò (Sicut opinor) in nostris est quidam urbanorum sicut ille Atticorum, sonus. *Cic. in Brut. n. 172.*

Quomodo et illa Attica anus Theophrastum, hominem alioqui disertissimum, annotata unius affectatione verbi, hospitem dixit: necalio se id deprehendisse interrogata respondit, quam quod nimium Atticè loqueretur *Quintil. Lib, 8 Cap. 1.*

безпритворностїю, съ такою прїятностїю, изрядствомъ и тонкостїю, которыя не подражаемы суть во всякомъ другомъ языкѣ. Отъ чего происходитъ (*), какъ примѣтилъ Квинтилїанъ, что комедїя Греческая превосходитъ несравненно Латинскую, которой рѣчь не можетъ принять сей прїятности и тонкости, которыхъ и самые Греки не въ состоянїи перенесть въ другой дїалектъ. И потому сколькобъ Теренгїй ни казался намъ нѣженъ, однакожъ онъ далеко еще отстоитъ отъ тонкости и красоты Аристофановой.

При всемъ етомъ надлежитъ знать, что Аттицизмъ приличествуетъ не меньше высокому роду, какъ простому и среднему. Бывалъ ли когда нибудь штиль болѣе Аттической нежели штиль (**) Демосѳена, и Платона его учителя: и въ тожъ самое время былъ ли штиль жарчее и возвышеннѣе, нежели сихъ мужей?
Cic. Orat. n. 29. Таковъ же былъ и Периклъ, котораго краснорѣчїе уподоблялось всегда грому и молнїи. Но они всѣ соединяли съ сею силою и величествомъ такую сладость и прї-

(*) In comœdiâ maximè clavdicamus . . . . Uix levem consequimur umbram, adeò ut mihi sermo ipse Romanus non recipere videatur illam solis concessam Atticis Uenerem, quando eam ne Græci quidem in alio genere Linguæ obtinuerint. *Quintil. Lib*, *10. Cap. 1.*

(**) Quo ne Athenas quidem ipsas, говоритъ Цицеронъ, magis credo fuisse Atticas. *Orat n. 27.*

пріятность, которая была собственно произшествіемЪ Аттицизма.

И такЪ можно сіе имя дать такой рѣчи, вЪ которой все бываетЪ натурально, все течетЪ изЪ источника; вЪ которой нѣтЪ ничего подборнаго, однакожЪ все нравится; вЪ которой важныя и нискія вещи предлагаются сЪ одинакою, хотя вЪ протчемЪ различною, пріятностію; вЪ которой царствуетЪ нѣкоторая скрытная соль и приправа, коя прибавляетЪ ей вкусу, не оставляетЪ ничего противнаго, бываетЪ вездѣ чувствительна читателю или слушателю, производитЪ вЪ нихЪ любопытство, и возбуждаетЪ, такЪ сказать, жажду; наконецЪ чтобЪ заключить вкратцѣ, вЪ которой все хорошо сказано, ибо ето есть опредѣленіе Аттицизма, которое сообщилЪ намЪ ЦицеронЪ: *ut benè dicere, id sit Atticè dicere.* De opt. gen. Orat. n. 13.

По сему то образцу произвелась вѣжливость Римская, которая не терпѣла ни вЪ мысляхЪ, ни вЪ словахЪ, ни вЪ произношеніи, ничего грубаго, и досаднаго, ничего, что отзывается чужестраннымЪ; такЪ что она состояла не столько вЪ каждомЪ Фразисѣ порознь, какЪ вЪ нѣкоемЪ видѣ рѣчи, и вЪ характерѣ, которой во всей оной царствовалЪ, и которой былЪ собственЪ городу Риму такЪ какЪ АттицизмЪ АѳинамЪ.

Ци-

Цицеронъ въ семъ превосходенъ былъ болѣе, нежели кто другой; и я не знаю, можно ли сыскать что нибудь совершеннѣе въ семъ родѣ, какъ его разсужденія объ Ораторѣ, а особливо въ разговорахъ, которые тамъ вмѣшаны, и въ коихъ блистаетъ не подражаемая пріятность выраженія, и такъ сказать, цвѣтъ самой чистой рѣчи, въ чемъ наипаче состоитъ вѣжливость, о которой мы говоримъ.

Мы имѣемъ такъ же на нашемъ языкѣ сочиненія въ семъ родѣ, которыя не уступаютъ древнимъ; сочиненія, въ которыхъ все сказано остроумно, и въ тожъ самое время, просто; въ которыхъ тонкая и деликатная шутка заняла, какъ кажется, рѣчь отъ самой натуры; въ которыхъ вопросы самые умозрительные дѣлаются ясны и чувствительны чрезъ непритворной видъ, которой имъ даютъ; и въ которыхъ наконецъ усматриваются какъ веселыя такъ и важныя матеріи предлагаемыя со всею пріятностію и достоинствомъ имъ приличными.

Я прошу читателя извинить меня въ томъ, что я учинилъ сіе малое отступленіе въ разсужденіи Аттицизма, которое выходитъ нѣсколько изъ предѣловъ Грамматики, и принадлежитъ болѣе до Риторики.

Можнобъ было учинить множество другихъ размышленій о свойствѣ, круглости, красотѣ, и изобиліи Греческаго

языка; но я оставляю оныя искуснымъ Учителямъ. Они найдутъ въ себѣ самихъ дополненіе тому, чего здѣсь не будетъ доставать: притомъ и *Греческой Словоъ*, которой давно уже находится въ рукахъ всего свѣта, сообщитъ имъ все то, чего можно желать о сей матеріи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
О
ИЗУЧЕНІИ
Латинскаго языка.

Это есть тотъ языкъ, коего изученіе болѣе всего занимаетъ учениковъ, и которой составляетъ, такъ сказать, грунтъ екзерцицій происходящихъ въ коллегіи, гдѣ они учатся не только разумѣть оной, но имъ писать и говорить. Какъ изъ сихъ трехъ частей первая есть самая нужная, и какъ она пріуготовляетъ и провожаетъ къ двумъ послѣдующимъ, то я объ ней говорить буду попространнѣе, не пренебрегая однакожъ и другихъ. Въ размышленіяхъ, кои я учинить имѣю о сей матеріи, я наблюдать буду не другой какой порядокъ какъ тотъ, которымъ происходятъ самыя ученія, начиная отъ первыхъ основаній сего языка, и проходя потомъ всѣ классы даже до

Рито-

Риторическаго исключително, о которомъ будетъ особливое Разсужденіе.

Какой порядокъ наблюдать должно въ обученіи Латинскому языку.

Первой здѣсь предстающій вопросъ есть сей: *какой порядокъ должно наблюдать въ обученіи сему языку?* Мнѣ кажется, что нынѣ большая часть учителей въ томъ согласна, что первыя правила, кои служатъ руководствомъ къ Латинскому языку, долженствуютъ состоять на Французскомъ языкѣ за тѣмъ, что во всякой наукѣ, во всякомъ знаніи свойственно переходить отъ одной вещи знаемой и ясной къ такой, которая неизвѣстна еще и темна. Всякъ можетъ чувствовать, что ето не меньше глупо и противно здравому смыслу, чтобъ писать по Латынѣ первыя правила языка Латинскаго, какъ ежелибъ кто поступилъ такимъ же образомъ въ разсужденіи Греческаго и другихъ иностранныхъ языковъ.

Но надлежитъ ли начинать сочиненіемъ ѳемъ, или изъясненіемъ Авторовъ? Сіе есть то, что причиняетъ большее затрудненіе, и о чемъ мнѣнія суть несогласны. Ежели опять справиться съ добрымъ смысломъ, и со здравымъ разумомъ, кажется, что надлежалобъ предпочесть послѣдній порядокъ. Ибо, чтобъ сочинять удачно по Латынѣ, надобно познать нѣсколько круглость, образы реченія, и правила сего языка, и собрать довольное число нужныхъ словъ, которыхъ бы ученики хорошо чувствовали силу, и которыя бы

они

они могли употреблять къ стати. Но все сїе не иначе можетъ учиниться, какъ чрезъ изъясненїе Писателей, кои суть какъ будто живой Словарь, или говорящая Грамматика, въ которой перенимаютъ изъ самаго опыта силу, и истинное употребленїе словъ, Фразисовъ и правилъ сочиненїя (*Syntaxeos*).

Ето правда, что противной порядокъ усилился; и онъ довольно древенъ; но отсюда не слѣдуетъ того, чтобъ надлежало ему подвергаться слѣпо и безъ всякаго разсмотрѣнїя. Обыкновенїе часто господствуетъ надъ людьми противъ ихъ воли, и содержитъ ихъ въ порабощенїи, препятствуя имъ дѣйствовать своимъ разумомъ, которой въ такихъ матерїяхъ бываетъ надежнѣйшїй предводитель, нежели одинъ только примѣръ, сколькобъ онъ ни былъ уваженъ помощїю времени. Квинтилїанъ обьявляетъ, что чрезъ двацдать лѣтъ, въ которыя онъ обучалъ Риторики, онъ принужденъ былъ слѣдовать публично сему обыкновенїю, которое онъ нашелъ утвержденное въ школахъ, чтобъ не толковать въ нихъ Писателей, и не стыдиться дѣлать въ томъ признанїя, что онъ напрасно подвергнулъ себя оному. Quintil. lib. 2. cap. 5.

Нѣтъ никого, ктобы не доволенъ былъ тѣмъ, что въ Парижскомъ Университетѣ учинены нѣкоторыя перемѣны въ прежнемъ порядкѣ обученїя. Ябы же-

лалъ, чтобъ можно было изведать и сей порядокъ, о которомъ мы говоримъ, дабы увериться точняе чрезъ опытъ, будетъ ли онъ столь удачливъ въ разсужденіи публики, сколько онъ успешенъ былъ въ разсужденіи многихъ особыхъ детей.

Но въ ожиданіи сего надлежитъ довольствоваться благоразумною срединою, которую наблюдаетъ Университетъ не привязываясь къ одному которому нибудь изъ сихъ порядковъ, но соединяя оба вместе, и умеряя одинъ другимъ, однакожъ такъ, что онъ полагаетъ более времени на изъясненіе Писателей, нежели на сочиненіе Ѳемъ, и при самыхъ начатіяхъ.

О первыхъ основаніяхъ Латинскаго языка.

Я предполагаю, что дело касается до обученія отрока, которой не имеетъ еще никакова понятія о Латинскомъ языке. Мне думается, что надлежитъ въ семъ случае поступать такимъ же образомъ какъ въ разсужденіи Греческаго языка, то есть, надлежитъ его заставить выучить склоненія, спряженія, и самыя общія правила сочиненія. Когдажъ онъ будетъ знать сіи основанія, и вытвердитъ оныя чрезъ частыя повторенія, то должно ему толковать какова нибудь вразумительнаго Писателя. Съ начала поступаютъ не спешно, располагая слова въ натуральномъ ихъ порядке; делая отчетъ во всемъ, н. п. въ роде, падеже, числе, лице, времени, и протч.; заставляя

ля его приводить правила, которыя онъ видѣлъ, и прибавляя къ нимъ новыя, и труднѣйшія по мѣрѣ его успѣху.

Ето есть нужное увѣдомленіе для всего курсу ученій, а особливо для тѣхъ, о коихъ я теперь говорю, чтобъ исправно, то есть, дѣлали все то, что ни дѣлается, чтобъ учили совершенно тому, чему должно обучать, чтобъ прилѣжно внушали дѣтямъ правила и основанія, и чтобъ не торопились предлагать имъ другихъ высочайшихъ и пріятнѣйшихъ, но съ ихъ силами не сходственныхъ вещей. Сей скоропоспѣшной и поверхній порядокъ обучать, которой сперва льститъ довольно родителямъ, а иногда и Учителямъ самимъ, за тѣмъ что онъ показываетъ предсозрѣлость въ ученикахъ, не только въ передъ далеко ихъ не проводитъ, но и еще напротивъ того весьма останавливаетъ, и препятствуетъ часто всему успѣху въ ученіяхъ. Сіи начала ученій подобны основаніямъ какого нибудь зданія. Ежели они бываютъ не крѣпки и не глубоки, то все построенное съ верху вскорѣ раззоряется. Ето лучше, чтобъ дѣти знали хоть мало, да основательно и на всегда. Они научатся довольно скоро, ежели научатся хорошо.

Что касается до сихъ основаній, то я не сумнюсь ни мало утверждать, что надлежитъ совсемъ почти удалить отъ

оныхъ Ѳемы, кои мучатъ дѣтей безполезнымъ и отяготительнымъ трудомъ, и вдыхаютъ въ нихъ отвращенiе отъ такова ученiя, которое привлекаетъ имъ отъ Учителей одни только брани и наказанiя. Ибо ошибки, которыя они дѣлаютъ въ ихъ Ѳемахъ, будучи весьма часты, и почти не избѣжны, требуютъ и поправокъ столь же частыхъ вмѣсто того, что толкованiе Писателей и переводовъ, въ коихъ они не производятъ ничего изъ своей головы, и слушаютъ только Учителя, избавляютъ ихъ отъ потерянiя времени, отъ труда, и наказанiй.

Я всегда желалъ, чтобъ были книжки сочиненныя нарочно на Латинскомъ языкѣ для дѣтей начинающихъ учиться оному. Такiя сочиненiя долженствуютъ быть свѣтлы, удобопонятны, прiятны. Съ самаго начала надлежитъ, чтобъ всѣ почти слова стояли въ ихъ натуральномъ порядкѣ, и чтобъ Фразисы были очень кратки. Послѣ сего должно нечувствительнымъ образомъ разумножать трудности смотря по успѣху, которой молодые люди имѣть могутъ. Наипаче всего должно стараться о томъ, чтобъ входили тамъ примѣры на всѣ правила, которыя они должны твердо выучить. Въ сочиненiи такихъ книжекъ, главное старанiе долженствуетъ быть о чистотѣ, а не о красотѣ слога. Надобность вся въ томъ состоитъ, чтобъ научить

ихъ

ихъ словъ Латинскихъ, чтобъ показать имъ различныя сопряженія оныхъ, кои собственны сему языку, и чтобъ сносить правила сочиненія съ тѣмъ, что имъ читать будутъ. Можно имъ дать нѣкоторыя замысловатыя изрѣченія и отвѣты древнихъ, и нѣсколькія Исторіи взятыя изъ Священнаво Писанія, напримѣръ Исторію объ Авелѣ, Іосифѣ, Товіи, братьяхъ Маккавейскихъ, и другія подобныя. Свѣтские Писатели могутъ такъ же сообщить имъ очень изрядныя Исторіи. Я предложу здѣсь нѣкоторые краткіе оныхъ опыты, кои касаться будутъ только до начатій. Мнѣ думается, что въ Исторіяхъ заимствуемыхъ изъ Священнаго Писанія надлежитъ обыкновенно перемѣнять такія слова и Фразисы, которыхъ не находится въ Латинскихъ Писателяхъ. По сей то причинѣ въ Исторіи о Товіи, которая слѣдуетъ, вмѣсто *in diebus Salmanasar*, я положилъ *tempore Salmanasar*, и вмѣсто *in captivitate positus*, я положилъ *in captivitatem abductus*. Сіе слово *concaptivis* не есть Латинское, такъ какъ и *consortium*, въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно здѣсь взято; я поставилъ на мѣсто перваго *exilii sui comitibus*, а вмѣсто втораго, *societatem*.

Одинъ старинной * Профессоръ Университета, которому я сообщилъ мои намѣренія, благоволилъ сочинить такія Исторіи взятыя изъ Св. писанія для употребленія

* Г. Гевзенъ бывшій прежъ сего Про-

фессоромъ въ коллегїи Бовальской.

потребленїя дѣтей, кои начинаютъ обучаться Латинскому языку, или которые находятся въ первыхъ еще классахъ. Я надѣюсь, что публика будетъ довольна сею книшкою, и что похвала ей приписанная понудитъ Сочинителя издать (*a*), другую тогожъ вкусу, но особливаго роду, въ которой соберутся Исторїи, и нравоучительныя изрѣченїя взятыя изъ древнихъ Писателей, и состоящїя по большой части изъ ихъ собственныхъ словъ, но освобожденныя отъ всѣхъ затрудненїй, и соображенныя со слабымъ понятїемъ дѣтей, кои учиться лишь только начинаютъ.

TOBIAS.

Ex Tob. cap. 1.

Tobias ex tribu Nephtali captus fuit tempore Salmanasar Regis Assyriorum. In captivitatem abductus viam veritatis non deseruit. Omnia bona, quæ habere poterat, quotidie sui exilii comitibus impertiebat. Cum esset junior omnibus, nihil tamen puerile gessit. Denique, cum irent omnes ad vitulos aureos,

---

(*a*) *Сїе второе сочиненїе вышло въ свѣтъ по первомъ изданїи моего, и похвала публики подтвердила мои догадки. Въ самомъ дѣлѣ я не знаю ни одной книги, котораябъ была полезнѣе и въ тожъ самое время прїятнѣе молодымъ людямъ. Тутъ собраны съ отмѣннымъ порядкомъ и выборомъ превосходныя правила нравоученїя и на всякую матерїю нужнѣйшїя Историческїя частицы. Я знаю искуснѣйшихъ особъ, кои признаются, что чтенїе сей книшки сдѣлало имъ великое удовольствїе.*

aureos, quos Ieroboam Rex Israel fecerat, hic solus fugiebat societatem omnium. Pergebat autem ad templum Domini, et ibi adorabat Deum. Haec et his similia secundùm legem Dei puerulus observabat.

EPAMINONDAS.

Epaminondas, dux clarissimus Thebanorum, unam solùm habebat vestem. Itaque quoties eam mittebat ad fullonem ipse interim cogebatur continere se domi, quòd ei vestis altera deesset. In hoc statu rerum, cum ei Persarum Rex magnam auri copiam misisset, noluit eam accipere. Si rectè iudico, celsiore animo fuit is, qui aurum recusavit, quam qui obtulit.

Ex Æliano lib. 5. cap. 5.

FILIAE PIETAS IN MATREM.

Ex Valer Max. lib. 5. cap. 4. num. 7.

Praetor mulierem sanguinis ingenui, damnatam capitali crimine apud tribunal suum, tradidit Triumviro necandam in carcere. Is, qui custodiae praeerat, misericordiâ motus, non eam protinus strangulavit. Quin etiam permisit eius Filiae ingredi ad matrem, sed postquam explorasset eam diligenter, ne fortè cibum aliquem inferret: existimans futurum, ut inediâ consumeretur. Cum autem iam dies plures effluxissent, miratus quod tam diu viveret, curiosius observata filiâ, animadvertit eius lacte matrem nutriri. Quae res tam admirabilis ad Iudices perlata remissionem paenae mulieri impetravit. Nec tantum matris salus donata Filiae pietati est, sed ambae perpetuis alimentis publico sumptu sustentatae sunt, et carceri ille, exstructo ibi Pietatis Templo, consecratus. Quò non penetrat, aut quid non excogitat pietas,

Plin. Hist. Nat. Lib. 7. cap. 36.

quae in carcere servandae genitricis novam rationem invenit? Quid enim tam inusitatum, quid tam inauditum quam matrem natae uberibus alitam fuisse? Putaret aliquis hoc contra rerum naturam factum, nisi diligere parentes prima naturae lex esset.

Я нарочно оставилъ больше трудности въ последней Исторіи затѣмъ что по мѣрѣ успѣху дѣтей въ разумѣніи Латинскаго языка, надлежитъ, чтобъ то, что заставятъ ихъ толковать, было труднѣе.

Я прошу Учителей обремененныхъ воспитаніемъ дѣтей до ихъ вступленія въ коллегію, чтобъ они благоволили разсмотрѣть безъ предупрежденія, и извѣдать самымъ опытомъ, не будетъ ли крапче, удобнѣе, и надежнѣе сей порядокъ наставлять, нежели тотъ, которой обыкновенно употребляется, когда, то есть, заставляютъ ихъ съ самаго начала слагать Ѳемы. Тѣжъ самыя правила попадаются и здѣсь, и имъ часто повторяются, съ тѣмъ только различіемъ, что они находятъ примѣненіе оныхъ во всей готовности въ писателяхъ, которыхъ толкуютъ, вмѣсто того, что они принуждены бываютъ сами дѣлать оное въ Ѳемахъ, что, какъ я уже упомянулъ, подвергаетъ ихъ многимъ погрѣшностямъ, выговорамъ, и наказаніямъ. Слѣдуя доброму смыслу, и правому разуму, я не могу сумниться, что дѣти навыкшія такимъ образомъ толковать чрезъ шесть

или

или девять мѣсяцовъ, и давать послѣ того отчеть въ ихъ толкованіи, хотя живымъ голосомъ, хотя письменно, или лучше еще, тѣмъ и другимъ способомъ, будутъ больше въ состояніи дѣлать Ѳемы, естли сіе сочтено будетъ за полезное, и вступить въ шестой классъ.

Я долженъ еще увѣдомить Учителей, которымъ ввѣрена должность подавать первыя наставленія дѣтямъ, что они обязаны крѣпко наблюдать, чтобъ ихъ ученики принимали природной голосъ тогда какъ они читаютъ, толкуютъ, и высказываютъ наизусть свои уроки. Я называю природнымъ голосомъ тотъ, которой обыкновенно употребляется въ обращеніи, когда говорятъ съ другомъ, или расказываютъ какое нибудь приключеніе: въ которомъ случаѣ былобъ очень смѣшно кричать во всю мочь, какъ обыкновенно дѣлаютъ мальчики. Я знаю изъ самаго опыта, сколь трудно бываетъ въ послѣдствіи исправить въ нихъ сей порокъ, котораго хоть малую частицу они сохраняютъ всегда въ произношеніи.

О томъ, что должно наблюдать въ шестомъ и пятомъ Классахъ.

Трудъ нижнихъ классовъ, что касается до разумѣнія Латинскаго языка, состоитъ въ толкованіи Писателей, въ сочиненіи Ѳемъ, и въ переводѣ. Поелику

я предложилъ о сей последней матерїи въ иномъ мѣстѣ, то буду здѣсь говорить только о другихъ двухъ.

О толкованїи Писателей.

Справедливо на то жалуются, что нѣтъ Латинскихъ писателей, которыебъ годились для шестова и пятова классовъ. Число тѣхъ, коихъ можно не безъ пользы въ нихъ толковать, ограничивается только двумя, или тремя; они суть слѣдующїе; Федръ, Корнелїй Непотъ, Цицеронъ; ибо я не вѣдаю, должно ли поставить въ сїе число Аврелїя Виктора, и Евтропїя, кои написали сокращенїя Римской исторїи очень не исправныя, и наполненныя по большой части множествомъ именъ собственныхъ, и хронологическихъ чиселъ, кои удобно могутъ наскучить дѣтямъ, лишъ только начинающимъ учиться Латинскому языку. Можно еще сумнѣнїе имѣть о томъ, годятся ли письма Цицероновы для сихъ классовъ, по тому что они очень важны, а часто темны и не вразумительны. Какъ бы то ни было, только ето извѣстно, что такихъ Писателей есть трое, и что ихъ не довольно для сихъ двухъ классовъ, а особливо предполагая, что дѣти вступаютъ въ первой будучи ужъ нѣсколько привычны къ толкованїю.

Можно, мнѣ кажется, пособить сему недостатку, выбирая изъ Цицерона, Тита Ливїя, Кесаря, и изъ другихъ подобныхъ писателей лучшїя мѣста въ разсужденїи

жденїи какъ исторїи, такъ и нравоученїя, и соображая ихъ съ понятїемъ дѣтей. Сенека, Плинїй, и Валерїй Максимъ не смотря на то, что они не столько чисты, могутъ сообщить исторїи и наставленїя, которыя искуство расположителей изобразитъ яснѣйшимъ и чистѣйшимъ штилемъ. Я предложу здѣсь нѣсколько на сїе примѣровъ.

I. IMPIOS TORQUET CONSCIENTIA.

Cic. lib. 1. de leg. n. 40. Tacit. Annal. l. 6. n. 6. Ibid. lib. 14. n. 10.

Angor et sollicitudo conscientiæ diu noctuque vexat impios Non immeritò aiebat sapiens, si recludantur Tyrannorum mentes, posse aspici laniatus et ictus. Ut enim corpora verberibus, ita sævitiâ et libidine animus dilaceratur . . . . Dicitur Nero, postquam matrem Argrippinam interfecit, perfecto demum scelere, magnitudinem eius intellexisse. Perreliquum noctis modò in tenebris et cubili se occultans, modò præ pavore exsurgens, et mentis inops, lucem opperiebatur, tanquam exitium allaturam.

II. DAMOCLES.

Ex Tusc. Quæst. lib. 5. n. 61. 62.

Dionysius Tyrannus Syracusanorum, cum omni opum et voluptatum genere abundaret, indicavit ipse, quàm parum esset beatus. Nam cum quidam ex eius assentatoribus Damocles commemoraret in sermone copias eius, opes, maiestatem, rerum abundantiam, magnificentiam ædium regiarum; negaretque unquam beatiorem illo qnenquam fuisse: Visne igitur, inquit, Damocle, quoniam hæc te vita delectat, ipse eandem

dem degustare, et fortunam experiri meam? Cum se ille cupere dixisset, collocari iussit hominem in avreo lecto, strato pulcherrimis stragulis; abacosque complures ornavit argento avroque cælato. Tum ad mensam eximia formâ pueros delectos iussit consistere, eosque ad nutum illius intuentes diligenter ministrare. Aderant unguenta, coronæ: incendebantur odores, mensæ conquisitissimis epulis extruebantur. Fortunatus sibi Damocles videbatur. In hoc medio apparatu fulgentem gladium è lacunari setâ equina appensum, demitti iussit, ut impenderet illius beati cervicibus. Itaque nec pulchros illos administratores aspiciebat, nec plenum artis argentum: nec manum porrigebat in mensam: iam ipsæ defluebant coronae. Denique exoravit Tyrannum, ut abire liceret, quòd iam beatus esse nollet. Satisne videtur declarasse Dionysius, nihil esse ei beatum, cui semper aliquis terror impendeat?

III. MAGISTRI FALISCORUM PERFIDIA.

Tit. Liv. lib. 5. n. 27.

Romani Camillo duce Falerios obsidebant. Mos erat tum apud Faliscos, ut plures simul pueri unius magistri curae demandarentur. Principum liberos, qui scientiâ videbatur præcellere, erudiebat. Is cum in pace instituisset pueros ante urbem lusûs exercitationisque cavsâ producere; eo more per belli tempus non intermisso, die quâdam eos paulatim solito longius trahendo à portâ, in castra Romana ad Camillum perduxit. Ibi scelesto facinori scelestiorem sermonem addidit, Falerios se in manus Romanorum tradidisse, cum eos pueros, quorum parentes in eâ civitate principes erant, in eorum potestatem dedidisset. Quae ubi Camil-

Camillus audivit, hominis perfidiam execratus: Non ad simillem tui, inquit, nec populum, nec imperatorem, cum scelesto munere scelestus ipse venisti. Sunt belli etiam, sicut pacis, iura, iusteque non minus quàm fortiter bella gerere didicimus. Arma habemus non adversùm eam ætatem, cui etiam captis urbibus parcitur; Sed adversùs hostes armatos, â quibus iniustè lacessiti fuimus. Denudari deinde iussit Ludimagistrum, eumque manibus post tergum illigatis, reducendum Falerios pueris tradidit; virgasque eis, quibus proditorem agerent in urbem verberantes, dedit. Falisci Romanorum fidem et iustitiam admirantes, ultrò se iis dediderunt, rati sub eorum imperio meliùs se, quàm legibus suis, victuros. Camillo et ab hostibus et a civibus gratiæ actæ. Pace datâ, exercitus Romam reductus.

IV. DAMONIS ET PYTHIAE FIDELIS AMICITIA.

Damon et Pythias, Pythagoricae prudentiae sacris initjati, tam fidelem inter se amicitiam iunxerant, ut alter pro altero mori parati essent. Cum eorum alter a Dionysio Tyranno nece damnatus, impetrasset tempus aliquod, quo profectus domum res suas ordinaret; alter vadem se pro reditu eius dare Tyranno non dubitavit, ita ut, si ille non revertisset ad diem, moriendum esset sibi ipsi. Igitur omnes, et in primis Dionysius, novae atque ancipitis rei exitum cupidè expectabant. Appropinquante deinde definitâ die, nec illo redeunte unusquisque stultitiae damnabat tam temerarium sponsorem. At is nihil se de amici constantiâ metuere praedicabat. Et verò

Val. Max. lib. 4. cap. 7. Cic. lib. 3. de offic. n. 45.

vero ille ~~ad diem~~ dictam supervenit. Admiratus eorum fidem Tyrannus, petivit, ut se in amicitiam tertium reciperent.

V. STILPONIS PRAECLARA VOX.

Senec. de Constant. Sap. cap. 5.

Urbem Megara ceperat Demetrius, cui cognomen Poliorcetes fuit. Ab hoc Stilpon Philosophus interrogatus, num quid perdidisset? Nihil, inquit: omnia namque mea mecum sunt. Atqui et patrimonium eius in praedam cesserat; et filias rapuerat hostis, et patriam expugnaverat. Ille tamen, captâ urbe, nihil se damni passum fuisse testatus est. Habebat enim secum vera bona, doctrinam scilicet et virtutem, in quae hostis manum iniicere non poterat: at ea quae a militibus diripiebantur, non iudicabat sua. Omnium scilicet bonorum, quae extrinsecus adveniunt, incerta possessio est. Ita inter micantes ubique gladios, et ruentium tectorum fragorem, uni homini pax fuit.

VI. BENEFICIA VOLUNTATE CONSTANT.

Senec. de benef. lib. 1. cap. 7. et. 8.

Beneficia non in rebus datis, sed in ipsâ benefaciendi voluntate consistunt. Non nunquam magis nos obligat, qui dedit parva magnificè; qui Regum aequavit opes animo; qui exiguum tribuit, sed libenter. Cum Socrati multa multi, pro suis quisque facultatibus, offerrent, Æschines pauper auditor, nihil, inquit, dignum te, quod dare tibi possim, invenio, et hoc tantum pauperem me esse sentio. Itaque dono tibi quod unum habeo, me ipsum. Hoc munus rogo, qualecunque est, non dedigneris, cogitesque alios, cum multum tibi darent, plus sibi reliquisse.

liquisse. Cui Socrates: istud quidem, inquit, magnum mihi munus videtur, nisi forte parvo te aestimas. Habebo itaque curæ, ut te meliorem tibi reddam, quàm accepi. Vicit Æschines hoc munere omnem iuvenum opulentorum munificentiam.

Нѣтъ мнѣ нужды говорить здѣсь много о томъ, сколько такія мѣста древнихъ Писателей избранныя и составленныя со тщаніемъ и разсудкомъ, могутъ быть полезны вдругъ и пріятны молодымъ людямъ. Все то, чего желать только можно, соединяется тамъ вмѣстѣ: основаніе Латыни, примѣненіе правилъ, слова, мысли, разсужденія, нравоучительныя рѣчи, и дѣла, такъ что искусной Учитель можетъ очень употребить ето въ пользу учениковъ.

Онъ всегда начинать будетъ сопряженіемъ словъ, и ставить каждое изъ нихъ въ натуральномъ его мѣстѣ. Сперва заставитъ переводить просто, то есть, такъ, чтобъ ученики изъяснили силу каждаго слова. Я приведу изъ Исторіи о Дамоклѣ примѣры на то, что, по моему мнѣнію, должно дѣлать въ толкованіи Писателей въ разсужденіи начинающихъ.

,,*Dionysius Tyrannus Syracusanorum*, Діонисій Тираннъ Сиракузской; *cum abundaret* ,,*omni genere opum et voluptatum*, въ то время, ,,какъ онъ изобиловалъ всякаго роду богатствомъ и утѣхами; *indicavit ipse, quam* ,,*parum esset beatus*, показалъ самъ, сколь мало

ло онъ былъ счастливъ.„ Когда ученики сдѣлаются нѣсколько посмысленяе, каковыми я ихъ предполагаю тогда, какъ они вступаютъ въ шестой классъ, то я думаю, что лучше раздѣлять Фразисъ, такъ какъ я учинилъ, на разныя частицы составляющія совершенной смыслъ, коихъ слова связаны вмѣстѣ натуральнымъ образомъ, нежели разстанавливать всѣ оныя порознь, и прилагать Французское слово къ каждому Латинскому симъ образомъ; *Dionysius*, Діонисій: *Tyrannus*, Тираннъ: *Syracusanorum*, Сиракузской. Когда они перевели Фразисъ такимъ образомъ изъяснивъ силу каждаго слова, то надлежитъ, чтобъ поставили красивѣйшія выраженія, еже ли только они сыщутся, вмѣсто прежнихъ, н. п. „Діонисій Тиранъ Сиракузской, „хотя окруженъ былъ всякаго роду благи„ми, и утопалъ почти въ утѣхахъ, „самъ ясно показалъ, сколь мало онъ сча„стливъ былъ.„ Учители объявляютъ имъ причину сихъ перемѣнъ, и поправокъ.

Въ семъ первомъ Фразисѣ, какъ бы онъ ни былъ кратокъ, должно протолковать пять или еще шесть правилъ. Для чего *Syracusanorum* и *opum* стоятъ въ родительномъ падежѣ? Для чего *genere* въ творительномъ? Для чего *abundaret* въ сослагательномъ? Для чего *quam* сослагательномъ наклоненіи? Что значитъ *quam* приложенное къ слову *beatus*? Для чего *esset* въ сослагательномъ, и для чего *beatus* въ имени-

именительномъ падежѣ. Всѣ почти сїи правила находятся въ книжкѣ называемой *первыя основанїя Грамматики*, и сїи правила надлежитъ всегда читать отъ слова до слова такъ какъ они стоятъ въ ихъ книгахъ, дабы оныя вкоренить болѣе въ ихъ памяти, и избѣжать всякаго затемнѣнїя. Правило касающееся до правленїя глагола *abundare* не находится въ оныхъ. Чего для Учитель объявляетъ имъ оное изустно такъ напримѣръ, какъ оно стоитъ въ Грамматикѣ Портъ Роїаля. *Глаголы изобилїя или недостатка управляютъ по большой части творительнымъ падежемъ.* Къ сему правилу приводятся примѣры, которые положены въ Грамматикѣ. Сперва довольно бываетъ и того, чтобъ сказать имъ сїе правило, которое кратко и просто; по томъ въ случаѣ имъ объявляется, что *нѣкоторые изъ сихъ глаголовъ принимаютъ попеременно родительной или творительной падежъ*, на что и примѣры предлагаются.

Въ помянутой исторїи множество есть не весьма обыкновенныхъ словъ, которыя Учитель старается имъ растолковать, *stragulum*, *abacus*, *unguentum*, *lacunar*, *seta*. Употребленїе глагола *negare* требуетъ особливаго примѣчанїя. Надлежитъ сдѣлать чувствительною силу глагола *exoravit* *Orare* значитъ, просить чего нибудь: *exorare*, которой глаголъ есть сложной изъ *ex* и *orare*, значитъ получить неотступными

ными моленїями то, чего просятъ, или кратко сказать, умолить, вымолить. Онъ сочиняется различно: управляетъ винительнымъ особы, и провожаемъ бываетъ частицею *ut* съ сослагательнымъ наклоненїемъ какъ напримѣръ здѣсь: *Exoravit Tyrannum, ut abire liceret*: „Онъ „умолилъ Тиранна, чтобъ ему позволено „было удалиться: или, онъ получилъ „отъ Тиранна позволенїе удалиться„ Иногда онъ управляетъ вещїю и особою въ винительномъ. *Sine, ut id te exorem*: „позвольте, чтобъ я получилъ сїе отъ „васъ. Полагается такъ же вещь какая нибудь въ винительномъ, а особа въ творительномъ съ предлогомъ *a*, или *ab*. н. п. *Exorare aliquid ab aliquo.* „Выпросити какую „вещь у кого нибудь.„ Чрезъ сїе дѣти узнаютъ силу въ Латинскомъ языкѣ, и Учитель можетъ удобно вмѣщать сїи слова и фразисы въ Ѳемахъ, которыя онъ имъ задаетъ.

Есть нѣкоторыя тонкости, кои можно имъ показывать въ сихъ самыхъ лѣтахъ, *Gladium demitti iussit, ut impenderet illius beati cervicibus.* Можно было положить просто *illius cervicibus.* Какой красоты не придаетъ сїе слово, *beati*.

Мысль стоящая при концѣ соотвѣтствуетъ сему слову, и надлежитъ велѣть ученикамъ, чтобъ они ее замѣчали: *Exoravit Tyrannum, ut abire liceret, quòd iam beatus esse nollet.*

Изре-

Изреченїе оканчивающее сїю исторїю, заключаетъ нравственное наставленїе, которое должно изъ него выводить; и Учитель не позабываетъ употребить оное въ пользу. Онъ можетъ въ семъ случаѣ расказать басню о башмашномъ починителѣ, которой отнесъ казначею сумму денегъ, отъ него полученную за тѣмъ, что она похищала у него покой и благополучїе.

Есть и другїя достопамятныя примѣчанїя, которыя учинить можно на сїю исторїю въ разсужденїи какъ формулъ реченїя, такъ и правилъ сочиненїя (Syntaxeos). Мое намѣренїе было показать только нѣкоторыя изъ оныхъ. Все сїе не въ одномъ урокѣ бываетъ; а ето непремѣнно требуется, чтобъ ученики послѣ каждаго толкованїя давали отвѣтъ во всемъ томъ, что имъ было сказано. Иногда Учитель отлагаетъ до другова дни вопрошать ихъ, чрезъ что ему болѣе видно бываетъ, со вниманїемъ ли они его слушали. Переводъ протолкованныхъ мѣстъ, которой имъ назначается или въ тотъ самой день, или чрезъ нѣсколько дней, производитъ такоежъ дѣйствїе.

Я присовокуплю здѣсь одну басню изъ Федра съ тѣмъ единственно, чтобъ показать, какимъ образомъ надлежитъ дѣлать и самымъ отрокамъ чувствительными хорошїя мѣста въ Писателяхъ.

БАСНЯ О ВОЛКѢ И ЖУРАВЛѢ.

Os devoratum fauce cum haereret lupi,
Magno dolore victus, caepit singulos
Inlicere pretio, ut illud extraherent malum.
Tandem persuasa est iurejurando gruis,
Gulaeque credens colli longitudinem,
Periculosam fecit medicinam lupo.
Pro quo cum facto flagitaret praemium,
Ingrata es, inquit, ore quae nostro caput
Incolume abstuleris, et mercedem postulas.

Сїя басня кратка и проста, но при всей своей простотѣ, которая составляетъ главную ея прїятность, она неподражаемой находится красоты. Самые отроки могутъ чувствовать всю ея тонкость, и я видѣлъ, что многїе изъ нихъ въ публичныхъ екзерцицїяхъ не пропускали ни одного слова, которое было достойно примѣчанїя, и отдавали въ каждомъ исправной отчетъ.

Os devoratum. Сїе слово очень пристойно къ показанїю дѣйствїя голоднаго волка, которой не ѣстъ, но глотаетъ, или паче сказать, съ жадностїю пожираетъ.

Magno dolore victus, coepit Singulos inlicere pretio. Волкъ отъ природы не есть животное тихое и покорное. Наглость бываетъ его участью. И такъ это многова ему стоило, чтобъ прибѣгнуть къ столь унизительной прозьбѣ. Природная его лютость и боль, которую онъ терпѣлъ, сра-

сражались чрезъ долгое время. Однакожъ наконецъ послѣдняя верьхъ одержала, что весьма изрядно показываетъ слово *victus*. *Dolore magno oppressus*, не могло бы представить тогожъ изображенія.

Inlicere, или *illicere pretio*. Сіе слово есть отборное и красивое. Учитель показываетъ его изрядство такъ какъ и другихъ сложныхъ *allicere*, *pellicere*; и представляетъ на то примѣры взятые изъ другихъ басенъ Федра.

Ut illud extraherent malum, то есть, *illud os*. Дѣйствіе вмѣсто причины. Какое различіе!

Tandem. Сіе слово значитъ много, и намекаетъ, что волкъ просилъ многихъ другихъ животныхъ, которыя однакожъ будучи не столь глупы, какъ журавль, отказались.

Persuasa est iurejurando. Онъ не повѣрилъ бы однимъ словамъ волка; чего для сему надлежало дать клятву, и клятву безъ сумнѣнія ужаснѣйшую. Съ симъ журавль глупой почелъ себя въ безопасности.

Gulæque credens colli longitudinem. Возможно ли лучше изобразить дѣйствіе журавля? Дабы чувствовать всю красоту сего стиха, надлежитъ только представить его въ простомъ предложеніи; *et collum inserens gulæ lupi*. *Collum* одно очень ниско *Collum longum* изъясняетъ болѣе, но не представ-

 ляетъ

ляетъ точнаго изображенія: вмѣсто того, что, когда поставится существительное на мѣсто прилагательнаго *collilongitudinem*, кажется, что стихъ столькожъ протягается; какъ и шея журавля. Но возможно ли лучше изобразить чрезвычайную безразсудность сего скота, которой осмѣливается вложить свою шею въ волчью пасть, какъ чрезъ сіе слово, *credens*? Учитель изъясняетъ силу онаго, и приводитъ на то многіе примѣры изъ тогожъ Федра.

Periculosam fecit medicinam lupo. Можно было сказать просто: *os extraxit e gulâ lupi.* Но *fecit medicinam* имѣетъ гораздо больше пріятности; и прилагательное *periculosam* показываетъ, въ какую опасность отдался сей глупой лѣкарь. Изъясняя слово, *medicinam*, которое значитъ здѣсь хирургическое дѣйствіе, надлежитъ упомянуть, что у древнихъ лѣкари не были отмѣнны отъ хирурговъ, и что они отправляли должность сихъ послѣднихъ.

Flagitaret. Сей глаголъ значитъ, требовать, просить неотступно, приставать, привязываться съ прозьбою. *Peteret*, *postularet*, не имѣлибъ той силы.

Ingrata es, inquit, etc. Сей образъ рѣченія употребительной въ Федровыхъ, и во всѣхъ другихъ повѣстяхъ, гораздо живѣе, нежели, когдабъ сказано было: *respon-*

respondit lupus, ingrata es, etc. Сверьхъ сего примѣчается, сколько имѣетъ важности и силы отвѣтъ волка. *Ore nostro* весьма пристойнѣе, нежели *meo.* Ибо волкъ почитаетъ себя превосходнымъ животнымъ.

Вотъ вся басня расказанная простымъ образомъ, и безъ всякихъ украшенiй, что дѣлаетъ всю ея красоту болѣе чувствительною. Можно прiучать дѣтей къ тому, чтобъ они представляли въ другомъ видѣ мѣста, которыя только могутъ принимать такую перемѣну.

Cum os haereret in fauce lupi, is magno dolore oppressus, caepit singulos animantes rogare, ut sibi illud os extraherent A caeteris repulsam passus est: at gruis persuasa est illius iureiurando, suumque collum lupi gulae in serens, extraxit os. Pro quo facto cum illa pæteret præmium, dixit lupus: Ingrata es, quae ex ore meo caput abstuleris incolume, et mercedem postules.

Я оставляю читателю заключать, сколько Исторiи и басни такимъ образомъ повседневно изъясняемыя во весь круглой годъ могутъ научить ихъ Латинскому языку, и, что болѣе еще стоитъ, сколько онѣ способствуютъ къ направленiю ихъ вкуса, и къ утвержденiю разума.

О сочиненiи Ѳемъ.

Когда отроки начинаютъ уже по нѣкоторой мѣрѣ разумѣть Латинской языкъ, и когда они привыкли нѣсколько къ толкованiю, то я думаю, что сочи-

женіе Ѳемъ можетъ имъ быть весьма полезно, толькобъ оно небыло очень часто, а особливо при начатіяхъ. Оно принуждаетъ ихъ производить въ дѣло правила, часто живымъ голосомъ имъ толкованныя, и примѣнять оныя, чрезъ что они глубоко начертываются въ ихъ умахъ; оно подаетъ имъ случай употреблять всѣ слова, и всѣ Фразисы, которыя имъ показаны были при изъясненіи Писателей; ибо желательно, чтобъ задаемыя Ѳемы сочинялись по образцу Писателя имъ изъясненнаго, которой имъ сообщитъ слова и рѣчи уже извѣстныя, кои они расположатъ только по правиламъ ихъ Сочиненія (*Syntaxeos*).

Не нужно при семъ увѣдомлять, что Ѳемы должны всегда, сколько возможно, заключать какую нибудь частицу Исторіи, нравоучительное изрѣченіе, или истинну Закона. Ето есть обыкновеніе издревле утвержденное въ Университетѣ, которое въ немъ отъ всѣхъ наблюдается. Оно очень нужно для молодыхъ людей, коихъ разумъ оно наполняетъ не чувствительно любопытными познаніями, и правилами полезными для поведенія жизни. Я уже объявилъ то, что Квинтиліанъ говоритъ въ случаѣ образцовъ, даемыхъ отъ Учителей для списки дѣтямъ. Онъ не хочетъ, чтобъ сіи образцы состояли изъ нѣкоторыхъ вздорныхъ словъ, и изъ пустыхъ мнѣній, кои ничего не значатъ,

но

ко чтобъ они содержали основательныя изрѣченія сообщающія какую нибудь истинну. Причина, которую онъ на сіе представляетъ, очень изрядна. Сіи изрѣченія, говоритъ онъ, которыя мы переняли въ юности, послѣдуютъ за нами до самой старости, и впечатлѣніе, которое они сдѣлали въ разумѣ еще нѣжномъ, вкрадывается въ самые нравы, и входитъ въ поведеніе. Ибо (*), присовокупляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, съ разумомъ дѣтей дѣлается тожъ, что съ новымъ сосудомъ, которой чрезъ долгое время сохраняетъ запахъ влажности, съ самаго начала въ него влитой; такъ первыя понятія, которыя человѣкъ получаетъ въ незрѣломъ возрастѣ, съ трудомъ всегда уничтожаются.

Ето справедливѣе еще находится въ разсужденіи Ѳемъ. Всякой чувствуетъ, сколь сіе смѣху достойное есть дѣло, чтобъ наполнять оныя всегда простонародными рѣчьми, или такими, которыя ничего незначатъ. *Петръ богаче Павла, и долженъ быть въ большемъ почтеніи, нежели сей . . . Аелидъ прибылъ изъ Ліона въ Парижъ, и принесъ мнѣ деньги, которыя онъ полу-*

(*) Naturâ tenacissimi sumus eorum, quæ rudibus annis percipimus: ut sapor, quo nova imbuas, durat. *Id. Lib.* 1. *cap.* 1.

Quo semel est imbuta recens, servabit odorem Testa diu. Horat. Lib. 1. ep. 2.

получилъ отъ отца моего . . . Прилѣжной ученикъ долженъ сожалѣть о томъ, что онъ не выучилъ уроковъ отъ Учителя ему назначенныхъ. Не можнолибъ было включить тѣжъ самыя правила въ важнѣйшихъ примѣрахъ ? н. п. *Знанïе долженствуетъ быть въ большемъ почтенïи, нежели богатство, а добродѣтель еще драгоцѣннѣе, нежели знанïе . . . Киръ, Царь Персидской, взявъ наконецъ Вавилонъ, позволилъ Жидамъ возвратиться во Iерусалимъ, и отослалъ въ сей городъ священные сосуды, которые были прежде того перенесены оттуда въ Вавилонъ, и кои Валтасаръ осквернилъ въ общенародномъ торжествѣ . . . Христïанскïя дѣти должны стыдиться, что они не читаютъ св. книгъ, которыя суть такъ какъ бы письмо отъ Отца небеснаго имъ написанное.*

Однакожъ я не совѣтую здѣсь Учителю столько себя принуждать, чтобъ онъ не смѣлъ никогда задавать другихъ рѣчей, кромѣ нравоучительныхъ, и чтобъ вмѣщалъ во всѣ ѳемы связное и продолжительное умствованïе. Онъ бы часто безъ всякой нужды себя мучилъ, чтобъ въ томъ успѣть, а особливо въ *ѳемахъ подражанïя*; онъ долженъ оставить свой трудъ для такихъ дѣлъ, которыя достойнѣе онаго. Раздѣльные Фразисы меньше ему стоить будутъ, но не меньше принесутъ пользы ученикамъ.

ВЪ

Въ Ѳемахъ подраженія надлежитъ хранить настоящую средину между черезчуръ великою удобностію, которая не оставляетъ дѣтямъ ничего почти болѣе, какъ только трудъ списывать слова и Фразисы ихъ Писателя; и между чрезчуръ великимъ затрудненіемъ, которое принуждаетъ ихъ терять много времени, и часто превышаетъ ихъ силы. Мѣсто, которое даютъ имъ для подраженія, не должно быть продолжительно. Ето не худо, чтобъ они съ начала перемѣняли только одни падежи и времена. Иногда они должны подражать единственно Фразисамъ, а не словамъ. Не ненужно такъ же, чтобъ Учитель изготовилъ Ѳему прежде, нежели онъ толковать станетъ мѣсто, на которое онъ долженъ ее задать; потому что въ толкованіи онъ больше всего останавливается надъ Фразисами, и правилами, которыя онъ намѣренъ помѣстить въ оной.

Есть еще и другой способъ къ сложенію Ѳемъ, которой можетъ такъ же приличествовать вышнимъ классамъ, и которой мнѣ кажется очень полезенъ, хотя онъ и не употребителенъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобъ велѣть иногда ученикамъ переводить Ѳемы въ классѣ, такъ какъ ихъ заставляютъ въ немъ толковать Писателей, то есть, живымъ голосомъ. Чрезъ то научаютъ ихъ удобнѣе

и надежнѣе употреблять въ дѣло правила и чтенія; и пріобучают пробывать безъ Словарей, къ чему, какъ я думаю, долженствуетъ между протчимъ клониться Учительское намѣреніе. За тѣмъ что привычка перебирать листы въ оныхъ дѣлаетъ великой ущербъ времени. Я увѣренъ, что самый опытъ докажетъ, что молодые люди, естьли только они захотятъ употребить стараніе, найдутъ сами собою всѣ почти слова и Фразисы, которыя войдутъ въ Ѳему. Развѣ только для малаго словъ числа, которыя имъ будутъ новы и не знакомы, они будутъ обязаны имѣть прибѣжище къ Словарямъ, изъ коихъ самые краткіе и простые будутъ для нихъ самые лучшіе.

Это такъ же великой есть важности для ихъ, чтобъ книжки, по которымъ они учатся, были исправны и достаточны. Я часто слыхалъ отъ нѣкоторыхъ Профессоровъ, что хотя основаніе Грамматикъ, которыя тогда употреблялись, и кои, какъ я думаю, и нынѣ употребляются еще во многихъ коллегіяхъ, довольно хорошо; однакожъ сдѣлать надлежалобъ въ нихъ нѣкоторыя перемѣны, выметы, и прибавленія. Дабы въ томъ успѣть, мнѣ кажется, что есть весьма удобной и сродной способъ, а имянно сей, чтобъ попросить обучающихъ въ сихъ классахъ съ нѣкотораго времени, дабы они благоволили вынесть на бумагу примѣчанія а

нія, кои они безъ сумнѣнія учинили къ такой книгѣ, которую они употребляютъ чрезъ многія лѣта. Послѣ чего искусной Учитель, которой имѣетъ опытъ въ семъ родѣ, пользуясь различными ему сообщаемыми увѣдомленіями, можетъ переправить во многихъ мѣстахъ такія грамматическія книжки и сдѣлать лучшій порядокъ и ясность, нежели кои въ нихъ находятся. Сей трудъ, хотя и надъ маловажными вещами, однакожъ не недостоинъ искуснаго человѣка. *In tenui labor, at tenuis non gloria.*

О томъ, что должно наблюдать въ вышнихъ классахъ.

Правила, кои предложены были по сіе мѣсто для двухъ нижнихъ классовъ, могутъ приличествовать другимъ во многихъ пунктахъ. Но сіи послѣднія требуютъ особливыхъ нѣкоторыхъ примѣчаній: I. О выборѣ Писателей, которыхъ надлежитъ толковать въ оныхъ; II О томъ, что должно паче всего примѣчать въ семъ ихъ толкованіи: III. О надобности пріучать молодыхъ людей къ тому, чтобъ они говорили по Латыни.

О выборѣ книгъ для толкованія.

Книги обыкновенно читаемыя въ четвертомъ классѣ суть слѣдующія: записки Кесаря, комедіи Теренція, нѣкоторыя письма Цицероновы, Исторія Юстина.

Нѣтъ

Нѣтъ ничего совершеннѣе въ своемъ родѣ, какъ записки Кесаря, и я удивляюсь, что Квинтиліанъ, которой упомянулъ о нѣкоторыхъ рѣчахъ имъ говоренныхъ, коихъ сила и живость показываютъ, говоритъ онъ, что сей Римлянинъ имѣлъ тотъ же самой жаръ въ реченіи, какъ и въ сраженіи, не сказалъ ни одного слова о его запискахъ. Въ нихъ усматривается царствующая по всюду красота съ такою языка чистотою, которой надивиться не можно, и которая была особливымъ его характеромъ; и можно сказать, что онѣ отзываются благородствомъ и знатностію ихъ Писателя,
Lib. x. cap. 1. какъ Квинтиліанъ сказалъ сіе о сочиненіяхъ Мессалы. Можетъ статься, что онъ считая сіи записки простыми журналами, а не настоящею Исторіею, подумалъ, что онъ не былъ обязанъ объ нихъ упоминать.

Brut. n. 261. Цицеронъ имъ оказываетъ болѣе справедливости. Упоминая сперва о рѣчахъ Кесаря онъ говоритъ, что съ чистотою языка, о которой не только Ораторъ, но и всякой гражданинъ Римской долженствуетъ стараться, онъ соединилъ всѣ Риторическія украшенія. Послѣ сего онъ приступаетъ къ его запискамъ, и приписываетъ имъ чрезвычайную похвалу, о которой я объявилъ выше.

Одна-

Однакожъ надлежитъ признаться, что пріятности и красоты сего Писателя болѣе чувствительны суть особамъ, которыя имѣютъ исправной вкусъ и разсужденіе, нежели дѣтямъ такимъ, какъ они бываютъ въ четвертомъ классѣ. Живое и стремительное воображеніе молодыхъ людей любитъ различіе и перемѣнность предмѣтовъ, и не очень привыкаетъ къ одновидности царствующей въ Кесаревыхъ запискахъ, въ которыхъ ничего почти болѣе не видно, какъ только расположенія арміи по лагерямъ, маршированія, осады городовъ, сраженія, рѣчи говоренныя солдатамъ отъ Генерала. По сей причинѣ иные Профессоры не показываютъ сего Писателя въ четвертомъ классѣ, и я ихъ не охуждаю.

Есть изъ нихъ еще такіе, которые изключаютъ изъ онаго классу и Терентія, но для противной совсемъ причины. Ибо не иное что, какъ опасеніе утѣхи и вкуса, кои молодые люди въ немъ находятъ, дѣлаетъ имъ его подозрительнымъ. Я знаю, что Господа де Порт-Роіяль, коихъ не уличатъ въ послабленіи, что касается до нравовъ, не сочли опаснымъ чтеніе онаго для молодыхъ людей; потому что они перевели нарочно для ихъ нѣкоторыя комедіи, выкинувъ изъ нихъ такія мѣста, которыя очень противны стыдливости. Однакожъ не только что

сіи

сїи мѣста опасны для молодыхъ людей, но самое основанїе комедїй, и интрига, которую надлежитъ непремѣнно имъ изъяснить, ежели Учитель хочетъ, чтобъ они разумѣли оныхъ связь и послѣдствїе; интрига, могущая въ нихъ удобно воспламенить такую страсть, которая и такъ имъ очень сродна, которая обладаетъ столь великимъ ихъ числомъ, когда они приходятъ въ совершеннѣйшїй возрастъ, и которая производитъ столь многїя тревоги и раззоренїя въ фамилїяхъ. Стихотворецъ употребляетъ все свое остроумїе, и все искуство не только къ извиненїю, но и къ оправданїю страсти, по мнѣнїю Язычниковъ, не очень предосудительной, и къ совершенному осмѣянїю поступки отца, принимающаго благоразумныя предосторожности для воспитанїя своего сына между тѣмъ, какъ онъ представляетъ образцомъ поведенїе другова отца, которому нужды нѣтъ до мотовства своего сына, и которой даетъ ему жить по своей волѣ. Что можно основательнаго противуположить справедливому страху Профессора, которой чувствуетъ всю красоту и тонкость Терентїя, но чувствуетъ такъ же, и еще больше, опасность и ядъ скрытый

Confess. Lib. 1. cap. 17.

подъ сими цвѣтами? „Я не порочу словъ,„ говорилъ святый Августинъ, упоминая о семъ стихотворцѣ; „ето суть избран„ные и драгоцѣнные сосуды; а порочу

„вино

„вино заблужденія, которое упившїися „Учители намъ представляли въ сихъ „сосудахъ, и которое принуждали насъ „пить подъ страхомъ наказанія, такъ „что мы не имѣли позволенія дѣлать „аппелляцію къ какому нибудь трезвен-„ному и разсудительному судьѣ„ Квинтиліанъ отлагаетъ чтеніе комедій до такова времени, въ которое нравы будутъ внѣ опасности: такъ можно ли похулить Христїанскаго Учителя, которой сыщется столько же остороженъ? Lib. 1, c. 5.

Передъ третьимъ изданїемъ сего Сочиненія я не читалъ еще книшки *Terentius Christianus*, напечатанной въ Колоніи 1604 году, и сочиненной однимъ префектомъ коллегіи въ городѣ Гарлемѣ, что въ Голландіи, Корнеліемъ Шонеемъ Гуданскимъ *. Въ предисловіи сей книги объявляется, что оный Префектъ, человѣкъ великихъ качествъ и славной, вмѣстѣ съ другими особами таковаж званія весьма сожалѣлъ о томъ, что оставляли въ рукахъ юношей писателя столь опаснаго въ разсужденіи нравовъ, какъ былъ Теренцій; и сія опасность, по его мнѣнію, происходила наипаче отъ самаго основанія ѳеатральныхъ пїесъ, которое подъ самою чистою и красивою рѣчью скрываетъ ядъ тѣмъ пагубнѣйшїй, что онъ не примѣтенъ, и что не колетъ чистыхъ ушей грубымъ сквернословїемъ, какъ это обыкновенно Плавту. Дабы пособить та-

* Изъ Гуды города, что въ Голландіи.

кой невыгодѣ, сей Префектъ исполненный достохвальной ревности къ успѣху Юношества какъ въ благочестїи, такъ и въ словесныхъ наукахъ, сочинилъ многїя комедїи на образецъ Терентїя, которыхъ содержанїя взяты изъ св. Писанїя. Я читалъ изъ нихъ двѣ первыя, которыя мнѣ показались преизрядны. Это правда, что ѳеатральныя правила въ нихъ не очень наблюдены, однакъ рѣчь своею чистотою и изрядствомъ едва уступаетъ рѣчи Терентїевой. Всякъ можетъ чувствовать, что Писатель старался нарочно вызнать свойство и штиль Терентїя, которыя онъ удачливо внесъ въ Христїанскїя Пїесы отъ него намъ оставленныя. Я могу принять на себя сїе старанїе, чтобъ напечатать одну или двѣ изъ нихъ, дабы вывесть изъ забвенїя такова Писателя, которой достоинъ быть болѣе знакомъ ученымъ людямъ, а особливо тѣмъ, которымъ поручено воспитанїе Юношества. Сїя бы книга весьма годилась для Семинарїй, въ которыхъ благочестивые церковнослужители иногда считаютъ за долгъ, чтобъ не давать въ руки молодымъ Клирикамъ, какъ только такїя книги, кои отзываются благочестїемъ и Христїанствомъ.

Цицероновы письма, Парадоксы, разсужденїя о старости, о дружбѣ, о должностяхъ гражданской жизни, и другїя по-

подобныя, весьма служатъ четвертаго и третьяго класса ученикамъ. Чистота и изрядство Латинскаго языка не составляютъ еще главной пользы, которую въ нихъ находятъ молодые люди: весь свѣтъ знаетъ, сколь сіи Философскія книжки суть наполнены превосходными наставленіями. Но какъ часто онѣ наполнены такъ же доказательствами тонкими, умозрительными, и предполагающими въ читателѣ глубокое познаніе древней Философіи, то большая часть Учителей признается, что многія мѣста сихъ книгъ превышаютъ понятіе ихъ учениковъ. По сей причинѣ желалъ бы я, чтобъ сдѣлали для четвертаго и третьяго классовъ то, что я означилъ для двухъ предшествующихъ, то есть, чтобъ выбрали изъ различныхъ Писателей, а особливо изъ Философскихъ дѣлъ Цицерона, Исторіи и наставленія сходственныя съ силою учениковъ тѣхъ классовъ. Ибо въ сіе время не требуется того, чтобъ внушить молодымъ людямъ связь продолжительнаго и темнаго умствованія, что находится сверхъ ихъ понятія, но только чтобъ научить ихъ чистотѣ Латыни, и подать имъ хорошія основанія. Но выписки учиненныя со тщаніемъ и разборомъ, которыя могутъ иногда имѣть пристойную долготу, былибъ равнымъ образомъ способны для сихъ двухъ намѣреній, и не имѣлибъ невыгодъ, кои не из-

бѣжны бываютъ тогда, какъ толкуютъ сряду цѣлыя книги, которыя конечно не съ тѣмъ намѣренїемъ сочинены, чтобъ учить дѣтей Латинскому языку.

Я тѣмъ болѣе говорю о семъ членѣ, что мало находится Историковъ приличныхъ симъ двумъ классамъ. Четвертой, кромѣ Кесаря, имѣетъ одного только Юстина, котораго Латынь не очень чиста. Третїй ограничивается Книнтомъ Курцїемъ и Саллюстомъ, которыхъ надлежитъ въ немъ толковать поперемѣнно къ каждой годъ. Первой, хотя и не Августова вѣку, нравится чрезвычайно молодымъ людямъ по причинѣ его цвѣтнаго слова, и важныхъ дѣлъ, которыя онъ представляетъ. Что касается до Саллюста, то нѣтъ ни одного Писателя, котораго бъ можно было ему предпочесть. Квинтилїанъ не ўстрашается равнять его съ Ѳукидидомъ, столь почтеннымъ между Греческими Историками; и считаетъ, что онъ довольно дѣлаетъ чести Титу Ливїю, когда уваживъ его достоинство, онъ говоритъ, что чрезъ столь превосходныя качества, но со всемъ другова роду, нежели Саллюстовы, онъ достигъ до безсмертной славы, которую сей послѣднїй прїобрѣлъ чрезъ свою удивительную краткость. Въ самомъ дѣлѣ Саллюстъ такъ, какъ и Ѳукидидъ, писалъ слогомъ очень живымъ, краткимъ, и стѣ-

стѣсненнымъ: онъ имѣетъ столькожъ почти мыслей, сколько словъ, и оставляетъ разумѣть больше, нежели онъ говоритъ. Но сей то самой характеръ подаетъ причину опасаться, чтобъ сей Писатель не былъ свыше силъ третьяго класса; и я тѣмъ удобнѣе въ семъ увѣряюсь, что въ собраніяхъ уставленныхъ для разсмотрѣнія и изъясненія его трудностей, я видѣлъ, что и самые искусные знатоки долго медлили въ открытіи смыслу премногихъ мѣстъ. Какъ бы то ни было, однакожъ нѣтъ ни одного Писателя, которой бы намъ далъ лучшее понятіе о Римской республикѣ, нежели Саллюстъ, и которой бы изобразилъ живѣйшими цвѣтами свойство и нравы своего вѣку, кои знать очень для насъ не излишно.

Что касается до втораго классу, то довольно сыщется превосходныхъ сочиненій, которыя можно въ немъ читать молодымъ людямъ. Таковы суть: Исторія Тита Ливія, разсужденія Цицероновы объ Ораторѣ, егожъ книжки Философскія, и нѣкоторыя изъ его рѣчей. Но все сіе требуетъ благоразсуднаго выбору; и я не думаю, чтобъ кто обязанъ былъ непремѣнно толковать сихъ Писателей сряду. Не льзя болѣе прочитать во весь круглой годъ, какъ нѣкоторую очень умѣренную оныхъ часть, напримѣръ, четыре или пять книгъ Тита Ливія, да и

тово еще много. Вѣ такомѣ случаѣ не благоразумнѣе ли пропускать мѣста не очень важныя, какова есть вѣ первомѣ десяткѣ (декадѣ) большая часть тѣхѣ, вѣ которыхѣ Историкѣ предлагаетѣ споры Трибуновѣ, и многія сшибки, о коихѣ, полно и того, чтобѣ дать имѣ живымѣ голосомѣ нѣкоторое свѣденіе; а останавливаться долѣе на важныхѣ приключеніяхѣ, которыя несказанно больше нравятся, и способнѣе суть кѣ утвержденію разума. Я тожѣ говорю о рузсужденіяхѣ Цицероновыхѣ касающихся до краснорѣчія и Философіи, которыя болѣе еще требуютѣ, чтобѣ вѣ нихѣ наблюдаемо было сіе правило. Сноснолибѣ это было, ежелибѣ толкуя удивительную книгу, называемую *Orator*, читали все сряду разсужденіе о числахѣ, которое заключаетѣ около ста цифровѣ, и вѣ которомѣ находится столько вещей превышающихѣ понятіе учениковѣ, и совсемѣ безполезныхѣ вѣ разсужденіи предлагаемаго намѣренія, которое состоитѣ вѣ томѣ, чтобѣ ихѣ научить Латинскому Языку, и направить ихѣ вкусѣ? И такѣ надлежитѣ, чтобѣ искусной и разсудительной Учитель дѣлалѣ выборѣ вѣ тѣхѣ мѣстахѣ, которыя онѣ хочетѣ толковать, и ябѣ кѣ нему охотно примѣнилѣ вѣ семѣ случаѣ то, что сказалѣ Квинтиліанѣ, говоря обѣ Ораторѣ: *nihil esse, non modò in orando, sed in omni vitâ, prius consilio.*

При-

Примѣчанія, которыя надлежитъ дѣлать при толкованіи Писателей, можно заключить въ пяти или шести членахъ: 1 вой изъ нихъ содержитъ сочиненіе, (*Syntaxin*) которое даетъ причину на сопряженіе различныхъ частей рѣчи; 2 рой собственность словъ: то есть, ихъ собственное и натуральное означеніе; 3 тій красоту Латыни, чрезъ которую означается то, что сей языкъ имѣетъ тончайшаго и нѣжнѣйшаго; 4 той употребленіе частицъ; 5 той нѣкоторыя особливыя трудности, кои болѣе примѣтны и очевидны; 6 той способъ произносить и писать Латинскія слова, которой служитъ къ лутчему разумѣнію древнихъ Писателей. Я не присовокупляю здѣсь того, что касается до мыслей, фигуръ, связи и распоряженія рѣчи, потому что я буду о семъ говорить пространно въ другомъ мѣстѣ. О томъ что надлежитъ особливо примѣчать изъясняя Писателей въ вышнихъ классахъ.

Поелику въ двухъ первыхъ классахъ не можно было обучить какъ только поверхностямъ сей Грамматической части, то непремѣнно нужно, чтобъ молодые люди усиливались въ оной болѣе по мѣрѣ совершенства ихъ возрасту. Не надобно думать, чтобъ Грамматика, которая больше имѣетъ твердости, нежели блистанія, и которая по сей причинѣ кажется нѣкоторымъ особамъ презрительною, не достойна была тѣхъ, кои находятся въ вышнихъ классахъ. Она имѣ- 1. О сочиненіи.

етъ не только то, чемъ бы изострить разумъ молодыхъ людей, но и чемъ екзерциповать ученость самыхъ Учителей; и вредитъ единственно тѣмъ, кои на ней останавливаются, и ею одною себя ограничиваютъ, а не тѣмъ, которые употребляютъ ее такъ какъ ступень и дорогу, дабы перейти къ другимъ высочайшимъ познанiямъ. Она то приводитъ молодыхъ людей въ состоянiе давать причину на различныя словъ сопряженiя, кои попадаются въ рѣчи, и рѣшить многiя затрудненiя, которыя безъ сей помощи дѣлаютъ остановку. Для сего надобно, чтобъ они имѣли въ своемъ умѣ нѣкоторыя краткiя, свѣтлыя и основательныя правила, которыя служатъ имъ ключами, чтобъ ввесть ихъ въ разумѣнiе Писателей.

Въ сихъ Писателяхъ находится мѣстоименiе *qui*, *quae*, *quod*, сопряженное различными манерами. *Populo ut placerent quas fecisset fabulas.* Terent *Urbem*, *quam statuo*, *vestra est.* Uirgil. *Darius ad eum locum*, *quem Amanicas pylas vocant*, *peruenit.* Curt *Ad eum locum*, *qui appellatur Pharsalia*, *applicuit.* Cæs. Учитель долженъ знать совершенно всѣ правила, касающiися до мѣстоименiя возносительнаго. Онъ сперва предлагаетъ дѣтямъ одни только простѣйшiя и удобнѣйшiя, а другiя толкуетъ въ вышнихъ классахъ, смотря на то, какъ случай къ сему представетъ.

Пре-

Премногіе суть образы рѣченія въ Латинскомъ языкѣ, на которые не можно дать причины, какъ только подразумѣвая слово *negotium*, или другое сему подобное. *Triſte lupus ſtabulis. Uarium et mutabile ſemper ſemina.* Uirg. *Parentes, liberos, fratres vilia habere.* Tacit. *Annus ſalubris et peſtilens contraria.* Cic. *Ultimum dimicationis.* Liu. Supp. *tempus. Amare curarum.* Horat. *Ad Caſtoris,* Supp, *ædem. Eſt Regis,* Supp, *officium. Abeſſe bidui* Supp, *itinere.*

Сколь во многихъ случаяхъ надлежитъ имѣть прибѣжище или къ какому нибудь Еллинизму, или къ другимъ правиламъ, дабы дать отчетъ въ нѣкоторыхъ необычайныхъ сочиненіяхъ? *Cum ſcribas et aliquid agas, quorum conſuevisti.* Lucceius. Ciceroni. *Sed iſtum, quem quæris, ego ſum* Plaut. *Illum, ut vivat, optant.* Terent. *Hæc me ut confidam, faciunt.* Cic. *Iſtud, quidquid eſt, fac me ut ſciam.* Ter. *Abſtine irarum. Deſine lacrymarum. Regnavit populorum.*

Я довольствуюсь симъ малымъ числомъ примѣровъ. То, что надлежитъ изъ сего заключить, есть то, что Учитель, дабы онъ въ состояніи былъ изъяснять Писателей молодымъ людямъ, и давать имъ во всемъ отчетъ, долженствуетъ знать совершенно всѣ правила Сочиненія, (*Syntaxeos*) вникнуть въ ихъ причины, сравнивать оныя съ мѣстами древнихъ Писате-

сателей, и сводить, сколько возможно, съ нѣкоторыми общими началами, которыя служатъ основанiями къ разумѣнiю Латыни. *Способъ къ Обученiю Латинскаго языка* Портъ-Роiаля подаетъ Учителю наибольшую часть размышленiй, которыя ему надобны о сей матерiи; и етобъ было весьма предосудительное небреженiе, естлибъ кто не сталъ пользоваться такимъ вспоможенiемъ.

2. Особственности словъ.

Надлежитъ съ особливымъ старанiемъ замѣчать собственность словъ, то есть, ихъ собственное и натуральное означенiе, и для сего показывать, въ случаѣ надобности, ихъ начало и произведенiе, откуда они происходятъ, и изъ чего сложены. Нѣсколькiе примѣры объяснятъ больше сiе дѣло.

REVS значитъ равнымъ образомъ обѣ партiи, кои тяжбу имѣютъ. *Reos appello, non eos modò, qui arguuntur, ſed omnes, quorum de re diſceptatur.* Lib. 2. de Orat. n. 183. *Reos appello, quorum res eſt.* Ibid. n. 321. Еще называется, *reus*, тотъ, которой обязался обѣщанiемъ или иначе, и которой послѣ долженъ бываетъ исполнить то, что онъ обѣщалъ. *Reus dictus eſt a re, quam promiſit ac debet.* Paulus. Откуда происходитъ сiе прекрасное выраженiе Виргилiя, *voti reus.* Однакожъ *reus* часто противуполагается слову *petitor. Quis erat petitor? Fannius. Quis reus?* Fla-

Flavius. Pro. Q. Rosc. n. 42. И кажется, что ето было самое обыкновенное его означенїе.

CRIMEN въ доброй Латынѣ значитъ обвиненїе, и происходитъ, можетъ статься, отъ Греческаго *κρίμα*, *iudicium*. *Ingrati animi crimen horreo . . . . Laudem imperatoriam criminibus auaritiæ obteri . . . . Falsum crimen, tanquam venenatum aliquod telum in aliquem iacere*. Cic. Знающїе люди думаютъ, что сїе слово въ добрыхъ Писателяхъ не значитъ никогда злодѣянїя, но я не смѣю того утверждать.

FACINUS значитъ смѣлой поступокъ, отважное дѣло. Когда сїе слово стоитъ одно, то оно значитъ обыкновенно злодѣянїе. *Nihil ibi facinoris, nihil flagitii prætermissum*. Liv. Съ прилагательнымъ оно берется равно въ добрую сторону и въ худую. *Qui aliquo negotio intenti, præclari facinoris, aut bonæ artis famam quærunt*. Sallust. *Facinus præclarissimum, pulcherrimum, rectissimum*. Cic. *Voluntario facinori veniam dari non oportere . . . . Scelestum ac nefarium facinus*. Cic. Но *facinorosus* береться только въ худую сторону.

SOCORDIA и DESIDIA находятся соединены въ предисловїи, которое Саллюстъ положилъ въ заглавїи своей Исторїи о Катилинѣ. *Socordiâ atque desidiâ bonum otium conterere*. Сїи два слова имѣютъ одно почти

тви означенїе, только съ нѣкоторою отмѣною. Валла думаетъ, что одно принадлежитъ до духа, а другое до тѣла. *Socordia est inertia animi, desidia autem corporis.* Я не знаю, основательно ли сїе раздѣленїе.

SOCORDIA имѣетъ коренное слово *cor*; котораго сложныя суть *concors*, *discors*, *excors*, *vecors* и *secors* или *socors*, id est, *sine corde*. Сїе послѣднее значитъ лѣниваго, лежебока, нерадиваго, соннаго, безпечнаго. *Nolim cæterarum rerum te socordem eodem modo.* Ter. *M. Glabrionem benè institutum avi Scævolæ diligentiâ socors ipsius natura negligensque tardaverat.* Cic. *Socors futuri.* Тас которой мало заботится о будущемъ. Чрезъ сїе видно, что *socordia* значитъ лѣность, нерадѣнїе, празносидѣнїе. *Poenus advena ab extremis orbis terrarum terminis nostrâ cunctatione et socordiâ iam huc progressus.* Liv. Квинтилїанъ пристановляетъ къ сему существительному два изрядныя прилагательныя, дабы изобразить сїе нерадѣнїе, которое ослѣпляетъ и усыпаетъ большую часть отцовъ и матерей въ разсужденїи проступокъ и слабостей ихъ дѣтей. *Si non cæca ac sopita parentum socordia est.* Тацитъ противуполагаетъ *industria* слову *socordia*. *Languescet alioqui industria, intendetur socordia.* Ниже изъяснено будетъ, что такое значитъ *industria*.

DE-

DESIDIA происходитъ отъ глагола *sedeo*, котораго производныя суть *obses*, *præses*, *reses*, *deses*, имѣющія родительной на *idis*. Сіи два послѣднія значатъ лѣниваго, сонного, лежебока, празднаго, сидня, сидящаго руки склавши и ничего не дѣлающаго. *Desidem Romanum Regem inter sacella & aras acturum esse regnum rati . . . . Sedemus desides domi, mulierum ritu, inter nos altercantes . . . . Timere Patres residem in Urbe plebem.* Liv. *Reses aqua.* Varr Вода стоящая на одномъ мѣстѣ, неимѣющая теченія. Изъ чего видно, что значитъ *desidia*. *Languori desidiæque se dedere.* Cic. *Marcescere desidiâ et otio* Liv. Виргилій удачливо употребляетъ сіе слово, къ описанію ложнаго Царя пчелъ, котораго бездѣйствіе дѣлало тяжелымъ и неопрятнымъ. *Ille horridus alter Desidiâ, latamque trahens inglorius alvum*; Вмѣсто того, что истинной Царь потѣющій въ трудахъ блисталъ красотою. Я не могу удержаться, чтобъ не присовокупить еще Гораціева стиха столь смысленнаго: *Vitanda est improda Siren desidia.*

INDUSTRIA значитъ собственно дѣйствіе разума, упражненіе, вниканіе, трудъ, раченіе, прилѣжность. *Ingenium industriâ alitur. . . Mihi in labore perferendo industria non deerit. . . . . Enitar, ne desideres aut industriam meam, aut diligentiam . . . Perfectum ingenio, elaboratum industriâ. . . . Demosthenes dolere*

lere se aiebat, si quando opificum antelucana victus esset industriâ, Cic. *Industrius* значитъ такъ же собственно человѣка трудолюбиваго, дѣйствующаго, блительнаго. *Φιλόπονος*. *Homo navus et industrius. . . . Homo vigilans et industrius. . . . In rebus gerendis viracer et industrius*. Cic. А какъ ето бываетъ чрезъ трудъ и упражненіе, что въ дѣлахъ успѣхъ получается, и искуство, то я не вѣдаю, не можетъ ли *industria* такъ же значить искуства, хитрости. Я не могу точно сего отрицать, но сумнюсь, чтобъ сыскались на сіе нѣсколькіе примѣры, и удивляюсь, что малой Словарь напечатанной у Будота далъ только оному слову послѣднее означеніе, не сказавъ о другомъ, которое по крайней мѣрѣ болѣе употребительно. Учитель не позабываетъ показать молодымъ людямъ, что сіе слово употребляется еще въ другомъ смыслѣ: *de* или *ex industriâ*, нарочно, умышленно, съ умыслу, съ намѣреніемъ.

Не худо различать ученикамъ означеніе нѣкоторыхъ словъ, коихъ отмѣнность трудно примѣтить.

Часто смѣшиваютъ TUTUS и SECURUS. *Tutus* значитъ безопасной, которой внѣ опасности, которому нѣчего опасаться: *Securus*, беззаботной, которой не имѣетъ боязни и безпокойствія *Quasi sine curâ*. Откуда происходитъ сія остро-

умная

умная рѣчь Сенеки; *Tuta ſcelera eſſe poſſunt, ſecura non poſſunt.* Epiſt. 97.

Есть нѣкоторое различїе между GRATUS и IUCUNDUS. Первое прилагательное значитъ вещь намъ угодную, и которою мы довольны; а второе вещь прїятную, и которая производитъ въ насъ радость. Но вещь какая нибудь можетъ намъ быть угодна, да не прїятна; какъ напримѣръ, быть увѣдомлену въ скоромъ времени о печальной и досадной новости, но которую нужно вѣдать. Цицеронъ различаетъ сїи два означенїя. *Iſta veritas, etiamſi iucunda non eſt, mihi tamen grata eſt.* Att. Lib. 3. Epiſt. 66. *Cuius officia iucundiora ſcilicet ſæpe mihi fuerunt, nunquam tamen gratiora.* Lib. 4. Epiſt. Famil. 6.

Въ повседневномъ употребленїи GAVDERE и LAETARI смѣшиваются, и безъ разбору употребляются. Однакожъ, исправно говоря, сїи два глагола имѣютъ отмѣнное означенїе. *Gaudium* показываетъ радость умѣреннѣйшую и болѣе во внутренности скрывающуюся; а *lætitia* такую радость, которая изъявляется на наружности живѣйшимъ и не столь ограниченнымъ образомъ. Отъ чего произходитъ, что Цицеронъ говоритъ, что есть случаи, въ которыхъ *gavdere decet, lætare non decet.* Tuſc. Lib. 4. n. 66.

Онъ различаетъ такъ же AMARE и DILIGERE. *Quis erat, qui putaret ad eum amorem, quem erga te habebam, posse aliquid accedere? Tantum accessit, ut mihi nunc denique amare videar, antea dilexisse.* Ad Attic. Lib. 14. Epist. 20. Кажется, что *amare* показываетъ любовь, которая происходитъ отъ сердца и склонности, а *diligere*, любовь основанную на почтеніи.

Случается и самымъ искуснымъ людямъ обмануться иногда въ разумѣніи нѣкоторыхъ словъ, которыхъ употребленіе рѣдко, каковы по большой части суть слова принадлежащія до художествъ или мастерства. Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ своему другу Аттику не стыдится дѣлать признанія въ томъ, что одинъ матрозъ показалъ ему истинное означеніе мореплавательнаго термина, котораго онъ чрезъ долгое время не вѣдалъ, и въ которомъ онъ ошибся. *Arbitrabar sustineri remos, cum* INHIBERE *essent remiges iussi. Id non esse eiusmodi didici heri, cum ad villam nostram navis appelleretur: non enim sustinent, sed alio modo remigant. Id ab ἐποχῇ remotissimum est.* INHIBITIO *remigum motum habet, et vehementiorem quidem, remigationis navem convertentis ad puppim.* Въ одной книгѣ сочиненной за семь или за восемь лѣтъ до помянутаго теперь письма, онъ далъ сему слову, *inhibere*, смыслъ, которой онъ послѣ призналъ за ложной. *Ut concitato navigio, cum remiges* INHIBUERUNT, *retinet*

Epist. ad. Attic. 21. Lib. 13.

Lib. 1. de. Orat. n. 153.

retinet tamen ipsa navis motum et cursum suum intermisso impetu pulsuque remorum : sic in Oratione perpetuâ , cum scripta deficiunt , parem tamen obtinet oratio reliqua cursum , Scriptorum similitudine et vi concitata.

Хотя и можно сказать о Писателяхъ доброй Латыни , что все въ нихъ чисто и красно , однакожъ надобно признаться, что на многихъ мѣстахъ у оныхъ попадается нѣкоторая тонкость выраженія , которая болѣе примѣтна и чувствительна всякому, кто имѣетъ вкусъ; подобно какъ въ цвѣтникѣ наполненномъ прекрасными цвѣтами , бываютъ изъ оныхъ нѣкоторые отмѣнной цѣны и красоты , которыхъ знатоки не смѣшиваютъ съ общими и извѣстными. Читая тѣхъ , кои пишутъ нынѣ на Латинскомъ языкѣ , всякъ немедлѣнно понимаетъ, оросились ли они сею тонкою и нѣжною Латынью древнихъ писателей. Часто усматриваются сочиненія , въ которыхъ рѣчь довольно чиста , исправна , вразумительна , но лишенная сей пріятности , сей прелести , о которой мы говоримъ , такъ что можно къ нимъ примѣнить сіе слово Тацита: *magis extra vitia, quàm cum virtutibus.* 3. О красотѣ и тонкости Латыни.

Сія тонкость , сія нѣжность выраженія состоитъ иногда въ одномъ только словѣ , а иногда въ цѣломъ фразисѣ. Я положу здѣсь нѣсколько примѣровъ въ томъ и другомъ родѣ.

SATIETAS. Когда сїе слово говорится о кушаньѣ, то оно бываетъ очень общее. *Cibi satietas et fastidium subamarâ aliquâ re relevatur, aut dulci mitigatur.* Cic. Но въ фигуральномъ смыслѣ оно имѣетъ много красоты. *Cum naturam ipsam expleveris satietate vivendi. . . . . Ego mei satietatem magno labore meo superavi. . . . . Necesse est, ut Orator avrium satietatem delectatione vincat. . . . . Difficile dictu est, quaenam causa sit, cur ea, quae maximè sensus nostros impellunt, et specie primâ acerrimè commovent, ab iis celerrimè fastidio qnodam et satietate abalienemur. . . . Mirum me desiderium tenet Urbis, satietas avtem Provinciae.* Cic. *Sicubi eum satietas hominum aut negotî, si quando odium ceperat.* Ter. Полагается иногда *Satias* вмѣсто *Satietas*, и оное слово не меньше красиво.

Ex meo propinquo rure hoc capio commodi;
Neque agri, neque Urbis, odium me unquam percipit.
Ubi satias cæpit fieri, commuto locum. Ter. Evn. 5. 6.

INSOLENS. INSOLENTIA. Сїи слова въ фигуральномъ смыслѣ суть общїя и извѣстныя. *Insolens hostis. Uictoris insolentia.* А въ собственномъ очень красивы. Они сложены изъ *in* вмѣсто *non*, и изъ *soleo*. *Is nullum verbum insolens, neque odiosum ponere solebat.* Cic. *Insolens vera accipiendi.* Sall. *Animus contumeliæ insolens.* Tac. *Ea requiruntur a me, quorum sum ignarus et insolens. . . . . . Moveor etiam loci ipsius insolentiâ. . . . . Propter fori iudicio-*

ciorumque insolentiam, *non modo subsellia*, *verum etiam urbem ipsam reformidat*. Cic. *Offenderunt aures insolentiâ sermonis* Liv. *Quos nulla mali vicerat vis*, *perdidere nimia bona ac voluptates immodicæ*, *et eò impensiùs*, *quò avidiùs ex insolentiâ in eas se merserant*. Liv. I. 33 n. 18.

UTOR. Сей глаголъ въ простомъ смыслѣ не имѣетъ ничего особливаго. *Ad liberalitatem vectigalibus uti.* Cic. Но онъ имѣетъ другія прекрасныя означенія. *Statuit nihil sibi grevius faciendum*, *quàm ut illâ matre ne uteretur.* Cic. *Все то*, *что онъ счелъ за долгъ учинить послѣ столь худой поступки*, *состояло въ семъ*, *чтобъ не видѣть болѣе такой матери.* *Adversis ventis usi sumus.* Cic. *Мы имѣли противные вѣтры.* *Quo nos medico amicoque usi sumus.* Cic. *Онъ былъ нашъ лѣкарь и другъ.* *Mihi si unquam filius erit*, *næ ille facili me utetur patre* Ter. вмѣсто того, чтобъ сказать, *ero facilis erga illum.*

УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЯ имена имѣютъ много пріятности въ Латинскомъ языкѣ, и въ семъ то онъ между протчимъ превосходитъ (*) нашъ Французской.

Ж 2 До-

(*) Въ Россійскомъ языкѣ великое такъ же число находится словъ уменьшительныхъ, которыя равную заключаютъ пріятность. Напримѣръ для выраженія *mercedula* мы имѣемъ уменьшительное *мздишка*. *Hortuli*. *Садочки*, или *садики* *Saxulum*, *камешекъ*. *Vocula*. *голосишка*, или *голосокъ*. Тожъ надлежитъ сказать и объ учащательныхъ

довольно означить оныя, дабы сдѣлать тонкость ихъ чувствительною. *Homines mercedulâ adducti. . . . In hortulis suis requiescit* (Epicurus) *ubi recubans molliter et delicatè nos avocat a rostris. . . . Ithacam illam in asperrimis saxulis tanquam nidulum affixam, dicitur sapientissimus vir immortalitati anteposuisse. . . . Incurrit hæc nostra laurus non solùm in oculos, sed etiam in voculas malevolorum. . . .* Rogo *te. . . . ut amori nostro plusculum etiam, quàm concedit veritas, largiare, ut nosmet ipsi vivi gloriolâ nostra perfruamur. . . .* N*on vereor, ne assentatiunculâ quadam aucupari gratiam tuam videar. . . . Narrationem mendaciunculis aspergere. . . Opus est limatulo et politulo iudicio tuo. . . .* T*enuiculo apparatu significas* B*album fuisse contentum.* Cic. *In unius mulierculae animulâ si iactura facta fuerit. . . . Cum oppida, quæ quodam tempore florentissima fuerunt, nunc prostrata et diruta ante oculos iacerent, cæpi egomet mecum sic cogitare :* H*em ! nos homunculi indignamur, si quis nostrûm interiit, aut occisus est, quorum vita brevior esse debet ; cum uno loco tot oppidorum cadavera proiecta iaceant.* Sulp. in. epist. ad Cic. Сколь драгоцѣнно сїе уменшительное *homunculi* употребленное для показанїя малости человѣка ; и сколь нужно такъ же уменьшительное слово къ изъясненїю удивительной силы и безпере-

---

глаголахъ, о коихъ вскорѣ будетъ упомянуто. н. п. *factito*, подѣлываю ; *declamito*, рѣчи поговариваю. *Lectito*, почитываю. *Scriptito* пописываю. *Ventito*, похаживаю.

рерывности голоса въ столь маломъ тѣлѣ, какъ соловьево? *Tanta vox tam parvo in corpusculo, tam pertinax spiritus.* Plin. Нашъ Французской языкъ не имѣетъ словъ для выраженія такихъ красотъ.

Великая находится тонкость во многихъ именахъ и глаголахъ сложенныхъ изъ предлога SUB, которому свойственно уменьшать силу и означеніе сихъ словъ: *Subagrestis, Subrusticus Subcontumeliosè. Quia tristem semper, quia taciturnum, quia subhorridum atque incultum videbant. . . . Subrauca vox. . . . Subturpiculus. Subdubitare. Subirasci. Subinvidere. Suboffendere.* Cic.

УЧАЩАТЕЛЬНЫЕ глаголы, такъ названные за тѣмъ что они значатъ, что вещь, о которой говорятъ, дѣлается часто, имѣютъ такъ же въ иномъ случаѣ особливую пріятность. Здѣсь довольно того, чтобы объ нихъ только упомянуть. *Factito, Declamito. Lectito. Ad me scribas velim, vel potius scriptites.* Cic. *Aiunt eum qui benè habitet, sæpius ventitare in agrum.* Plin.

Чтеніе Цицерона много способствуетъ къ показанію сей тонкости и сей нѣжности выраженія, о которой я говорю. Я предложу на сіе нѣкоторые продолжительнѣйшіе и связнѣйшіе примѣры.

1. *Libandus est ex omni genere urbanitatis facetiarum quidam Lepos, quo tanquam sale perspergatur omnis oratio.* Lib. 1. de Orat. n. 159. Вотъ

 какова

жакова точно Латынь Цицеронова. Сколь великая тонкость въ семъ словѣ, *libandus lepos*! Онъ употребляетъ его часто и въ другихъ мѣстахъ съ отмѣнною красотою. *Nulla te vincula impediunt ullius certæ disciplinae, libasque ex omnibus, quodcunque te maximè specie veritatis movet.* 1. 5. Tusc. 82. *Omnibus unum in locum coactis scriptoribus, quod quisque commodissimè præcipere videbatur, excerpsimus, et ex variis ingeniis excellentissima quæque libavimus.* 2. de. Inv. 4. *Non sum tam ignarus causarum, non tam insolens in dicendo, ut omni ex genere orationem aucuper, et omnes undique flosculos carpam atque delibem.* Pro Sext. 119.

2. *Habeat tamen illa in dicendo admiratio ac summa laus umbram aliquam et recessum, quò magis id, quod erit illuminatum, extare atque eminere videatur.* 3. de. Orat. n. 99. Всѣ слова суть отборныя, и собственныя живописи, отъ которой взята метафора: *umbra, recessus, illuminatum, extare, eminere.* И сіе мѣсто насъ увѣдомляетъ, чтобъ мы не надѣялись найти сію тонкость, о которой мы говоримъ, разсыпанную равно по всей рѣчи.

3. *Dicebat Isocrates, doctor singularis, se calcaribus in Ephoro: contra autem in Theopompo frenis uti solere; alterum enim exultantem verborum audaciâ reprimebat, alterum cunctantem et quasi verecundantem incitabat. Neque eos similes effecit inter se, sed tantum alteri affinxit, de altero limavit,*

vit, ut id conformaret in utroque, quod utriusque natura pateretur. Lib. de. Orat. n, 36.

Можнобъ было здѣсь на многія слова учинить примѣчанія; однакожъ я останавливаюсь на сихъ двухъ, *alteri affinxit*, *de altero limavit*, которыя мнѣ кажутся чрезвычайно исправны и красивы. Пусть кто поставитъ на ихъ мѣсто *adiecit* и *detraxit*, которыя подобнаго суть означенія, какое будетъ тогда различіе!

ALTERI AFFINXIT. *Affingere* въ доброй Латынѣ значитъ *adiungere. Ne illi vera laus detracta oratione nostrâ, nec falsa affcta esse videatur.* Pro Leg. Man. 10. *Faciam, ut intelligatis in tota illa causâ, quid res ipsa tulerit, quid error affinxerit, quid invidia conflarit.* Pro Cluent. 9.

DE ALTERO LIMAVIT. Сіе слово въ простомъ смыслѣ не имѣетъ ничего, чтобы трогало. *In arbores exacuunt limantque cornua elephanti.* Plin. Но въ Фигуральномъ его означеніе имѣетъ всегда нѣчто красиваго и достопамятнаго. Оно значитъ иногда только отрѣзывать, а иногда украшать, за тѣмъ что пила не иначе какъ чрезъ отнятіе лишку чиститъ и совершаетъ вещи. Оно взято здѣсь въ первомъ смыслѣ; *de altero limavit*, такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ Цицерона, *de tua benefica prolixaque naturâ limavit aliquid posterior annus propter quandam tristitiam temporum.* Ep. 3. L. 8. *Limare*, когда оно значитъ чистить, украшать, приводить въ совершенство,

 до-

довольно такъ же бываетъ красиво. *Neque hæc ita dico, ut ars aliquid limare non possit . . . Hæc limantur a me politius.* Cic. *Limandum expoliendumque se alicui permittere.* Plin. Iun.

Снесеніе многихъ мѣстъ, въ коихъ тѣжъ самыя слова употребляются, можетъ много служить молодымъ людямъ, да и Учителямъ, къ тому, чтобы обогатить ихъ память множествомъ прекрасныхъ образовъ рѣченія, и чтобы дать имъ вкусъ въ доброй и чистой Латынѣ. Словарь Латинской (*сокровище*) Роберта Стефана, или за недостаткомъ онаго, Словарь Карла Стефана, которой не иное что есть какъ сокращеніе перваго, и безъ коего доброй Учитель обойтись не можетъ, подастъ ему великое число примѣровъ, изъ которыхъ онъ выберетъ наиболѣе сходственные съ его намѣреніемъ. Сверхъ сего книга называемая, *приборъ Латинской къ Цицерону*, будетъ для его не безполезна. Трудъ, которой онъ употребитъ на сокращеніе наилучшихъ и прекраснѣйшихъ мѣстъ, и на переписку оныхъ, не будетъ трудъ безплодной ни для его, ни для учениковъ, особливожъ, естьли онъ стараться будетъ помѣстить въ своихъ Ѳемахъ довольную часть сихъ отборныхъ Фразисовъ, которыя онъ имъ скажетъ живымъ голосомъ.

4. О употребле-

Я позабылъ въ первомъ изданіи сей книги предложить о *частицахъ*, которыя одна-

однакожъ суть не ненужны, что касается или до разумѣнія Латинскаго языка, или до сочиненія. Чрезъ сіе слово разумѣются предлоги, союзы, нарѣчія, и протч. Частицы много служатъ къ силѣ, тонкости, и пріятности сего языка, и дѣлаютъ изрядство и собственность его чувствительными. Ничто болѣе не способствуетъ къ показанію его свойства, и особаго характера, которой отдѣляетъ его отъ другихъ. Ничто лучше не открываетъ, знаетъ ли красоты и тонкости сего языка человѣкъ, которой нынѣ говоритъ, или пишетъ по Латынѣ, и довольно ли онъ упражнялся въ чтеніи древнихъ Писателей. Ибо случается иногда, (да и кто можетъ льститься, чтобъ онъ не былъ вовсе подверженъ сему пороку?) Случается, говорю, иногда, что на Латинскомъ языкѣ говорятъ по Французски не примѣтнымъ образомъ, удерживая тужъ круглость, тотъ же порядокъ, тѣжъ образы выраженія, которыя мы наблюдаемъ въ своемъ языкѣ, и кои суть со всемъ отмѣнны въ Латинскомъ. Чего для надобно показыватъ молодымъ людямъ, какъ употребляются сіи частицы у хорошихъ Писателей; и сіе ученіе можетъ приличествовать всѣмъ классамъ, съ нѣкоторою только отмѣною примѣчаній, которыя должно соображать съ понятіемъ учениковъ.

нїи частицъ.

De Particulis linguæ Latinæ.

Турселлинъ сочинилъ о сей матерїи преизрядную книжку; а прежде сего Стевехъ, искусной Нѣмецъ, написалъ о томъ же довольно порядочно и исправно. Сiи двѣ книжки могутъ подать нѣкоторую помощь и облехченiе Учителямъ. Въ нихъ видно, сколько частицы служатъ не только къ связанiю перiодовъ, или различныхъ частей одного Фразиса, но къ украшенiю и различенiю штиля. Нѣсколькiе примѣры объяснятъ болѣе сiе дѣло.

ПРЕДЛОГЪ *à* или *ab*.

Первое слово, которое представляется у Турселлина, есть предлогъ *à* или *ab*. Онъ приводитъ 13 или 14 различныхъ его означенiй, которыя подтверждаетъ многими свидѣтельствами. Я упомяну здѣсь небольшое ихъ число.

Si caput à ſole doleat Plin. Отъ солнца.
Pecuniam numeravit ab ærario. Cic. Изъ казны.
Vide, ne hoc totum faciat à me. Cic. не стояло за меня.

Mediocriter à doctrinâ inſtructus, anguſtius etiam à naturâ. Cic. Снабдѣнъ ученiемъ . . природою.

Ab recenti memoriâ perfidiæ aliquanto minore cum miſericordiâ auditi ſunt. Liv. По причинѣ свѣжаго еще воспоминанiя о ихъ невѣрности.

Homo

Homo ab epistolis. Секретарь, человѣкъ обязанной по должности писать письма.

ENIMVERO

Сїе слово имѣетъ множество различныхъ означенїй, въ которыхъ заключается какая нибудь красота.

Оно употребляется для сильнѣйшаго утвержденїя, или отрицанїя, или продолженїя рѣчи о какой либо вещи. *Tum te abijsse hinc negas? . . Nego enimvero.* Plavt. *Tunc enimvero Deorum ira admonuit.* Liv.

Для показанїя радости, либо скорости, съ которою что нибудь дѣлается. *Illi enim vero se ostendunt, qvod vellet, esse fecturos.* Cic.

Полагается такъ же къ означенїю гнѣва. *Enimvero hoc ferendum non est.* Cic.

EO.

Сїе нарѣчїе сочиняется различными образами.

Quarum rerum eò gravior est dolor, quò culpa maior. Cic.

Eò tardiùs scripsi ad te, quòd quotidiè te expectabam. Cic.

Id eò faciliùs credebatur, quia simile vero videbatur. Cic.

Non eò dico, C. Aquili, quò mihi veniat in dubium tua fides. Cic.

Прилѣжной Учитель умѣетъ въ пользу употреблять такїя примѣчанїя. Онъ не предлагаетъ ихъ много однимъ разомъ, дабы

дабы не отяготить черезчуръ памяти молодыхъ людей ; но высказываетъ оныя , смотря , какъ случаи къ тому предстаютъ ; подтверждаетъ ихъ нѣсколькими примѣрами , дабы лучше ихъ внушить , и послѣ сего старается помѣстить ихъ въ Ѳемахъ , которыя онъ задаетъ слагать. Я думаю , что такая екзерцицїя можетъ много служить какъ къ разумѣнїю языка, такъ и къ красотѣ сочиненїя.

5 О трудныхъ и темныхъ мѣстахъ.

Затрудненїе и темность въ Писателяхъ могутъ происходить или отъ того, что принадлежитъ до Исторїи , Баснословїя , Древностей ; или отъ сбивочнаго, а иногда и неправильнаго сочиненїя; или отъ рѣдкихъ, метафорическихъ , и принимающихъ многїе смыслы выраженїй; или наконецъ отъ того, что текстъ мало исправенъ, и что одно, и тожъ самое мѣсто читается различными образами , кои часто умножаютъ темность, вмѣсто того , чтобъ ее разсыпать.

1. Познанїе Баснословїя , Исторїи , древнихъ обыкновенїй непремѣнно нужно Учителю , чтобъ быть въ состоянїи хорошо разумѣть и изъяснять Писателей. Ему не надобно долго останавливаться на сихъ матерїяхъ , но не надобно такъ же ихъ не знать , или пренебрегать. Сей пунктъ не долженъ быть существомъ изъясненїя, но долженъ составлять нѣкоторую часть онаго. Есть ученїе темное , без-

безпорядочное, отягченное безполезными и маловажными дѣлами, словомъ сказать, способнѣйшее къ поврежденію разума, нежели къ его поправленію. Можно приложить здѣсь то, что Квинтиліанъ сказалъ въ другой матеріи: *Inter virtutes Grammatici habebitur aliqua nescire.* Но есть также въ разсужденіи сего пункта незнаніе, которое не можетъ ни отъ чего другова происходить, какъ только отъ лѣности, и которое не простительно такимъ особамъ, кои обучаютъ Словесныхъ Наукъ, проводятъ нѣкоторую часть своей жизни надъ древними книгами, и по своему состоянію суть обязаны предводительствовать другимъ въ разумѣніи оныхъ. Я намѣренъ говорить въ другомъ мѣстѣ о сей матеріи, и разобрать ее съ нѣкоторымъ пространствомъ и подробностію.

Lib. 1. cap. 4.

2. Когда сбивчивость сочиненія производитъ темноту, то сія немедлѣнно изчезаетъ по приведеніи словъ въ натуральной порядокъ. Сей Фразисъ, которой стоитъ въ началѣ Тита Ливія, *Utcumque erit, iuvabit tamen rerum gestarum memoriæ principis terrarum populi pro virili parte et me ipsum consuluisse*, можетъ сперва привесть въ сумнѣніе молодыхъ людей. Но онъ не имѣетъ болѣе никакой темности для нихъ, когда сочиненіе его такимъ образомъ расположится: *Iuvabit et* (id est, *etiam*) *me ipsum consuluisse pro virili parte memoriæ rerum gestarum*

rum populi principis terrarum. Сїе мѣсто шестой книги, *ita omnia constante tranquillâ pace, ut eò vix fama belli perlata videri posset,* имѣетъ дѣйствительно нѣкоторую темность, коя изчезаетъ, когда располагаютъ оное такъ, *Ita omnia tranquilla* (supp. *Erant*) *pace constante, ut*, etc.

3. Иногда затрудненїе происходитъ отъ нѣкоторыхъ не обычайныхъ или неправильныхъ сочиненїй, которыя чрезъ нѣсколько словъ могутъ изъяснитъся.

Liv. Lib. I. n. 19. *Eò melioribus usuras viris*, говоритъ Ромулъ въ своей рѣчи къ похищеннымъ Сабинянкамъ, *quòd annixurus pro se quisque sit, ut, cum suam vicem functus officio sit, parentum etiam patriæque expleat desiderium.* Темность состоитъ въ послѣдней части сего Фразиса, и становится яснѣе чрезъ приданїе ей нѣкотораго пространства. UT CUM *secundum* SUAM UICEM, *seu quod ad se propriè spectat*, *suo quisque* FUNCTUS OFFICIO SIT, *id est, cum suæ quisque coniugi amorem præstiterit, quem vir uxori debeat; cumulatiorem insuper impendat caritatis modum, quo* PATRIAE ET PARENTUM *amissorum illis iacturam* DESIDERIUMQUE EXPLEAT.

Liv. Lib. I. n 19. *Hinc patres, hinc viros orabant* (*Sabinæ mulieres*) *ne se sanguine nefando soceri generique respergerent: ne parricidio macularent partus suos, nepotum illi, liberûm hi progeniem.* Темность находится только во второмъ членѣ, и состоитъ

въ

въ сихъ послѣднихъ словахъ, *nepotum* , . . *Liberûm* . . . *Progeniem*, которыя значатъ, *nepotes et liberos*; а особливо еще въ сихъ первыхъ, *ne parricidio maecularent partus suos*. Онѣ называютъ отцеубивствомъ злодѣяніе, которымъ тести и зятья взаимно себя убивать будутъ, и ихъ молятъ, чтобъ они не дѣлали сего стыда и безчестія своимъ сыновьямъ и внукамъ, которыхъ не преминутъ укорять тѣмъ, что ихъ отцы или дѣды были отцеубійцы. Одинъ искусной толкователь думаетъ, что надлежитъ непремѣнно поставить *orbarent* на мѣсто *macularent* : однакожъ онъ обманывается, и сей примѣръ насъ научаетъ, что не вдругъ надобно перемѣнять тексты. Tanaq. Faber.

Quia occisione prope occisos Volscos movere suâ sponte arma posse, id fides abierit. Сочиненіе сихъ послѣднихъ словъ необыкновенно, и требуетъ краткаго изъясненія. *Quia fides abierit*, *fides non sit*, id est, *credi non possit*, *occisione prope occisos Uolscos mouere suâ sponte arma posse*, *quia*, *inquam*, *credi non possit id ita esse* . . . Liv. Lib. 3. n. 10.

Sunt et belli sicut pacis iura, *iusteque ea non minus quàm fortiter didicimus gerere*. Къ чему относится *ea*? Смыслъ здѣсь одерживаетъ верьхъ надъ сочиненіемъ (*Syntaxis*). Ето всякому чувствительно, что *bella* долженствуетъ подразумѣваться. Liv. Lib. 5. n. 27.

Filiam pater avertentem cavsam doloris. . . *elicuit*, *comiter sciscitando*, *ut fateretur*, etc. Сіе Liv. Lib. 6. n. 34.

вы-

выраженїе, *filiam pater elicuit*, *ut*, и протч. есть рѣдко, и требуетъ изъясненїя.

4. Иногда метафора не очень общая, или выраженїе принимающее многїе смыслы, приводитъ читателя въ замѣшательство.

Liv. Lib. 2. n. 1. *Dissipatae res nondum adultae discordiâ forent: quas fovit tranquilla moderatio imperii, eòque nutriendo perduxit, ut bonam frugem libertatis, maturis iam viribus ferre possent.* Сїе мѣсто удивительно какъ для размышленїя самаго, такъ и для выраженїя. Но откуда взята метафора, которая составляетъ главную онаго красоту? Ибо симъ долженствуетъ начаться изъясненїе сего мѣста, которое безъ того не можетъ быть довольно вразумительно. Имѣетъ ли Титъ Ливїй въ своей мыслѣ попеченїя кормилицы, прїятную и легкую пищу, въ которой младенцы имѣютъ надобность прежде, нежели они могутъ переваривать твердѣйшее кушанье? Или онъ беретъ предмѣтомъ его сравненїя умѣренной жаръ земли, которой умягчитъ и сдѣлавъ пухлымъ зерно, а потомъ произведъ изъ него зеленѣющїй ростокъ, укрѣпляетъ его нечувствительно, и провожая оной чрезъ различныя степени къ зрѣлости приводитъ наконецъ въ состоянїе сносить тяжесть колоса. Я видѣлъ двухъ искусныхъ Профессоровъ, несогласныхъ въ толкованїи сего мѣста, изъ которыхъ тотъ и другой подтверждалъ

свое

свое мнѣніе очень изрядными причинами; да и подлинно сіе дѣло не безъ затрудненія.

Титъ Ливій оканчиваетъ описаніе казни дѣтей Брутовыхъ симъ превосходнымъ размышленіемъ: *nudatos virgis cædunt, securique feriunt; cum inter omne tempus pater, vultusque et os eius, spectaculo esset, eminente animo patrio inter publicæ pœnæ ministerium.* Симъ послѣднимъ словамъ, *animo patrio*, приписываютъ два смысла совсемъ противные. Одни говорятъ, что они значатъ, что въ семъ случаѣ должность Консула взяла верьхъ надъ должностію родителя, и что любовь къ отечеству истребила въ Брутѣ все чувствіе нѣжности къ его сыну. Сей стихъ Виргилія, *vincet amor patriæ*, и характеръ нечувствительности, и жестодосердія, приписываемой отъ Плутарха Бруту, подтверждаютъ, какъ кажется, сей первой смыслъ. Другіе на противъ того, коихъ мнѣніе видится гораздо сроднѣе, и основано болѣе на натурѣ, утверждаютъ, что сіи слова значатъ, что при отправленіи сего плачевнаго дѣйствія, которое должность Консула налагала на Брута, сколько онъ ни силился уничтожить свою болѣзнь, однакъ нѣжность отцовская показывалась наружу противъ его воли. Да и стихъ Виргилія подаетъ непремѣнно тотъ же смыслъ, потому что онъ показываетъ, что было нѣкоторое сраженіе между чувствіями при-

Lib. 2. n. 5.

Vita Public.

природы, и любовью къ отечеству, и что наконецъ сія послѣдняя преодолѣла: *vincet amor patriæ.*

Таковыя трудности могутъ служить къ укрѣпленію разсудка молодыхъ людей, такъ же и къ тому, чтобъ дать имъ исправной и надлежащій вкусъ въ Критикѣ, и чтобъ произвесть въ ихъ ученіяхъ различіе и веселость, которыя дѣлаютъ имъ оныя пріятнѣйшими.

5. Есть другой родъ затрудненій, кои происходятъ отъ поврежденія текста. Мнѣ кажется, что надлежитъ отдавать сію справедливость хорошимъ Писателямъ Древности, чтобъ, когда находятъ въ ихъ дѣлахъ мѣста не проницаемой темноты, и лишенныя всякаго смыслу, думали, что текстъ неисправенъ, и что чего нибудь въ немъ не достаетъ: въ которомъ случаѣ прибѣгаютъ къ догадкамъ.

Liv. Lib. 4. n. 49. *Dignos esse, qui armis (Uolas) cepissent, eorum urbem agrumque Uolanum* esse. Г. Лефевръ поставляетъ *dignum esse*, id est, *æquum.*

Lib. 6 n. 14. *Non iam orationes modò Manlii, sed facta popularia in speciem, tumultuosa eadem, quâ mente fierent, intuenda erant.* Троновій изъясняетъ сіе мѣсто перемѣняя двѣ литеры, и поставляетъ *intuenti. Facta, popularia in speciem, tumultuosa eadem, quâ mente fierent intuenti, erant.*

Lib. 5. n. 15. *Sic libris fatalibus editum esse, ut quando aqua Albana abundasset, tum, si eam Romanus ritè emisisset, victoriam de Veientibus dari.* Погрѣшность оче-

очевидна, *ut . . . dari*, хотя ето не извѣстно, отъ неосторожности ли Писателя она происходитъ, или отъ незнанія переписчика.

Плиній, Писатель натуральной Исторіи, говоритъ такимъ образомъ о червячкѣ, изъ котораго дѣлается пчела: *Id quod excelsum est, primum vermiculus videtur candidus, iacens transversus, adhærensque ita ut pascere videatur.* Сіи послѣднія слова, *ita ut pascere videatur*, которыя были во всѣхъ изданіяхъ, и во всѣхъ рукописныхъ книгахъ, не составляютъ никакова пристойнова смыслу; и по тому они привели въ крайнее замѣшательство всѣхъ толкователей, которые много мучились, чтобъ ихъ изъяснить, или чтобъ перемѣнить рѣчь инакимъ образомъ. Сіе мѣсто совершенно было исправлено чрезъ одну только перемѣну нѣсколькихъ литеръ: *ita ut pars ceræ videatur.* Поелику сей червячокъ бѣлъ, и прилипъ къ воску, то кажется, что онъ дѣлаетъ часть онаго. Мы должны сею поправкою, которая есть одна изъ удачнѣйшихъ въ семъ родѣ, ученому отцу Пето, и по немъ О. Гардуину, которой, не видавъ еще примѣчанія своего собрата, исправилъ сіе мѣсто такимъ же образомъ; и подтверждаетъ сію перемѣну однимъ мѣстомъ изъ Аристотеля, доказывающимъ ея надобность.

Plin. Hist. Nat. Lib. 11. cap. 16.

6. О древнемъ способѣ произносить и писать Латинскія слова. Gramm. Raison. pag. 27.

Дарованіе слова, и изобрѣтеніе писанія суть двѣ неоцѣненныя выгодности, которыя Божественное Провидѣніе благоволило сообщить человѣку, и которыхъ бы онъ самъ никогда не могъ пріобрѣсть своими силами.

„Это есть, говоритъ одинъ великой человѣкъ, имѣя рѣчь о сей матеріи, „чудное изобрѣтеніе, чтобъ слагать изъ „25 или 30 звуковъ сіе безпредѣльное различіе словъ, которыя не имѣя ничего подобнаго въ самихъ себѣ тому, что происходитъ въ нашемъ умѣ, не минуютъ „однакожъ открывать другимъ всю онаго тайность, и внушать тѣмъ, кои не „могутъ въ него проникнуть, все то, что „мы понимаемъ, и всѣ различныя движенія нашей души. „Второе чудо, столь же почти великое, какъ и первое, (*) есть то, что нашли средство чрезъ фигуры на бумагѣ начертанныя говорить глазамъ такъ какъ и ушамъ, утверждать вещь столь легкую, какъ слово, давать постоянство звукамъ и цвѣтъ мыслямъ.

Не

(*) *Phœnices primi, si famae creditur, ausi Mansuram rudibus vocem signare figuris.* Lucan. I. 3.

Разумное сіе онъ далъ искуство намъ,
Чтобъ слово представлять безъ трудности глазамъ;
И чрезъ различныя начертанны фигуры
Чтобъ мыслямъ сообщать и тѣло и глазуры. Брео.

Не худо привлекать заблаговременно вниманіе учениковъ къ сему двоякому благодѣянію, которымъ люди пользуются ежедневно, и почти всеминутно, и за которое, очень рѣдко случается, чтобъ когда благодарили Бога.

Понеже древній образъ писанія и произношенія составляетъ нужную часть Грамматики, то надлежитъ оной показывать дѣтямъ тогда, какъ они начинаютъ учиться. Примѣчаніяжъ предполагающія твердѣйшій разсудокъ, можно оставить для зрѣлѣйшаго возраста.

Неотмѣнно нужно молодымъ людямъ исправно знать свойство литеръ, и отношеніе, которое онѣ имѣютъ между собою. Сіе познаніе послужитъ имъ къ лучшему раздѣленію паденія и стройности періодовъ, къ открытію произведенія нѣкоторыхъ словъ, къ понятію стариннаго произношенія, и къ разумѣнію иногда темныхъ мѣстъ въ Писателяхъ, или къ исправленію испорченныхъ.

Древніе говоря дѣлали всегда чувствительнымъ количество гласныхъ литеръ, и различали въ произношеніи долгія отъ короткихъ. Мы наблюдаемъ сіе различіе въ предпослѣдней гласной словъ состоящихъ болѣе нежели изъ двухъ слоговъ, *amabam*, *circumdabam*; но въ двусложныхъ словахъ обыкновенно не видно бываетъ никакова слѣду онаго различія, *dabam*, *stabam*;

bat; что значитъ не малой недостатокъ. Чрезъ сіе Латинскіе стихи теряютъ во рту нашемъ великую часть ихъ пріятности. Ето таковожъ, какъ естлибъ во Францускомъ языкѣ мы произносили *pate*, которое говорится о животныхъ, не иначе какъ *pâte*, которое значитъ тѣсто. Г. Перроль, за незнаніемъ свойства литеръ, утверждалъ, что *a* глагола *cano* въ семъ стихѣ Виргилія, *Arma virumque cano*, долженствуетъ произноситься, какъ предпослѣднее *a* глагола *cantabo* въ семъ стихѣ критикованномъ отъ Горація, *Fortunam Priami cantabo et nobile bellum.* Ето, говоритъ Г. Депро, опровергая своего противника, есть погрѣшность, которая въ него вкоренилась съ малыхъ лѣтъ въ коллегіи, гдѣ водится сіе худое обыкновенное, чтобъ произносить краткія въ двусложныхъ Латинскихъ словахъ такъ какъ бы онѣ были долгія.

Древніе смѣшивали иногда *e* и *i* въ письмѣ, а по видимому и въ произношеніи
Lib. 1. такъ же. Квинтиліанъ примѣчаетъ, что
cap. 7. въ его время писали *here* вмѣсто *heri*; что находили во многихъ книгахъ *ſibe* и *quaſe* вмѣсто *ſibi* и *quaſi* и что Титъ Ливій писалъ такимъ образомъ. Оттуда безъ сумнѣнія происходитъ, что сіи литеры полагаются произвольно въ нѣкоторыхъ падежахъ: *pelvem* или *pelvim*, *nave*, или *navi*. Оттуда происходитъ такъ же, что, какъ въ двоегласной *ei* *e* было очень слабо,

бо, и какъ въ ней ничего почти не слышно было кромѣ *i*, сїя послѣдняя литера осталась одна только въ нѣкоторыхъ словахъ: *omnis*, вмѣсто, *omneis*; которое столь часто попадается въ Саллюстѣ.

Крассъ у Цицерона укоряетъ Котту, что онъ умалчивая *i*, и выговаривая крѣпко *e* въ двоегласной *ei*, произносилъ не такъ какъ древнїе Ораторы, но какъ жатвенники, которые по увѣдомленїю Баррона говорили *vellam*, вмѣсто *veillam*, или *villam*. Погрѣшность похожая на сїю и нынѣ еще очень обыкновенна многимъ особамъ, произносящимъ *i* почти такъ какъ *e* въ словахъ, въ которыхъ *i* находится передъ *n*, напримѣръ *princeps*, *ingens*, *ingenium*, *induo*, вмѣсто того что надлежитъ его произносить въ сихъ словахъ, такъ какъ оно произносится въ предлогѣ *in*, и когда послѣ *i* слѣдуютъ другїя литеры: *immitis*, *primus*. De Oratore n. 46.

Гласную *u* Латины произносили какъ *ou* (или Руское у) й теперь ее выговариваютъ такъ же Италїанцы и Испанцы. Слово *Cuculus* произносилось, *кукулусъ*, откуда происходитъ Французское *cou cou*, которыя слова въ обоихъ языкахъ началомъ своимъ должны ономатопеи, то есть, подражанїю голоса, чтобъ показать пѣнїе сей птицы. А сїе произношенїе придаетъ Латинскимъ словамъ особливую мяхкость и прїятность. Мы сохраняемъ

нѣкоторой онаго остатокъ въ словахъ, въ которыхъ и провожаемо бываетъ литерою *m*, или *n*; *dominum*, *dederunt*; кои не должно произносить, такъ какъ бы было полное *o*, *dominom*, что однакожъ случается не рѣдко.

Между четырьмя таемыми, *l. r. m n.* первыя двѣ заслуживаютъ совершенно сіе имя; ибо онѣ дѣйствительно суть текущія, и произносятся съ великою удобностію и скоростію. *M* имѣетъ звукъ очень глухой, чего для Квинтиліанъ называетъ его *mugientem literam*, мычащею литерою. Онъ примѣчаетъ, что какъ она имѣетъ нѣчто тяжелое, (*) то ее прежде сего выкидывали при концѣ, *die' hanc*; а хотя иногда ее и писали, только она не произносилась; *Multum ille et terris iactatus et alto.* И такъ вотъ еще въ семъ стихѣ мяхкость и пріятность произношенія, которая намъ не извѣстна.

S Литера называется свистящею по причинѣ звуку, которой она дѣлаетъ: по чему въ древности вымешывали ее при концѣ, *ferenu' fuit*, *dignu' loco.* Есть Французскія слова, въ которыхъ она умалчивается такъ же въ произношеніи, хотя и остается на писмѣ, *Vous nous faites*. . . . Римляне выговаривали всегда литеру *s*, и

(*) Etiamſi ſcribitur, tamen parum exprimitur; adeo ut penè cuiuſdam novæ literæ ſonum reddat. *Quintil. Lib. 9. Cap. 4.*

и ее произносили ясно въ срединѣ слова такъ какъ и въ началѣ: *misería* какъ *séria*. Они еще и удвояли ее въ срединѣ, когда передъ нею стояли долгія гласныя: *caussa*, *cassus*, *divissiones*; (*) Симъ то образомъ Цицеронъ и Виргилій писали. Нашъ языкъ умягчаетъ сію литеру въ срединѣ, которое произношеніе ввелъ и въ Латинской.

Литера Z произносилась у Латинъ мягкимъ нѣкоимъ образомъ, которой, по утвержденію Квинтиліана, дѣлалъ много пріятности въ рѣчи. Она соотвѣтствовала почти нашему *s* между двумя гласными, *Muse*, но съ присовокупленіемъ нѣсколько звуку *делты* послѣ *s*. Таковымъ образомъ въ Греческомъ языкѣ Доряне произносили ее и писали, συρίσδω вмѣсто συρίζω; что поистиннѣ много имѣетъ мягкости. Нѣкоторые думаютъ, что *d* произносилось передъ *s*. *Mezentius*, *Medsentius*. Quintil. Lib. 12. cap. 10.

Сходствіе нѣкоторыхъ литеръ между собою, какъ литеры *b* и *p*, *d* и *t* показываетъ, для чего иныя слова пишутся однимъ, а произносятся другимъ манеромъ. Квинтиліанъ примѣчаетъ, что въ словѣ *obtinuit*, разумъ требуетъ *b*, но уши слышатъ только *p*. Тожъ самое бываетъ Lib. 1. cap. 13.

(*) Quomodo et ipsum (Ciceronem) et Virgilium scripsisse, manus eorum docent. *Quintil. Lib. 1. Cap. 13.*

ваетъ во всѣхъ языкахъ. Мы произносимъ, *grant esprit*, *grant homme*, хотя пишемъ, *grand esprit*, *grand homme*.

Древнїе выражали крѣпко придыханїе, а особливо передъ гласными, что придавало много прїятности и силы произношенїю. *Me ne Iliacis occumbere campis Non potuisse, tuâque animam* HANC *effundere dextrâ*? 1 Æn. 101. *Si Pergama dextrâ Defendi possent, etiam* HAC *defensa fuissent*. 2. Æn. 291. Сїи удивительные стихи теряютъ нѣкоторую часть ихъ красоты, ежели придыханїе не крѣпко выражается. Ето есть порокъ весьма обыкновенной молодымъ людямъ, а особливо Парижскимъ уроженцамъ, которой раченїе Учителей можетъ удобно въ нихъ исправить.

Многїя учинены полезныя и нужныя примѣчанїя о *v* и *j* согласныхъ, которыя древнїе безъ сумнѣнїя произносили не совсемъ такъ какъ мы. Не безполезно оныя читать молодымъ людямъ и знать, что такое было *Digamma Æolicum*, то есть, двойное гамма, характеръ опредѣленной къ показанїю *v* согласнаго: TERMINA FIT, вмѣсто, TERMINAVIT. Императоръ Клавдїй не смотря на то, что онъ былъ обладатель мїра, не имѣлъ сей власти, чтобъ принудить къ принятїю онаго въ число Латинскихъ литеръ.

Изъ сихъ примѣчанїй, и изъ многихъ другихъ имъ подобныхъ должно заключить,

чить, что манеръ, которымъ Римляне произносили Латинскія слова, былъ во многомъ очень отмѣненъ отъ того, которымъ мы произносимъ оныя въ нынѣшнее время: что отъ сего ихъ проза и стихи теряютъ великую часть своей пріятности во рту нашемъ, какъ мы видимъ, что наши крайне обезображаются отъ иностранныхъ, которые не знаютъ точно, какъ мы произносимъ. Они имѣли тысячу нѣжностей въ выраженіи, которыя намъ вовсе неизвѣстны. Они отличали удареніе отъ количества, и умѣли возвышать слогъ, не дѣлая его долгимъ, чего мы не обыкли наблюдать: Они имѣли еще долгія и короткія многихъ родовъ, которыхъ различіе дѣлали чувствительнымъ. Народъ былъ очень разборчивъ въ разсужденіи сего пункта, и Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что не Orat. n. можно было сдѣлать слога протяжнѣе 173. или короче надлежащаго въ стихахъ комедіи, безъ того, чтобъ весь ѳеатръ не восталъ противъ сего худаго произношенія, хотя сіи зрители не имѣли другова правила, какъ только разборчивость ушей, кои привыкли чувствовать различіе долгихъ и короткихъ такъ какъ возвышенія или пониженія голоса, въ чемъ состоитъ знаніе удареній.

Такія примѣчанія о произношеніи и письмѣ древнихъ могутъ быть весьма ко-

полезны, и пріятны молодымъ людямъ, естли только Учители умѣютъ дѣлать разсудительной въ нихъ выборъ, употребляютъ ихъ къ стати, и не предлагаютъ вдругъ великаго ихъ числа, что можетъ учиниться скучно и противно. Они могутъ напередъ, пока еще не справятся съ самыми подлинниками, пріобрѣсть нѣкоторое понятіе о сей матеріи въ краткое время и безъ великаго труда въ книгѣ Портъ-Роіаля называемой, *Способъ Латинской*, изъ которой я взялъ большую часть размышленей, учиненныхъ мною о семъ дѣлѣ. Сія книга, хотя она и не безъ недостатковъ, можетъ ихъ привесть въ состояніе научить своихъ учениковъ многимъ вещамъ не меньше полезнымъ какъ и любопытнымъ.

Они увидятъ въ ней, что лучше писать, *sumsi*, *deliciæ*, *vindico*, *autor* или *auctor*, *conuicium*, *fecundus*, *felix*, *femina*, *fenus*. *fetus*, *lacryma*, *poena*, *patricius*, *tribunicius*, *ficticius*, *nouicius*, *quatuor*, *quicquid*, *Sallustius*, *Appuleius*, *fidus*, *solemnis*, *sollistimum*, *sulfur*, *subsiciua*, или *subcesiua*, и многія другія подобныя примѣчанія подтверждаемыя доводами и свидѣтельствами.

О обыкновеніи заставлять говорить

§. III. Двѣ сутъ крайности, какъ мнѣ кажется, равно порочныя въ классахъ. Одна изъ нихъ есть та, что запрещаютъ ученикамъ говорить инымъ языкомъ,

комъ, кромѣ Латинскаго; другая, что пренебрегаютъ вовсе о томъ попеченіе, чтобъ они говорили симъ языкомъ. но Латыни въ классахъ.

Что касается до первой, то я не понимаю, какъ можно требовать отъ дѣтей, чтобъ они говорили такимъ языкомъ, котораго еще не разумѣютъ, и которой имъ вовсе не знакомъ. Употребленіе одно можетъ довольно быть въ разсужденіи живыхъ языковъ; чтожъ касается до мертвыхъ, то совсемъ иное дѣло. Симъ послѣднимъ не можно иначе научиться, какъ помощію правилъ, и чрезъ чтеніе сочинителей, которые писали на сихъ языкахъ. А чтобъ достигнуть до разумѣнія сихъ Писателей, къ сему потребно довольно времени.

Въ протчемъ, хотя мы и положимъ, что ихъ заставятъ говорить по Латыни тогда какъ уже имъ прочитаютъ нѣсколькихъ Писателей, однакожъ есть ли довольная причина надѣяться, чтобъ и въ сіе время, говоря какъ между собою, такъ и въ классахъ, они могли изъясняться чисто, исправно, красиво? Сколько они наскажутъ несвойственностей, Варваризмовъ, и Солецизмовъ? Его ли есть хорошее средство къ наученію ихъ чистотѣ и изрядству Латыни; и сія ниская и подлая рѣчь ежедневнаго разговора не будетъ ли вкрадываться по необходимости въ ихъ сочиненія?

Ежели

Ежели ихъ принудятъ въ сихъ первыхъ лѣтахъ говорить всегда по Латыни, то чемъ учинится природной ихъ языкъ? Пристойно ли оставлять или пренебрегать его, дабы научиться чужестранному? Я примѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что Римляне не такъ поступали въ разсужденіи своихъ дѣтей, и многія причины заставляютъ насъ подражать имъ въ семъ дѣлѣ. Когда Французской языкъ овладѣлъ, не чрезъ силу оружія, ниже чрезъ власть, какъ Римской, но чрезъ свою чистоту и прелести, всѣми почти Дворами Европейскими, поелику посольскія дѣла какъ публичныя такъ и тайныя и союзы между Государями происходятъ всѣ почти на семъ языкѣ; и когда онъ сдѣлался у всѣхъ благородныхъ людей въ иностранныхъ земляхъ столько въ чести, что его обыкновенно употребляютъ въ гражданскомъ сожитіи и обращеніи: то не стыдноли бъ было Французамъ отказаться нѣкоторымъ образомъ отъ ихъ отечества, оставляя ихъ природной языкъ, чтобъ говорить такимъ, котораго употребленіе не можетъ никогда быть въ разсужденіи ихъ ни столь велико, ни столь нужно?

Часть I. стран. 257. и далѣе.

Но большая еще невыгода сего обыкновенія, по моему мнѣнію, есть та, что оно стѣсняетъ нѣкоторымъ образомъ

зомъ разумъ молодыхъ людей, содержа ихъ въ неволѣ и принужденіи, которое имъ препятствуетъ свободно изъясняться. Одно изъ главныхъ попеченій добраго Учителя есть то, чтобъ пріобучать молодыхъ людей думать, умствовать, выспрашивать, предлагать сумнѣнія, говорить порядочно, и съ нѣкоторымъ пространствомъ. А ето можно ли отправлять на чужестранномъ языкѣ? Да много ли есть и Учителей такихъ, которыебъ способны были къ учиненію сего надлежащимъ образомъ?

Изъ всего мною сказаннаго не слѣдуетъ, чтобъ надлежало совершенно пренебрегать сіе обыкновеніе. Не говоря о тысячѣ незапныхъ случаевъ, могущихъ произойти въ жизни, особливо когда кто странствуетъ по чужимъ землямъ, въ которыхъ способность разумѣть и говорить по Латыни дѣлается великимъ вспоможеніемъ, а иногда еще и необходимо нужна бываетъ; понеже обучающіися въ коллегіяхъ долженствуютъ со временемъ прилѣпиться нѣкоторые къ Медицинѣ, другіе къ Юриспруденціи, премногіе къ Богословіи, а всѣ къ Философіи; то они непремѣнно обязаны для успѣху въ сихъ наукахъ, привыкать заранѣе говорить языкомъ употребляемымъ въ школахъ, то есть, Латинскимъ.

Кромѣ

Кромѣ сихъ причинъ, навыкновенія говорить по Латыни, когда оно провожаемо бываетъ твердымъ и основательнымъ ученіемъ, можетъ служить къ удобнѣйшему разумѣнію сего языка, дѣлая его знакомѣе, и какъ будто природнымъ; оно можетъ такъ же вспомоществовать въ сочиненіи, сообщая выраженія съ большимъ изобиліемъ.

Римляне, которые никогда не говорили въ публикѣ Греческимъ языкомъ, считая, что они чрезъ сіе унизили бы достоинство ихъ имперіи, екзерцитовались однакожъ въ своей молодости въ сочиненіи на ономъ языкѣ, да безъ сумнѣнія имъ и говорили. Светоній примѣчаетъ, что Цицеронъ даже до Преторскаго чину говорилъ всегда свои рѣчи, кои сочинялъ для навыкновенія, на Греческомъ языкѣ.

De claris. Rhet n. 1.

И такъ не худо иногда заставить учениковъ говорить по Латыни въ классахъ; велѣть имъ къ тому приготовляться дома, читая нѣкоторыя исторіи въ писателяхъ, имъ толкуемыхъ, кои сперва прикажутъ имъ расказать по Французски, потомъ по Латыни; вопрошать ихъ иногда на семъ языкѣ о примѣчаніяхъ учиненныхъ въ толкованіи Писателей. Для сего надлежитъ чтобъ Учитель самъ въ своихъ изъясненіяхъ мѣшалъ Латинской языкъ съ Французскимъ.

Онибъ

Онибъ не очень полезны были для учениковъ, ежелибъ происходили на одномъ только Латинскомъ языкѣ. Поелику чужестранной языкъ оставляетъ всегда много темности, тобъ они слушали съ меньшимъ удовольствïемъ и вниманïемъ, а слѣдовательно и плодомъ. Но ежели надобно расказать какую исторïю, объявить что нибудь изъ древности, положить какое правило Риторическое, то ничто не препятствуетъ отправлять сперва все сïе по Латыни, послѣ чего можно повторить тѣжъ самыя вещи по Французски, говоря объ нихъ съ большимъ пространствомъ, и показывая ихъ подъ многими видами, дабы лучше ихъ вразумить.

Сей порядокъ не только бы ученикамъ былъ полезенъ, но и послужилъ бы не мало самимъ Учителямъ, коимъ бы онъ снискалъ великую способность говорить по Латыни, которая бываетъ имъ нужна во многихъ случаяхъ, и не можетъ прïобрѣтена быть иначе какъ чрезъ долговремемное употребленïе и частую екзерцицïю.

§. IV. Память есть сила, или могущество, чрезъ которое душа сохраняетъ понятïя или изображенïя предмѣтовъ, представившихся разуму, или поразившихъ чувства. О надобности и Способѣ изострять память.

Изъ всѣхъ могуществъ души нѣтъ ни одного, въ которомъ бы можно было

 мень-

меньше дать отчету, какъ въ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, удобно ли понять, какимъ образомъ предмѣты, представляющiися глазу, или звуки поражающiе ухо, (что надлежитъ сказать и о всѣхъ другихъ чувствахъ, а еще болѣе о мысляхъ и духовныхъ понятiяхъ) могутъ впечатлѣть въ мозгу черты, кои представляютъ въ немъ сущее изображенiе оныхъ предмѣтовъ, и кои при первомъ повелѣнiи души приводятъ ей на мысль оные? Что ето за магазинъ, что за пространная кладовая, которой человѣкъ ввѣряетъ какъ будто залогъ столько различныхъ вещей? Какое пространство должны имѣть обширныя поля памяти, чтобъ содержать безпредѣльное число познанiй и чувствованiй всякаго роду, которыя тамъ собираются чрезъ продолжительное лѣтъ послѣдствiе! сколько маленькихъ, такъ сказать, ящичковъ, и различныхъ ямокъ для сего невѣроятнаго множества премѣтовъ, которые всѣ распоряжаются по своимъ мѣстамъ безъ смѣшенiя и безпорядку, такъ что одинъ не мѣшаетъ другому, и его не разстроиваетъ!

Но въ среди столь чуднаго порядку, и столь удивительнаго расположенiя, какое иногда усматривается неравенство, и какой, естли смѣю такъ сказать, вздоръ! Въ нѣкоторыя времена предмѣты представляются сами собою при пер-

вомъ

вомъ поданїи знаку, и какъ скоро бывають потребованы: въ другїя напротивъ того они долго не отъискиваются, и надлежитъ ихъ тащить какъ будто силою изъ уголковъ, въ которыхъ они скрываются, и изъ ямокъ, въ коихъ заключены содержатся. Иногда они всѣ вмѣстѣ приходятъ толпами, и надлежитъ, чтобъ умъ, какъ будто даннымъ рукою знакомъ ихъ удалилъ, дабы распознать въ кучѣ тѣ, въ коихъ онъ имѣетъ надобность. Въ то время, какъ дѣла приключившїися за тритцать, или за сорокъ лѣтъ показываются разуму, другїя самыя не давнїя отъ него удаляются, и уходятъ отъ его взору.

Болѣзнь, припадокъ, заглаживаютъ вдругъ всѣ черты, которыя были впечатлѣны въ мозгу: а по нѣсколькомъ времени возвращенное здравїе оживляетъ всѣ оныя.

Ежели память столько исполнена чудесъ въ своей причинѣ и дѣйствїяхъ, то можно такъ же сказать, что она безмѣрно полезна для всѣхъ употребленїй жизни, а наипаче для прїобрѣтенїя Знанїй. Она то есть хранительница и зберегательница того, что мы видимъ, читаемъ, и перенимаемъ какъ отъ Учителей, такъ и отъ собственныхъ размышленїй. Ето есть природное и домашнее сокровище, въ которомъ человѣкъ полагаетъ безопасно

опасно многочисленныя и неоцѣненныя богатства. Безъ памяти ученіе многихъ лѣтъ учинилось бы безполезно; онобъ не оставляло по себѣ никакихъ слѣдовъ, и вытекалобъ безпрерывно изъ ума такъ какъ вода Данаидъ въ баснословіи упоминаемая. Она то сообщивъ Оратору въ жару сочиненія матерію его рѣчи, сохраняетъ ему всѣ ея мысли и выраженія въ ихъ порядкѣ черезъ цѣлыя недѣли и мѣсяцы, а во время дѣйствія представляетъ ему оныя съ такою вѣрностію и исправностію, которыя ничего не упускаютъ.

Ея вспоможеніе не меньше удивительно и не меньше нужно въ рѣчахъ скоропѣспѣшно сочиняемыхъ; въ которомъ случаѣ разумъ чрезъ чудное нѣкое проворство, будучи занятъ въ одно время доводами, мыслями, выраженіями, порядкомъ, тѣлодвиженіемъ, произношеніемъ, и простираясь всегда далѣе того, что дѣйствительно говорится, приготовляетъ безпрестанно Оратору то, что говорить ему надобно и поручаетъ все какъ бы залогъ памяти, которая вѣрною рукою получивъ сіе отъ Изобрѣтенія, и предавъ Выраженію возвращаетъ Оратору въ надлежащее время, ни предупреждая, ни замедливая его приказаній ни одною минутою.

Столь чудной и столь надобной талантъ есть совокупно даръ природы и

плодъ

плодъ труда. Онъ заимствуетъ нѣчто отъ обѣихъ. Онъ долженъ своимъ началомъ и произшествїемъ природѣ, а совершенствомъ наукѣ (*), которая не влагаетъ въ насъ качества, коихъ мы во все не имѣемъ, но возращаетъ и укрѣпляетъ чрезъ екзерцицїю тѣ, которыхъ мы имѣемъ уже счастливыя начала.

И такъ сїе весьма нужно, чтобъ старались за благовременно изощрять память дѣтей, въ коихъ она обыкновенно бываетъ довольно хороша; и кои въ протчемъ, въ семъ незрѣломъ возрастѣ, не способны еще находятся ни къ какому почти другому дѣлу. Сїяжъ екзерцицїя долженствуетъ продолжаться правильно въ послѣдующїе годы.

Когда я говорю, что наука можетъ много способствовать къ укрѣпленїю памяти, то я не разумѣю сей на искуствѣ основанной памяти, которой изобрѣтенїе приписывается Грекамъ, и о которой способѣ объявляютъ намъ Цицеронъ и Квинтилїанъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ располагать по нѣкоторымъ мѣстамъ и изображенїямъ вещи и слова, которыя хотѣлъ кто нибудь помнить. Что касается до мѣстъ, то избирали, напримѣръ,

Cic. 1. 3. Rhet. n. 28-40 et Lib. 2. de Orat. n. 351-360.

(*) Ars habet hanc vim, non ut totum aliquid, cuius in ingeniis nostris pars nulla sit, pariat et procreet: verum ut ea, quæ sunt orta iam in nobis et procreata, educet atque confirmet. *Cic. Lib. 2. de Orat. n. 356.*

Quintil. Lib. 11. cap. 2. мѣрѣ, различныя части дому, какъ сѣни, залу, галерею, камеры, и прочч. Въ первомъ мѣстѣ полагалось Вступленіе, во второмъ Повѣствованіе, и такъ далѣе. Въ первомъ ономъ мѣстѣ, гдѣ поставлено было вступленіе, полагались порядкомъ многія изображенія; изъ коихъ одни означали различныя части и периоды вступленія, а другія показывали выраженія. Не видно, чтобъ хоть одинъ Ораторъ въ древности употреблялъ сей способъ служащій не столько ко вспоможенію памяти, сколько къ смятенію и отягченію ея новымъ трудомъ, какъ судитъ объ немъ Квинтиліанъ. Сказываютъ объ одномъ Попѣ въ Лангедокѣ, что онъ употреблялъ сей способъ съ удивительнымъ успѣхомъ. Задавали ему три или четыреста словъ, которыя не имѣли никакой связи между собою. Онъ ихъ повторялъ сряду, начиная хотя съ начала, хотя отъ конца. То, что онъ употреблялъ для удержанія въ памяти словъ, было не иное что, какъ порядокъ улицъ и домовъ въ Монпельѣ.

(*) Добрая память должна имѣть два качества, двѣ силы: во первыхъ, чтобъ понимала скоро и безъ труда то, что ей вѣряютъ; во вторыхъ, чтобъ вѣрно сіе хранила. Счастливъ человѣкъ, когда сіи два

(*) Memoriæ duplex virtus: facilè percipere, et fideliter continere. *Quintil. Lib. 1 cap. 3.*

два качества находятся совокуплены отъ природы; однакожъ раченїе и трудъ споспѣшествуютъ много къ ихъ совершенїю.

Есть такїя дѣти, въ которыхъ лѣнивая и упорная память отказывается съ начала служить, и кажется осуждена на совершенную безплодность. Не надлежитъ скоро скучать, ниже уступать сему первому ея сопротивленїю, которое часто преодолевалось, и укращено бывало терпѣнїемъ и постоянствомъ. Сперва даютъ выучить малое число строкъ дитяти сего характера, требуя только того, чтобъ онѣ твердо были выучены. Горесть сего труда стараются уменьшить прелестїю забавы, предлагая ему однѣ только прїятныя вещи, каковы суть, напримѣръ, басни дела Фонтена, и любопытныя исторїйки. Трудолюбивой и доброхотной Учитель самъ сотовариществуетъ ученику своему; онъ учится съ нимъ, поддается иногда, и доказываетъ ему чрезъ собственной его опытъ, что онъ можетъ выучать гораздо болѣе, нежели онъ думалъ: *possunt, quia posse videntur.* Похвалы и Virgil. ласковость имѣютъ здѣсь гораздо больше силы, нежели выговоры и строгость. По мѣрѣ умноженїя успѣховъ увеличиваютъ по степенямъ и нечувствительно повседневной урокъ. Симъ благоразумнымъ распоряженїемъ наконецъ преодолеваютъ безплодность, или паче сказать, природную

ную трудность памяти, такъ что съ удивленіемъ усматриваютъ, что молодые люди, о которыхъ сперва можно было отчаяться, становятся почти равны въономъ дѣлѣ всѣмъ своимъ соученикамъ.

Общее правило въ семъ случаѣ есть то, чтобъ хорошо разумѣть и ясно понимать то, что наизусть хотятъ выучить. Разумѣніе подаетъ дѣйствительно великую помощь и удобность памяти.

Многія особы вывѣдали такъ же, что чтеніе того, что хотятъ наизусть выучить, повторенное два или три раза ввечеру передъ тѣмъ временемъ, какъ ложатся спать, весьма бываетъ полезно, хотя и не можно дать на то довольной причины, развѣ только то, что черты, кои тогда изображаются въ мозгу, не будучи прерваны и разстроены отъ многоразличія предмѣтовъ, такъ какъ днемъ, углубляются въ ономъ болѣе, и сильнѣйшее дѣлаютъ впечатлѣніе помощію молчанія и покою ночнаго.

Стихи удобнѣе помнятся, нежели проза, наипаче когда молодые люди бываютъ въ состояніи различать число и мѣру оныхъ: но проза способнѣе къ изощренію и укрѣпленію памяти, потому что она имѣя больше вольности и не будучи привязана къ правильнымъ и одинакимъ

кимъ мѣрамъ, не столь удобно выучается.

Сїю выгоду сыскиваютъ еще надежнѣе въ отдѣленныхъ изрѣченїяхъ, кои не имѣютъ между собою никакой связи, каковы суть притчи Соломоновы и Екклезїастовы. Не худо при томъ изнурять иногда и укрощать память тѣмъ, что есть самое трудное, дабы въ случаѣ она готова была ко всему.

Нѣкоторыя особы излишное, мнѣ кажется, имѣютъ о томъ небреженїе, чтобъ заставлять выучивать въ классахъ выборныя мѣста изъ Греческихъ Писателей, а особливо изъ Стихотворцовъ. Примѣръ мною упомянутой объ Стран. 5.
одномъ молодомъ господинѣ, которой передъ выходомъ изъ коллегїи прочиталъ наизусть всего Омира, показываетъ намъ съ одной стороны, сколько обученїе Греческому языку было тогда въ чести въ Университетѣ, а съ другой подтверждаетъ яснымъ образомъ дѣло, которое я здѣсь совѣтую.

Надлежитъ весьма остерегаться, чтобъ не счесть потеряннымъ время, которое полагаютъ на изощренїе симъ образомъ памяти; нѣтъ можетъ статься другова времени, котороебъ лучше употреблено было въ юности, какъ оное. А ето оставляется благоразсужденїю учителей, чтобъ распоряжать уроки, которые дол-

жно задавать ежедневно ученикамЪ, и чтобЪ соразмЂривать оные, сколько можно, сЪ ихЪ понятїемЪ. МнЂ кажется, что вЪ классахЪ не очень многолюдныхЪ довольно можетЪ быть одной четверьти часа кЪ тому, чтобЪ заставить прочитывать уроки, тЂмЪ наипаче, что вЪ каждую субботу опредЂляется вЪ оныхЪ больше времени на повторенїе всЂхЪ уроковЪ недЂльныхЪ.

Лучше задавать оные покороче, и вЪ меньшемЪ числЂ, но требовать, чтобЪ ихЪ выучали и прочитывали наизусть сЪ крайнею твердостїю. Память, которая клонится всегда кЪ вольности, и не безЪ труда несетЪ иго, имЂетЪ надобность вЪ принужденїи и неволЂ, наипаче при первыхЪ начатїяхЪ. ЧрезЪ сїе она прїобрЂтаетЪ счастливую привычку быть послушною и покорною вЪ томЪ, чего отЪ нее требуютЪ.

Не льзя довольно выхвалить сїю екзерцицїю; и я жалЂю, что не продолжаютЪ вЪ самыхЪ верьхнихЪ классахЪ старинного обыкновенїя заставлять спориться о мЂстахЪ, которое весьма служило кЪ питанїю вЪ ученикахЪ ревности, и кЪ изощренїю ихЪ памяти. Есть такая простота, и такое ребячество, кое приличествуетЪ всякому возрасту, и ни мало не уменьшая достоинства разума, являетЪ невинность нравовЪ, которая драгоценнЂе самыхЪ блестящихЪ качествЪ.

Есть

Есть память словъ, и память вещей. Первая есть та, о которой мы говорили по сїе мѣсто, и которая состоитъ въ вѣрномъ прочитываніи и пересказываніи отъ слова до слова того, что выучено наизусть. Другая состоитъ въ удержаніи не словъ, но силы, смыслу, послѣдствїя читанныхъ или слышанныхъ вещей, напр. исторїи, приказной рѣчи, проповѣди. Сего роду память не меньше полезна, какъ и первая, которая къ ней предуготовляетъ, и ей способствуетъ, и находится въ большемъ употребленїи.

Не ненужно такъ же изощрять въ молодыхъ людяхъ сїю память, заставляя ихъ давать отчетъ въ томъ, что они читали или слышали. Надлежитъ начать тѣмъ, что есть самое удобное, каковы суть Басни, краткїя исторїи; и естли они пропустятъ какое нибудь нужное обстоятельство, то имъ заразъ о томъ знать даютъ. Когда имъ протолковано какое нибудь слово Историка, книга Стихотворца, или рѣчь Оратора, то ничто не можетъ имъ быть полезнѣе, какъ чтобъ ихъ возвращать къ прежней матерїи, и велѣть имъ сказать ея содержанїе, сперва вообще, а потомъ подробнѣе, то есть такъ, чтобъ они объявили исправно порядокъ и раздѣленїе рѣчи, различныя ея части и доказательства

каж-

каждой изъ нихъ. Я тожъ самое говорю о наставленіи или проповѣди, которую случится имъ слушать.

Я обращаюсь къ памяти дѣлъ. Нѣтъ ничего, чтобы мы чаще слышали, какъ жалобы особъ имѣющихъ довольно разума и склонности къ чтенію о томъ, что онѣ не могутъ упомнить того, что читаютъ, и что, не смотря на всю ихъ охоту и на всѣ усилія, почти все читанное выходитъ изъ ихъ памяти, такъ что у нихъ ничего болѣе не остается, какъ смятное и общее о томъ понятіе.

Надобно признаться, что есть не надежныя памяти, и отпертыя, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ, которыя оставляютъ свободной выходъ всему тому, что имъ ввѣряютъ. Но сей недостатокъ часто происходитъ отъ небреженія. Люди не ищутъ въ своихъ чтеніяхъ, какъ только, чтобъ удовольствовать свое любопытство въ настоящее время, не заботясь много о будущемъ. Они помышляютъ болѣе о томъ, чтобъ читать много, нежели чтобъ читать съ пользою; пробѣгаютъ съ поспѣшностію, и хотятъ всегда видѣть новые предмѣты. Ето не чудно, что сіи предмѣты безпредѣльно размноженные, кои они едва успѣваютъ осмотрѣть только, дѣлаютъ лехкое впечатлѣніе, которое мгновенно изчезаетъ, не оставивъ по себѣ никакого

Plenus rimarum: hac atque illac perfluo.

слѣду

слѣду. Способъ отъ того избавиться есть сей: чтобъ читать потише, повторять многократно одну вещь, и отдавать въ ней отчетъ самому себѣ. Чрезъ сїю екзерцицїю, которая съ начала кажется трудна и обременительна, можно достичь, естли не до совершеннаго воспоминанїя о всемъ читанномъ, то по крайней мѣрѣ до удержанїя большей и нужнѣйшей части того, что попадалось въ чтенїи. Ежелибъ кто отвѣдалъ принудить себя такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени, тобъ узналъ, что когда онъ мало помнитъ читаннаго, то долженствуетъ въ етомъ винить не столько невѣрность памяти, сколько собственную свою лѣность.

Я окончу сїе краткое разсужденїе о памяти однимъ примѣчанїемъ, которое можетъ статься должно было предложить съ самаго начала. Оно касается до разбору, которой надлежитъ имѣть въ изощренїи памяти. Не все равнымъ образомъ хорошо въ Писателяхъ; и хотя въ Виргилїѣ, напримѣръ, все достойно выучено быть, однакожъ есть мѣста, которыя великолѣпнѣе и полезнѣе другихъ: и какъ не льзя обременять памяти всѣхъ учениковъ цѣлымъ Писателемъ, то доброй смыслъ и разсудокъ требуютъ, чтобъ выбирали мѣста способнѣйшїя къ утвержденїю ума, и исправленїю сердца

для красоты ихъ мыслей, и благородства чувствованій. Сей разборъ нужнѣе еще бываетъ въ другихъ Писателяхъ, каковы суть Историки и Ораторы, коихъ не должно предлагать сряду, но мѣстами и частицами.

Университетъ благоразумно приказалъ освящать во время всего курсу ученій изощреніе памяти, заставляя молодыхъ людей выучать повседневно по нѣскольку стиховъ изъ св. писанія.

КНИГА

КНИГА ВТОРАЯ
О
ПОЭЗІИ.

Предлагаемая здѣсь матерія требовала бы одна цѣлой книги, ежелибъ я хотѣлъ представить ее въ надлежащемъ пространствѣ. Но намѣреніе, которое я имѣю наставлять юношей, или по большой мѣрѣ молодыхъ учителей, принуждаетъ меня заключаться въ тѣснѣйшихъ границахъ. Я учиню сперва нѣсколько общихъ размышленій о Поэзіи, такъ какъ она есть въ себѣ самой: потомъ войду въ подробность, и сообщу нѣсколькія правила о стихосложеніи, и о томъ, какъ надлежитъ читать Стихотворцовъ.

Глава

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о *Поэзіи вообще.*

Въ размышленіяхъ, кои я имѣю учинить о Поэзіи вообще, я буду изслѣдывать свойство и начало Поэзіи; такъ же, чрезъ какія степени она удалилась отъ своей первой чистоты; позволительно ли чтеніе Стихотворцовъ язычническихъ въ Христіанскихъ школахъ; наконецъ можетъ ли сносно быть въ Христіанствѣ употребленіе именъ и званія Боговъ язычничества.

О свойствѣ и началѣ Поэзіи.

§. I. Естли кто пожелаетъ взойти къ самому первому началу Поэзіи, то онъ не можетъ, какъ я думаю, о томъ сумниться, чтобъ она не брала своего источника во внутренности самой естества человѣческаго, и чтобъ не была сперва восклицаніемъ и выраженіемъ сердца человѣка восхищеннаго и пришедшаго внѣ себя при взглядѣ на предмѣтъ, которой единъ достоинъ былъ любви, и единъ только могъ учинить его счастливымъ. Сильно будучи занятъ симъ предмѣтомъ, которой составлялъ его какъ радость, такъ и славу, сродно было, чтобъ онъ поспѣшалъ проповѣдывать его благодѣтельное величество, и не могучи содержать въ себѣ самомъ своихъ чувствованій употребилъ голосъ: чтобъ въ недостаткѣ голоса къ изъясненію всего чувствуемаго

ствуемаго онъ поправилъ его слабость звукомъ инструментовъ, каковы были сначала барабаны, кимвалы, и арфы, на коихъ руки играли и бряцали съ великимъ шумомъ: и чтобъ заставилъ еще дѣйствовать и ноги, которыя бы на подобіе тѣхъ своимъ движеніемъ и стройнымъ паденіемъ выражали колебавшіе его восторги.

Когда сіи смятные и неколѣнчетые звуки, превращаются въ ясные и раздѣльные, и составляютъ слова заключающія въ себѣ свѣтлыя понятія чувствованій, которыми душа исполнена; тогда уже она отвергаетъ общенародную и повседневную рѣчь. Обыкновенной и простой штиль ей кажется очень слабъ и низокъ. Она подымается къ великому и высокому, дабы достигнуть до величества и красоты предмѣта, которой ее плѣняетъ. Она изыскиваетъ самыя благородныя мысли и выраженія; собираетъ отважнѣйшія фигуры; плодитъ живѣйшія подобія и сравненія; пробѣгаетъ натуру, и истощаетъ ея богатство, дабы изобразить ею чувствуемое, и дать высокое о томъ понятіе. Она хочетъ выразить въ словахъ число, мѣру и паденіе, кои она означала дѣйствіемъ рукъ, играя на инструментахъ, и движеніемъ ногъ танцуя.

Сіе то есть, собственно говоря, начало Поэзіи; сіе составляетъ ея основаніе

и существо. Отсюда происходятъ, восторгъ Стихотворцовъ, плодовитость изобрѣтенія, благородство мыслей и чувствій, вспыльчивость воображенія, великолѣпіе и отважность словъ, любовь къ великому, высокому, удивительному. Отсюда по неотмѣнному послѣдствію раждаются стройность и согласіе стиховъ, паденіе виршей, изыскиваніе украшеній, склонность къ разсыпанію повсюды пріятностей, услажденія, прелестей. Ибо какъ верьховное Благо есть верьховная также и красота, то сродно бываетъ любящему сердцу старатся объ украшеніи и уборѣ всего того, что оно любитъ, и представлять себѣ въ пріятномъ нѣкоторомъ видѣ всѣ предмѣты, кои ему угодны.

Можно безъ трудности признать всѣ сіи характеры Поэзіи, ежели кто взойдетъ къ первымъ временамъ, въ коихъ она была чиста и безъ смѣшенія, и ежели разсмотритъ древнѣйшія піесы, которыя мы имѣемъ въ семъ родѣ, какова есть славная пѣснь Моvсея на прехожденіе чрезъ
Apacal. XV. 3. Чермное море. Сей Пророкъ, такъ какъ Ааронъ, Марія, и другіе духовные Израильтяне, открывая въ семъ великомъ приключеніи свободу отъ порабощенія Демонова, которую Іисусъ Христосъ долженствовалъ снискать народу Божіему, и простирая свой взоръ къ совершенной вольности имѣющей даться церь-

кви

кви подъ конецъ міра, когда она пренесется отъ бѣдностей сего заточенія къ благополучію небеснаго отечества, предавались радостнымъ восхищеніямъ, кои надежда вѣчнаго счастія произвесть въ нихъ долженствовала: Что касается до плотскихъ Израильтянъ; кои ограничивали себя землею, то они видѣли въ чудесномъ ихъ освобожденіи, которое погибель Египтянъ дѣлала надежнымъ, благополучіе столь совершенное; какъ чувства только могли себѣ представить: Тѣмъ и другимъ сродно было оказывать безмѣрную ихъ радость пѣніемъ и Поэзіею, такъ какъ они учинили, и соединять съ оными біеніе рукъ въ барабаны, и дѣйствіе ногъ, кои танцовали.

Тѣжъ самые характеры примѣчаются въ пѣсняхъ Деворы и Исаіи, такъ же и во псалмахъ Давыда, которой въ пѣсняхъ радостныхъ и благодарственныхъ совокупляетъ почти всегда съ веселыми восклицаніями играніе на арѳѣ и цитрѣ, и скаканіе. Онъ побуждаетъ къ тому всѣхъ слушателей; и далъ самъ на то примѣръ въ день перенесенія ковчега, въ которой предаваясь безъ воздержанія движеніямъ радости, онъ игралъ на своей арѳѣ, и плясалъ во всю мочъ.

Изъ всего теперь сказаннаго надлежитъ заключить, что истинное употребленіе Поэзіи принадлежитъ къ Закону; ко-

торой единъ предлагаетъ человѣку его истинное благо, и ему показываетъ оное только въ Богѣ; да она и дѣйствительно у святаго народа посвящена была одному Закону. Она не инымъ чемъ была занята, какъ пѣнїемъ похвалъ Создателя, величанїемъ его свойствъ, прославленїемъ его благодѣянїй; да и самая похвала великихъ людей, которую Поэзїя помѣщала иногда въ своихъ пѣсняхъ, имѣла всегда отношенїе къ Богу.

Сїе самое и у древнихъ идолопоклоннических народовъ составляло первую матерїю ихъ стиховъ! Таковы суть гимны пѣтые во время жертвоприношенїй, и въ пированїяхъ, кои были ихъ послѣдствїемъ; таковы оды Пиндара, и другихъ Лирическихъ Стихотворцовъ; такова Исїодова Ѳеогонїя.

Отъ Боговъ помалу Поэзїя перешла къ полубогамъ, Ироямъ, основателямъ городовъ, избавителямъ Отечества; и распространилась ко всѣмъ тѣмъ, кои считались виновниками общенароднаго благополучїя, и государственными хранителями. Язычничество, раздавая щедро Божеское названїе всему тому, что показывало характеръ благости довольно сильной къ снисканїю выгодъ превосходившихъ общее понятїе людей, и что походило на чудесное, сочло, что пристойно было

было давать участие въ похвалахъ Боговъ тѣмъ, кои раздѣляли съ ними славу въ снисканіи роду человѣческому наибольшихъ благъ, какія только ему извѣстны были, и единаго вожделѣннаго ему счастія.

Стихотворцы не могли говорить о сихъ важныхъ матеріяхъ безъ того, чтобъ не выхвалить вмѣстѣ и добродѣтели, яко особливо Богамъ свойственной, и послужившей главнымъ орудіемъ великимъ мужамъ къ пріобрѣтенію славы, которой въ нихъ удивлялись. По природной склонности украшать все то, что мы любимъ и что хотимъ привесть къ другимъ въ любовь, они начали описывать красоту добродѣтели живѣйшими цвѣтами, и разсыпать возможныя прелести и пріятности въ ихъ нравоучительныхъ рѣчахъ и наставленіяхъ, дабы сдѣлать ихъ вкуснѣе для людей. Однакожъ ето не происходило отъ искренной ихъ любви къ добродѣтели въ себѣ самой, потому что они погружали въ глубокомъ молчаніи всѣ добродѣтели не знатныя, хотя часто твердѣйшія и всегда нужнѣйшія къ повседневному житію простыхъ людей, и оставляли всѣ свои похвалы для тѣхъ, кои привлекали народныя рукоплесканія, и блистали съ большею славою передъ глазами гордости и честолюбія.

По какимъ степенямъ Поэзія удалилась отъ древней своей чистоты.

§. II. Какъ люди совершенно поработившіися чувствамъ полагали въ нихъ все свое благополучіе, и предавались безъ мѣры утѣхамъ вкуса, и прелестямъ плотской любви, то естественно слѣдовало, чтобъ они, считая Боговъ крайне блаженными, приписали имъ самое полное счастіе, которое они сами испытали и понимаютъ; чтобъ ихъ себѣ представили провождающими жизнь въ пированіяхъ и удовольствованіи похоти, и чтобъ къ таковымъ дѣйствіямъ присовокупили обыкновенныя (а) слѣдствія и пороки, которыя они судили быть отъ оныхъ нераздѣльными.

Такое основаніе ихъ Богословіи привело ихъ въ скорости къ тому, чтобъ они вмѣняли за долгъ закона посвящать чрезъ торжественныя жертвоприношенія, и чрезъ общенародныя призданики всѣ сіи страсти и безпорядки, которыя они предполагали въ ихъ Богахъ. Они привлечены еще къ тому были симъ тайнымъ удовольствіемъ, чтобъ видѣть представляемое въ столь почтенныхъ примѣрахъ изображеніе ихъ собственныхъ страстей, и имѣть виновниками и соучастниками ихъ мотовства Боговъ самыхъ, которымъ они покланялись. Отсюда произошло столь

(а) *Пьянство Бакха и Силена, насмѣшки Момуса, мунщенская должность Гебы, Нектаръ, Амврозія, и протч. свадьбы, ревности, ссоры, разводы брачные, прелюбодѣйства, кровосмѣшенія.*

столь древнее употребленіе священныхъ рощей, которыми храмы почти всегда окружаемы были, дабы ихъ тѣнію и пустыремъ прикрыть наибольшія безчинія: отсюда почитаніе Веелфегора, о которомъ упоминается въ главѣ XXV Чиселъ, и которое состояло, по Апокалипсису, въ яденіи и блудодѣйствѣ; отсюда то, что Иродотъ объявляетъ о Вавилонскихъ церемоніяхъ, и что Пророкъ Варухъ сказалъ объ оныхъ за долгое до него время: отсюда различныя оныя таинства, кои столько скрывали нечистотъ и гнусностей, и о которыхъ молчать столь строго повелѣвалось. Apoc. XII. 14.

Въ школѣ столь развратной Богословіи что могла сказать Поэзія, которая была особливо посвящена Закону, и служила естественною толковательницею чувствованій сердца? Должность ея требовала, чтобъ она воспѣвала Боговъ, каковыми ей общенародной законъ ихъ показывалъ, и чтобъ ихъ представляла съ такими характерами, страстьми, и приключеніями, какія слава имъ приписывала. Законъ ей внушалъ сіи призыванія: *Adsis lætitiæ Bacchus* dator. Законъ ей пересказывалъ сіе изреченіе: *Sine Cerere et Baccho friget Venus.* Какимъ образомъ Поэзія могла отказаться слѣдовать заблужденіямъ Язычничества тогда, какъ самое Язычничество слѣдовало заблужденіямъ сердца? Virgil. Terent.

Она долженствовала неотмѣнно испортиться по мѣрѣ поврежденія сихъ двухъ источниковъ, отъ коихъ она зависѣла и не могла укрѣпиться, чтобъ не заразить себя пороками обоихъ. И такъ, естьли судить здраво о вещахъ, то надлежитъ сказать, что не Поэзія есть первою причиною язычническаго нечестія и развращенія нравовъ; но что развратность сердца, повредивъ сперва законъ, повредила и Поэзію; ибо сія не иную рѣчь говоритъ, какъ ту, которую сердце ей пересказываетъ.

Однакожъ надобно и въ томъ признаться, что Поэзія съ своей стороны послужила много къ питанію сей двоякой развратности. Ето извѣстно, что сія безчинная и съ чувствами сображенная Богословія имѣлабъ гораздо меньше власти надъ умами, меньше силы и чести у народа, ежелибъ Стихотворцы не истощили въ ея пользу всей тонкости и остроты ихъ разума, и естьлибъ они не постарались употребить самыхъ живѣйшихъ цвѣтовъ, чтобъ прикрасить пороки и злодѣянія, которыябъ вскорѣ подпали общему охужденію безъ убранства, которое они имъ сообщали, дабы закрыть ихъ безобразіе, гнусность и срамоту.

Ето есть основаніе справедливыхъ укореній, которыя мудрецы язычническіе дѣлали Стихотворцамъ; ето есть при-

причина жалобы, которую Цицеронъ приноситъ особливо на Омира, что онъ *приписалъ Богамъ слабости людей, вмѣсто того, чтобъ симъ сообщить добродѣтели Боговъ.* Lib. 1. Tusc. n. 65.
Ето такъ же есть побужденїе, которое принудило Платона выслать изъ его республики Стихотворцовъ, не выключая и самаго Омира, которой однакожъ не имѣлъ никогда ни большаго хвалителя, ни вѣрнѣйшаго, можетъ статься, подражателя, какъ онъ. Ето ли есть, говоритъ онъ, Lib. 3. de Republ. изрядное наставленїе объ умѣренности для молодыхъ людей, чтобъ слышать Улисса говорящаго у Алциноя, что наибольшее благополучїе и утѣха жизни состоятъ въ томъ, чтобъ быть за богатымъ столомъ, и пировать великолѣпно? То, что говоритъ Фениксъ о дарахъ, которые одни только сильны умилостивить Боговъ и людей; и что дѣлаетъ Ахиллесъ, отдавая тѣло Гекторово не иначе какъ за деньги, можетъ ли вдохнуть въ нихъ благородныя склонности? Научатся ли они презирать болѣзни и смерть, и вмѣнять за малое жизнь, когда увидятъ Боговъ и Ироевъ сокрушающихся по умершей какой нибудь особѣ, которая имъ была любезна и когда услышатъ, что Ахиллесъ самой говоритъ, что онъ лутчебъ избралъ быть на земли слугою самаго бѣднаго земледѣльца, нежели Царемъ всѣхъ мертвыхъ во адѣ? То, что вооружаетъ болѣе Платона противъ Омира, есть

есть то, что сей Стихотворецъ объявляетъ о Богахъ. Ссоры, несогласія, сраженія, раны, воровства, прелюбодѣянія, самыя безчиннѣйшія мотовства, всѣ сіи дѣла отъ него вымышленно Богамъ приписаны, каковыбъ не долженствовали быть разглашены, хотябъ они и истинны были. Цицеронъ кладетъ на счотъ Стихотворцовъ сіи негодные вымыслы, которые дѣлаютъ Боговъ Языческихъ столь смѣшными, и вычисляетъ множество ихъ въ своей книжкѣ *о естествѣ Боговъ*.

Оба они въ семъ дѣлѣ обманывались, не восходя къ первому источнику безпорядка. Омиръ не былъ изобрѣтатель сихъ басенъ. Онѣ были гораздо его древнѣе, и составляли часть языческой Богословіи. Онъ описывалъ Боговъ такими, какъ онъ принялъ ихъ отъ родителей своихъ, и какъ объ нихъ всѣ думали въ его время. По сему Платонъ на вѣру самую, которая предполагала такихъ Боговъ, а не на Поэзію, которая ихъ представляла въ такомъ видѣ, какъ ихъ воображали, вину слагать долженствовалъ. И ето въ самомъ дѣлѣ было тайнымъ побужденіемъ узаконенія, которымъ онъ изгонялъ изъ своей республики Стихотворцовъ. Ибо всю Богословію язычничества раздѣлили между собою двѣ школы, Стихотворческая и Философская. Стихотворцы сахраняли самую силу народнаго закона, ко-

которой былъ основанъ на обыкновенїяхъ и преданїяхъ самой отдаленной древности, подтвержденъ государственными указами, соединенъ съ публичными праздниками и обрядами. Философы напротивъ того стыдясь въ тайнѣ грубыхъ погрѣшностей народа обучали особенно закону чистѣйшему и освобожденному отъ сего множества Боговъ исполненныхъ стыда достойными страстьми и пороками. И такъ Платонъ, изключая изъ своей республики Стихотворцовъ, изключалъ по неотмѣнному послѣдствїю весь народный законъ, чтобъ ввесть на мѣсто его свой; и чрезъ сїю хитрую околичность онъ поставлялъ себя въ безопасности отъ Лютика проглоченнаго Сократомъ, которой огорчилъ щекотливой народъ, изъясняясь очень открытно противъ суевѣрїй древняго и господствующаго закона.

Сїе разсужденїе служитъ къ уничтоженїю противорѣчїя, которое усматривается въ поступкахъ Аѳинянъ въ разсужденїи Аристофана и Сократа. Непонятно кажется, для чего они столь нечестивы на ѳеатрѣ, и столь набожны въ Ареопагѣ; и для чего тѣжъ самые зрители увѣнчаваютъ въ Стихотворцѣ шутки столь поносительныя для Боговъ въ то время, какъ они наказываютъ смертїю Философа, которой объ нихъ говорилъ гораздо съ большщею умѣренностїю.

Ари-

Аристофанъ, представляя на ѳеатрѣ Боговъ съ такими характерами и слабостьми, кои возбуждали смѣхъ, копировалъ только черты съ публичной Богословіи. Онъ не приписывалъ имъ ничего новаго, и своего изобрѣтенія, ничего, чтобы небылосходственносъобщенародными мнѣніями. Онъ говорилъ объ нихъ такъ какъ весь свѣтъ объ нихъ думалъ. По чему самой совѣстной зритель не видѣлъ въ томъ ничего безбожнаго и блазнительнаго, и не подозрѣвалъ Стихотворца въ беззаконномъ намѣреніи здѣлать шутку изъ Боговъ.

Напротивъ того Сократъ вооружаясь противъ утвержденнаго въ государствѣ закона, опровергая наслѣдное и отеческое богопочтеніе со всѣми его торжествами, обрядами, таинствами; возмущая всѣ принятыя и усилившіяся предразсужденія, казался явнымъ безбожникомъ. И такъ народъ раздраженной столь беззаконною неразсудностію, которая возставала противъ всего того, что онъ почиталъ Святѣйшимъ, вмѣнилъ за долгъ употребить весь жаръ своей ревности къ отмщенію за свой законъ. Ибо неотмѣнно надобенъ какой нибудь законъ человѣку. Онъ не можетъ безъ него обойтись. Основанія его такъ глубоко начертаны въ сердцѣ, что нельзя его уничтожить. Но онъ хочетъ, чтобъ онъ былъ не строгъ, потачливъ, снисходителенъ; и чтобъ вмѣсто того,

чтобъ стѣснять и порочить его природныя склонности, онъ напротивъ того извинялъ и подтверждалъ оныя. Такойто законъ Аѳиняне любили; съ сими то цвѣтами его имъ представляя Аристофанъ привлекалъ ихъ рукоплесканія и похвалы.

Тажъ самая причина вдохнула Римлянамъ много снисхожденія къ ѳеатру, и понудила еще ихъ посвятить нѣкоторымъ образомъ своевольство, которое онъ принималъ противъ Боговъ, вводя его въ обряды закона, къ которымъ принадлежали Сценическія игры; хотя въ протчемъ строгость правителей не упустила хранить въ безопасности честь гражданъ отъ стрѣлъ Сатиры. Въ самомъ дѣлѣ сіи игры не унижали Боговъ въ разумѣ народа, которой пріобыкъ отъ своей юности чтить ихъ со страстьми на ѳеатрѣ имъ приписываемыми, и которой чрезъ такія насмѣшки не терялъ ни мало своего обыкновеннаго къ нимъ почтенія: вмѣсто того что Сатиры безславили точно великихъ мужей республики въ разумѣ народа Римскаго; и уменьшая почтительное объ нихъ мнѣніе Публики, онѣ ихъ дѣлали меньше полезными къ государственной службѣ и къ командированію.

Святый Августинъ укоряетъ Римлянъ съ неменшею силою какъ и остроуміемъ въ такой вздорной поступкѣ. Какъ! говоритъ онъ обращаясь къ Сципіону, котораго

Lib. 2. de Civ. Dei cap. 12.

тораго онъ привелъ нѣкоторыя слова о сей матерїи, вы считаете изряднымъ запрещенїе учиненное подъ смертною казнїю Стихотворцамъ, чтобъ они не нападали ни на кого изъ Римлянъ тогда, какъ имъ оставляется полная свобода угрызать Боговъ? Такъ вашъ Сенатъ вамъ любезнѣе, нежели Капитоль? Вы предпочитаете Римъ небу, и вашу честь Божеской? Вы связываете языкъ Стихотворцовъ, когда дѣло доходитъ до осмѣянїя вашихъ граждан; а между тѣмъ вы имъ позволяете ругать Боговъ при вашихъ глазахъ и въ вашемъ присутствїи такъ, что ни Сенатъ, ни Ценсоръ, ни Первосвященникъ не споритъ противъ такого своевольства? Вы находите ето несноснымъ, чтобъ Плавтъ или Невїй отважился говорить что ни будь худое о Сципїонахъ или о Каторѣ, а терпите вашего Терентїя, которой безопасно поноситъ честь Юпитера дѣлая его Учителемъ и наставникомъ молодыхъ людей въ беззаконїи?

Ibid. cap. 13. Святый Августинъ въ томъ же мѣстѣ уличаетъ Римлянъ въ другомъ противорѣчїи неменьше смѣшномъ и неменьше несмысленномъ. Тѣ, кои представляли въ Сценическихъ играхъ ѳеатральныя Пїесы, объявлены были безчестными людьми, и подъ симъ званїемъ сочтены недостойными имѣть никакова чину въ республи-

спубликѣ, и изгнаны со стыдомъ изъ ихъ статьи, что было самымъ поноснымъ наказанiемъ изъ всѣхъ тѣхъ, кои Ценсоры налагали на гражданъ.

Надлежитъ примѣчать, что сiи сценическiя игры установлены были у Римлянъ по совѣту и приказанiю Боговъ самихъ, и составляли часть священнаго почитанiя, которое имъ оказывано было. Такъ какимъ образомъ, говоритъ имъ святый Августинъ, можно наказывать актера, которой есть служителемъ сего богопочитанiя? По какому праву объявляютъ безчестными тѣхъ, кои представляютъ сiи ѳеатральныя пiесы въ то время, какъ обожаютъ тѣхъ, кои требуютъ оныхъ? Но съ какимъ опять вздоромъ подвергаютъ безславiю представлятелей сихъ пiесъ, а Стихотворцовъ, кои суть оныхъ сочинители, осыпаютъ честьми и похвалами? Макробiй намъ сохранилъ нѣкоторую частицу преизрядныхъ стиховъ, въ которой Стихотворецъ Лаберiй сочинитель Мимическихъ пiесъ, сдѣлавшiйся кавалеромъ Римскимъ, и принужденный отъ Юлiя Кесаря, не смотря на все его сопротивленiе, показаться на ѳеатрѣ, изъясняетъ свое справедливое болѣзнованiе о томъ, что онъ обезчестилъ себя на вѣки подлымъ угожденiемъ Государю. Ето было предисловiе комедiи, которую онъ представ-

Ibid. 2. cap. 14.

ставлялъ. Я счелъ за долгъ помѣстить здѣсь оное во всей цѣлости.

PROLOGUS LABERII MIMI.

Necessitas, cuius cursus transversi impetum
Voluerunt multi effugere, pauci potuerunt,
Quo me detrusit penè extremis sensibus?
Quem nulla ambitio, nulla unquam largitio,
Nullus timor, vis nulla, nulla avtoritas
Movere potuit in iuventa de statu;
Ecce in senecta ut facilè labefecit loco
Viri excellentis mente clemente edita
Submissa placidè blandiloqvens oratio!
Etenim ipsi Dî negare cui nihil potuerunt,
Hominem me denegare quis posset pati?
Ergo bis tricenis annis actis sine nota,
Eques Romanus è lare egressus meo,
Domum revertar mimus. Nimirum hoc die
Uno plus vixi mihi, quâm vivendum fuit.
Fortuna immoderata in bono æquè atque in malo,
Si tibi erat libitum litterarum làvdibus
Floris cacumen nostræ famæ frangere:
Cur, cùm vigebam membris præviridantibus,
Satisfacere populo et tali cum poteram viro,
Nonflexibilem me concurvasti, ut carperes?
Nunc me quò deiicis? Quid ad seenam affero?
Decorem formæ, an dignitatem corporis,
Animi virtutem, an vocis jucundæ sonum?
Ut hedera serpens vires arboreas necat,
Ita me vetustas amplexu annorum enecat,
Sepulcri similis, nihil nisi nomen retineo.

Macrob. Saturn. l. 2. c. 7.

Чрез-

Чрезвычайная тонкость сей Латинской Пiесы, которой не можно изобразить на иностранномъ языкѣ, съ начала воспретила мнѣ переводить ее по Французски. Въ послѣдовавшееж время я принялъ отважность, и счелъ себя обязаннымъ предложить на удачу переводъ оныя для такихъ особъ, кои не разумѣютъ Латыни. Но дабы учинить его меньше недостаточнымъ, я его сообщилъ многимъ друзьямъ равно искуснымъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ, которые мнѣ вспомоществовали своими совѣтами; однакожъ я чувствую, сколько онъ отдаленъ еще отъ красоты подлиннаго текста.

Переводъ предисловiя Лаберiя Комическаго Стихотворца.

Къ чему привела меня подъ конецъ почти дней моихъ жестокая необходимость, которая опровергаетъ наши намѣренiя, и которой столь многiе смертные хотѣли, но столь немногiе могли избѣжать сильныхъ и нечаянныхъ ударовъ? Я, которой въ самомъ цвѣтѣ возраста крѣпился противъ всякаго происку, щедроты, страху, насилiя, власти, напослѣдокъ въ старости мгновенно поколебанъ сталъ прiятными ласканiями сего великаго человѣка, которой столь милостивъ для меня, и которой благоволилъ ко мнѣ прибѣгнуть съ унизительною и не-

неотступною прозьбою. И ежели самые Боги ни въ чемъ ему отказать немогли, то сносно либъ было, чтобъ я будучи не иное что, какъ простой человѣкъ, отважился ему сдѣлать отказъ въ чемъ нибудь? И такъ надлежитъ, чтобъ проживъ безпорочно до шестидесяти лѣтъ, по выходѣ изъ дому Римскимъ каваларомъ я возвратился въ него комедіантомъ. Ахъ! я прожилъ лишной одинъ день. О фортуна, чрезмѣрная какъ во благѣ, такъ и злѣ, ежели ты вознамѣрилась повредить мою честь, и похитить безчеловѣчно у меня славу, которую я пріобрѣлъ себѣ чрезъ науки, то для чего ты не вывела меня на ѳеатръ тогда, какъ я могъ вступить съ меньшимъ стыдомъ, и какъ бодрость возраста приводила меня въ состояніе нравиться народу и Кесарю? А теперь съ чемъ я появлюсь на ѳеатрѣ? Съ хорошимъ ли видомъ тѣла? Съ выгоднымъ ли станомъ? Съ живостію ли дѣйствія? Съ пріятностію ли голоса? Нѣтъ ничего того. Какъ Гедера обвиваясь около дерева, нечувствительно изсушаетъ и истощеваетъ оное: такъ старость обременяя меня лѣтами дѣлаетъ безъ силъ и безъ жизни. Подобенъ будучи гробницѣ я ничего кромѣ своего имени не сохраняю.

Можетъ либыть

§. III Изъ всего мною теперь сказаннаго выходитъ сильное противуположеніе

нїе противъ чтенїя Стихотворцовъ язычническихъ, кое требуетъ нѣкотораго изъясненїя. позволено чтенїе Стихотворцовъ язычническихъ въ Христїанскихъ школахъ.

Платонъ, сей столь мудрой и благоразсудительной Философъ, высылаетъ изъ своей республики Стихотворцовъ, и не думаетъ, чтобъ надлежало давать ихъ въ руки молодыхъ людей, развѣ тогда какъ возмутся надлежащїя предосторожности для удаленїя отъ нихъ всякихъ опасностей. Цицеронъ явно похваляетъ его поступку, и предполагая, такъ какъ онъ, что Поэзїя не къ другому чему способствуетъ, какъ къ развращенїю нравовъ, къ приведенїю въ слабость умовъ, и къ укрѣпленїю ложныхъ предразсужденїй, кои суть послѣдствїемъ худаго воспитанїя и худыхъ примѣровъ, онъ дивится тому, что наставленїе дѣтей ею начинается, и что сему ученїю даютъ имя свободныхъ Наукъ, и благороднаго воспитанїя. Tusc. Quæst. Lib II. n. 37.

Но то, что говоритъ святый Августинъ противъ басенъ Стихотворческихъ, долженствуетъ еще болѣе приводить насъ въ трепетъ. Онъ взираетъ на обыкновенїе, которое имѣли толковать ихъ въ школахъ Христїанскихъ, такъ какъ на сильное рѣки стремленїе, которому никто не сопротивлялся, и которое влекло молодыхъ людей въ пропасть вѣчной погибели. По предложенїи нѣкоего Lib. I. Conf. cap. 16.

мѣста изъ Терентїя, въ которомъ одинъ юноша ободряется къ беззаконїю и нечистотѣ примѣромъ Юпитера, онъ жалуется, что подъ тѣмъ видомъ, чтобъ изострить ему разумъ, и обучить его Латинскому языку, занимали его столь гнусными баснями, или паче сказать, столь безумными грѣзами, *inquibus a me deliramentis atterebatur ingenium*: и заключаетъ, что такїя нечистоты не больше были способны, какъ другое что нибудь, научить его Латинскимъ словамъ, а сїи слова весьма способствовали къ тому, чтобъ заставить его любить такїя нечистоты.

Къ Еписк. Дидїер. IX. писм. 48. Григорїй Папа изъясняется съ неменьшею силою въ письмѣ, которое онъ написалъ къ одному Епископу, чтобъ ему учинить выговоръ за то, что онъ обучалъ юношество язычническимъ Стихотворцамъ: „Одни уста, говоритъ онъ „ему, не могутъ произносить похвалъ „Юпитера и Iисуса Христа; и ето весьма странно, что Епископъ воспѣваетъ „то, что непристойно и свѣтскому „благочестивому человѣку„.

И такъ чтенїе Стихотворцовъ опороченное столь единодушно св. отцами, да и самыми язычниками, можетъ ли быть позволено въ Христїанскихъ школахъ?

Надле-

Надлежитъ признаться, что сіи свидѣтельства очень сильны, и могутъ устрашить учителя, которому свое и повѣреннаго ему юношества спасеніе есть столь дорого, какъ оно быть долженствуетъ. Но дабы не преступить мѣры въ столь важной матеріи, надобно, какъ примѣчаетъ О. Ѳомасенъ въ сочиненіи, въ которомъ онъ разбираетъ сей вопросъ до точности, надобно, говорю, отдѣлять Поэзію и чтеніе Стихотворцовъ отъ злоупотребленія, которое можетъ быть въ той и въ другомъ. Ибо сіе только одно злоупотребленіе предосудительно, и въ самомъ дѣлѣ опорочено было тѣми, о коихъ я сказалъ.

Способъ къ Христіанскому чтенію Стихотворцовъ.

Дабы остановиться только на послѣднихъ, то есть, на святыхъ Отцахъ, которыхъ важность долженствуетъ у насъ быть сильнѣе; постоянное обыкновеніе читать языческихъ Стихотворцовъ въ школахъ Христіанскихъ, о которомъ они и сами свидѣтельствуютъ, яснымъ есть доказательствомъ, что оно не было сочтено за худое въ себѣ самомъ. Можно ли думать, чтобъ столь многіе отцы просвѣщенные въ законѣ, и столь многія благочестивыя и исполненныя страха Божія матери при глазахъ, и безъ сумнѣнія по совѣту Епископовъ, кои управляли тогда церьковью, согласились, чтобъ ихъ дѣтямъ предподаваемы были такія ученія, которыя опорочены

Христїанскимъ закономъ? Церьковная исторїя намъ объявляетъ, что мать св. Фулгентїя, почтенная для великаго благочестїя, хотѣла, чтобъ ея сынъ выучилъ наизусть всего Омира, и нѣкоторую часть Менандра прежде нежели онъ выучилъ первыя основанїя Латинскаго языка.

Весь свѣтъ знаетъ отмѣнное прилѣжанїе, которое св. Василїй и Григорїй Назїанзенъ за долгое время до Фулгентїя употребили къ чтенїю язычническихъ Писателей, а особливо Стихотворцовъ. Сїи два великїе святые могутъ быть представлены молодымъ людямъ яко совершенной образецъ какъ того, какимъ образомъ они долженствуютъ углубляться въ чтенїе язычническихъ Писателей, такъ и того, что они должны наблюдать въ ихъ ученїяхъ. Исторїя увѣдомляетъ объ нихъ, что они знали двѣ только дороги, изъ коихъ одна провожала къ церькви, а другая къ школамъ. Въ столь развратномъ городѣ, какъ были тогда Аѳины, и въ среди юношества преданнаго во всякїе безпорядки, они умѣли сохранить невинность и чистоту ихъ нравовъ, подобясь симъ рѣкамъ, которыя отъ смѣшенїя водъ морскихъ не теряютъ своей сладости. Кто хоть мало читалъ ихъ сочиненїя, вѣдаетъ, сколь они освящали чтенїе Стихотворцовъ благочестивымъ онаго употребленїемъ.

Хри-

Христіанской законъ столь сильно и разумно защищенной святымъ Августиномъ въ удивительномъ его сочиненіи *о градѣ Божіемъ*, можетъ ли имѣть причину жаловаться на язычническія ученія, въ которыхъ сей великой мужъ упражнялся во время его юности, и которыя подали ему противъ язычниковъ, и противъ всѣхъ непріятелей Христіанства непобѣдимое оружіе, которое церьковь употребила противъ ихъ столь удачно во всѣхъ вѣкахъ?

Можетъ статься надлежало бы желать, чтобъ тѣжъ самыя развалины, которыя сокрыли идолопоклонство, пожрали такъ же и похитили навсегда изъ виду сіи нагубные знаки, и сіи нечистые остатки язычничества, которые столь сильны къ зараженію и развращенію разумовъ. Но божественное провидѣніе оставило ихъ по истребленіи идолопоклонства безъ сумнѣнія съ тѣмъ, чтобъ они въ послѣдующія вѣки были свидѣтелями противъ ужасныхъ нечистотъ и чрезмѣрностей, которыя законъ язычнической не только терпѣлъ, но еще повелѣвалъ и посвящалъ примѣромъ Боговъ.

Юліанъ богоотступникъ понялъ совершенно, сколь смертелбную рану чтеніе язычническихъ Писателей наносило его суевѣріямъ, когда онъ запретилъ Христіанамъ обучать свободныхъ наукъ. Отвращеніе, которое всѣ святые Епи-

 скопы,

скопы, и святый Августинъ между прочими, свидѣтельствовали отъ сего нечестиваго указу, долженствуетъ служить краснорѣчивымъ защищенїемъ чтенія Стихотворцовъ язычническихъ. Нужда требовала тогда на мѣсто ихъ сочиненій ввести Христїанскїя поэзїи. Самые остроумнѣйшие мужи, а особливо св. Григорій Назїанзенъ, прославили свою ревность и ученость сочиняя различныя пїесы во всякомъ родѣ Поэзїи въ подражанїе Омиру, Пиндару, Еврипиду, Менандру и другимъ. Но когда миръ и вольность возвращены были Церькви, то одинъ изъ первыхъ плодовъ, кои отъ того произошли, былъ сей, что начали по прежнему читать въ Христїанскихъ школахъ Стихотворцовъ язычническихъ: и читали безъ сумнѣнїя болѣе, нежели когда нибудь, только по Христїанскому обыкновенїю.

А каково есть сїе Христїанское обыкновенїе, то можно видѣть въ краткой, но превосходной книжкѣ, которую св. Василій сочинилъ о сей матерїи въ пользу нѣкоторыхъ молодыхъ людей, кои были ему сродственники, и читали язычническихъ Писателей такъ какъ ихъ читаютъ еще и нынѣ въ коллегїяхъ.

Сей ученой Епископъ, великое свѣтило Греческой Церькви, начинаетъ положенїемъ сего основанїя: что имѣя счастїе быть Христїанами, и съ симъ названїемъ

званїемъ опредѣлены будучи къ жизни вѣчной, мы не должны ничего другаго высоко цѣнить, и искать, какъ только то, что намъ можетъ быть полезно для другой жизни. Онъ признается, что, собственно говоря, одни только святыя книги могутъ насъ привести къ оной: но присовокупляетъ, что во ожиданїи того, какъ зрѣлость возраста приведетъ насъ въ состоянїе учить основательно, и исправно разумѣть Божественное Писанїе, мы можемъ упражняться въ другихъ чтенїяхъ, которыя отъ онаго не совсемъ отдалены, подобно какъ имѣютъ обыкновенїе прїуготовляться къ истиннымъ сраженїямъ чрезъ такїя екзерцицїи, которыя имѣютъ къ нимъ нѣкоторое отношенїе.

Мнѣнїя разсыпанныя въ Писателяхъ языческихъ какъ чрезъ ихъ сходствїе, такъ и несогласїе, могутъ насъ расположить ко мнѣнїямъ Писанїя. Состоянїе души подобно есть состоянїю какова нибудь древа, которое имѣетъ не только плоды, но и листья, кои ему служатъ украшенїемъ. Плодъ души есть истинна. Свѣтское знанїе бываетъ вмѣсто листьевъ, которыя служатъ къ прикрытїю и украшенїю сего плода. Данїилъ обучился всѣмъ наукамъ и знанїямъ, которыя были у Халдеевъ, показывая чрезъ то, что сїе ученїе не недостойно было чадъ Божїихъ и Пророковъ, а иначе бы

 онъ

онъ воздержался отъ онаго такъ какъ и отъ кушанья принесеннаго ему съ Царскаго стола. За долгое до него время Моисей перенялъ науки и знанія Египетскія.

Св. Василій особливо показываетъ, сколько чтеніе Стихотворцовъ можетъ способствовать къ управленію нравовъ. Онъ велитъ примѣчать, что сіи прекрасные стихи Исіода столь извѣстные, и столь высоко цѣнимые, въ которыхъ онъ представляетъ путь порока такимъ, которой усланъ цвѣтами, исполненъ пріятностьми, открытъ всему свѣту; напротивъ же того путь добродѣтели колкимъ, труднымъ, прерывистымъ, суть изряднымъ для молодыхъ людей наставленіемъ, которое ихъ научаетъ не устрашаться и не избѣгать трудовъ и неудобностей, которыя окружаютъ обыкновенно добродѣтель. Онъ упоминаетъ послѣ сего объ Омирѣ, и говоритъ, что одинъ искусной и много упражнявшійся въ чтеніи сего Стихотворца человѣкъ ему показалъ, что онъ исполненъ былъ превосходными изрѣченіями, и что его поэмы долженствовали считаться безпрерывною похвалою добродѣтели. Онъ приводитъ изъ него многія изрядныя мѣста.

По чему какъ пчелы умѣютъ собирать медъ съ такихъ цвѣтовъ, которые кажутся не къ иному чему способны,

какъ

какъ чтобъ льстить взору и обонянїю, такъ мы найдемъ, чемъ питать свои души въ сихъ языческихъ книгахъ, въ коихъ другїе ищутъ только утѣхи и прїятности. Но, присовокупляетъ сей Отецъ, продолжая тожъ сравненїе, пчелы не на всякихъ цвѣтахъ останавливаются. Да и изъ тѣхъ самыхъ, къ которымъ прилѣпляются, онѣ извлекаютъ только то, что имъ потребно для составленїя ихъ драгоцѣнной влажности. Постараемся имъ подражать, и какъ собирая розы обыкновенно убѣгаютъ отъ тернїя, мы возмемъ у языческихъ Писателей то, что сыщется у нихъ полезнаго, не касаясь того, что они имѣютъ пагубнаго.

Вотъ наше правило и образецъ; вотъ средство освящать чтенїе Стихотворцовъ. Да и какъ мы можемъ отъ оныхъ удаляться, когда и самые язычники подаютъ намъ такїежъ примѣры? Пристойно либъ ето было, естлибъ мы въ разсужденїи сего пункта имѣли меньше разборчивости, нежели они? Квинтилїанъ, какъ я уже сїе примѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, хочетъ, чтобъ дѣлали выборъ не только въ Писателяхъ, но и въ мѣстахъ, которыя можно читать изъ выбранныхъ Писателей; и объявляетъ, что есть такїя частицы въ Горацїѣ, которыябъ весьма непристойно было толковать

Lib. I. cap. 8.

вать

De Legibus. Lib. 7. вать молодымъ людямъ. Платонъ, о которомъ мы столь многократно упоминали, предписываетъ тотъ же законъ. Онъ хочетъ, чтобъ сохранили поэмы неимѣющія ничего противнаго добрымъ нравамъ, отвергнули совсемъ негодныя, поправили тѣ, кои могутъ принять перемѣну; и ввѣряетъ сїе попеченїе такимъ особамъ, которыя имѣютъ зрѣлой возрастъ, совершенное искуство, и извѣстное добронравїе. Публика обязана благодарить тѣхъ, которые въ наши времена подали способъ читать и толковать въ коллегїяхъ всѣхъ почти Стихотворцовъ.

Позволительно ли Христїанскимъ Стихотворцамъ употреблять въ ихъ поэзїяхъ имена боже тв. языческихъ?

§. IV. Съ самаго начала я признаюсь, что при семъ вопросѣ я имѣю причину опасаться, дабы ето не показалось нѣкоторою безразсудностїю, что я хочу безпокоить Христїанскихъ Стихотворцовъ отнятїемъ власти, которую они имѣютъ употреблять въ ихъ Поэмахъ имена Боговъ языческихъ; тѣмъ наипаче, что сїе обыкновенїе есть очень древнее, и что ему слѣдовали такїя особы, которыя своимъ достоинствомъ, или еще и благочестїемъ заслужили почтенїе. Однакожъ я прошу читателя, чтобъ онъ не воспретилъ мнѣ считать сїе обыкновенїе такимъ, которое не дѣлаетъ закона, и чтобъ позволилъ изыскать онаго начало, свѣсить причины, и разсмотрѣть послѣдствїя; затѣмъ что могутъ быть погрѣшности очень древнїя, которыя чрезъ то не дѣлаются

до

достойнѣйшими принятія, и что подъ видомъ долговременнаго предзавладѣнія не отнимается ничего у истинны, которой права суть вѣчны. Въ протчемъ я не первой стою противъ сего злоупотребленія; во всѣ времена сопротивлялись сей мнимой власти, яко неимѣющей основанія и законнаго права, чего довольно къ уничтоженію предзавладѣнія.

Поэзія такая, какъ я здѣсь ее предполагаю, перешла въ Христіанство отъ язычниковъ. Они только одни предписали на оную правила, и сообщили образцы. Понятіе, которое объ ней имѣли, пріобрѣталось не иначе, какъ чрезъ чтеніе Стихотворцовъ Греческихъ и Латинскихъ. Ихъ единственно учили и списывали. Всѣ ихъ изобрѣтенія, и всѣ почти выраженія касались необходимо до ложныхъ Боговъ. Ежели отнять у нихъ Юпитера, Марса, Бакха, Венеру, Аполлона, Музы, то отнимется у нихъ то, что составляло основаніе ихъ какъ Поэзіи, такъ и Богословіи. Не могло ли сего случиться, чтобъ особы, можетъ статься не очень разборчивыя и строгія въ разсужденіи закону, прельщены и ослѣплены будучи красотами язычнической Поэзіи, и воспитаны симъ пріятнымъ чтеніемъ отъ самаго ихъ младенчества переняли нечувствительно и самую ея рѣчь, не разсуждая о томъ, пристойна ли она имъ; и чтобъ сіе обыкновеніе, такъ

какъ

какъ премногія другія, принято будучи со столь же малымъ разсужденіемъ, и утвердясь мало по малу чрезъ продолженіе времени сдѣлалось столь общимъ, какъ мы его видимъ? И такъ надлежитъ, чтобъ мнѣ позволено было разсмотрѣть, основывается ли оно на разумѣ.

Самое простое просвѣщеніе здраваго разума научаетъ насъ, что тотъ, которой говоритъ, долженствуетъ имѣть чистое понятіе о томъ, что онъ хочетъ сказать и что онъ долженъ употреблять такія слова, которыябъ производили въ разумѣ слушателей свѣтлое воображеніе о томъ, что происходитъ въ его душѣ. Ето есть первое намѣреніе рѣчи, и конецъ ея установленія. Ето есть нужнѣйшій союзъ общества и сожитія. Согласіе всѣхъ людей, да и самая натура насъ научаетъ, что ето есть единое законное употребленіе слова. Слушатель имѣетъ право сего требовать; и ежели кто обманываетъ его ожиданіе не сообщая ему ничего болѣе какъ пустые звуки, и слова лишенныя смыслу, то онъ дѣлаетъ себя недостойнымъ того, чтобъ его слушали.

Я прошу Стихотворца, которой на примѣръ въ описаніи погоды призываетъ Нептуна и Еола, сказать намъ, что такое происходитъ въ его умѣ тогда, какъ онъ произноситъ имена сихъ Боговъ языческихъ. Что онъ думаетъ самъ, и что хочетъ, чтобъ другіе объ оныхъ

думали?

думали? Какое есть означенїе собственное, которое онъ съ ними соединяетъ, и которое по немъ слушающїе соединять будутъ? Видитъ ли онъ подъ сими названїями что нибудь вещественнаго и дѣйствительнаго?

Язычники, обращаясь во время погоды къ Нептуну и Еолу, разумѣли чрезъ сїи имена существа истинныя, достойныя моленїя и упованїя, вникающїя въ крики бѣдныхъ людей, и чувствительныя къ ихъ мученїямъ, выслушивающїя ихъ молитвы, принимающїя обѣты, употребляющїя совершенную власть надъ стихїями, которыя имъ повиновались, и довольно сильныя къ разогнанїю бури, и къ освобожденїю отъ опасности.

Но Христїанской Стихотворецъ, которой въ погоду призываетъ сихъ мнимыхъ Боговъ моря и вѣтровъ, думаетъ ли, что онъ говоритъ къ кому нибудь? Надѣется ли, что онъ отъ нихъ будетъ услышанъ, и хочетъ ли въ семъ другихъ увѣрить? Нептунъ и Еолъ значатъ ли у него что нибудь вещественнаго? Воображаетъ ли онъ, что они имѣютъ, или когда нибудь имѣли бытїе? Кто не чувствуетъ, что нѣтъ ничего вздорнѣе, смѣшнѣе, и несмысленнѣе, какъ обращать рѣчь свою страстнымъ голосомъ къ именамъ, кои суть безъ силы и вещественности, и собирать въ великолѣпныхъ стихахъ жарчайшїя фигуры, чтобъ упросить

росить чистое Ничто, дабы оно помогло намъ? Когда кто любитъ такимъ образомъ говорить на вѣтеръ, то заслуживаетъ ли онъ вниманіе важнаго человѣка?

Что такъ же думаетъ, и что хочетъ сообщить Стихотворецъ, которой въ полномъ разсудкѣ обращается къ Аполлону и къ Музамъ съ молитвою, чтобъ они ему учинили вдохновеніе, и которой благодаритъ Цересу, Бакха, Помону за то, что они дали людямъ изобильную жатву; полное собраніе винограда, годъ плодами обогащенной? Я не подозрѣваю, чтобъ оной Стихотворецъ разумѣлъ чрезъ сіи имена то, что язычники разумѣли. Етобъ было нечестіе и богоотступничество. Ибо, какъ говоритъ св. Павелъ послѣ Давыда, всѣ язычническіе Боги были демоны: *omnes dii gentium dæmonia.* Етобъ не иное что значило, какъ провождать людей къ невѣрію простирающему инуды свои обѣты, желанія, надежду, и благодарность, дѣлать ихъ настоящими идолослужителями, и научать, чтобъ они поставляли на мѣсто Бога другіе предмѣты, которыебъ отправляли его должность, подавая то, чего не можно получить какъ только отъ него, и кототорыебъ похищали у него славу всѣхъ его дѣлъ, и всѣхъ благодѣяній.

То, что самаго основательнаго Стихотворецъ отвѣчать можетъ, есть то,

что

что чрезъ сїи имена Боговъ, коихъ онъ призываетъ, или благодаритъ, онъ разумѣетъ различныя свойства Бога верьховнаго, Бога истиннаго. Но значитъ ли ето почитать его, чтобъ давать ему имена явнѣйшихъ его непрїятелей, кои столь долгое время спорились съ нимъ о Божествѣ, и кои еще и теперь заставляютъ приписывать себѣ титулы, и оказывать почести ему только принадлежащїя? Не боится ли кто раздражать такимъ непочтенїемъ того, которой столь часто называется въ Писанїи *Богъ ревности и отмщенїя*? Не есть ли ето уничтожать, по крайней мѣрѣ на словахъ, плодъ побѣды I. Христа, которой лишилъ демона всего того, что онъ неправедно себѣ присвоилъ? Не есть ли ето возвращать ему нѣкоторымъ образомъ всѣ части его владѣнїя, поставляя его въ небесныхъ свѣтилахъ, въ стихїяхъ, во всей натурѣ; дѣлая его установителемъ мира и войны, окончанїя сраженїй, жребїя государствъ и частныхъ людей; и считая его подателемъ всѣхъ даровъ естественныхъ, которыхъ онъ приказывалъ нѣкогда просить у него идолопоклонникамъ, и за которыя заставлялъ ихъ приносить ему благодаренїе?

Писанїе (а) насъ увѣдомляетъ, что одно слово не очень почтительное къ верь-

(а) *И прїиде человѣкъ Божїй, и рече къ Царю Израилеву: сице глаголетъ Господь, понеже рече Сирїя: Богъ горъ, Господь Богъ Израилевъ, и не Богъ*

верьховному величеству истиннаго Бога вышедшее изъ устъ язычниковъ, кои его не вѣдали, было наказано кровопролитнымъ разбитїемъ цѣлаго народа. Думаетъ
Прем. I. 10. ли кто, чтобъ сїе столь чувствительное, столь ревностное ухо, которое все слышитъ, меньше уязвлялось нынѣ сими нечистыми и святотатными язычническихъ Боговъ именами, которыя Христїаны давать ему осмѣливаются? Похвалилъ ли бы святый Царь Давыдъ злоупотребленїе столь богопротивное, Давыдъ, которой все, что ни присвояло напрасно славу истиннаго Бога, столь въ великомъ имѣлъ омерзѣнїи, что онъ бы счелъ оскверненными свои уста, естлибъ онъ хотя выговорилъ только то, что было
Псал. XV. 14. ло предмѣтомъ идолослуженїя? *Ни помяну именъ ихъ устнама моима.*

Между сими двумя крайностьми, чтобъ разумѣть чрезъ оныя имена или ложныхъ Боговъ, или истиннаго Бога, есть нѣкая посредственность, которая подлинно не столь безбожна, но (да будетъ мнѣ позволено сїе сказать) совсемъ несмысленна и сумазбродна, когда, то есть, ничего не разумѣютъ. Разумъ и доброй смыслъ могутъ ли простить такую рѣчь, или паче сказать, столь негодное злоупотребленїе рѣчи? Въ протчемъ, когда всѣ

Юдолїи той, и дамъ силу великую сїю въ руку твою и уразумѣеши, яко азъ Господь. 3. Цар. XX. 28.

всѣ мастерства, всѣ художества, всѣ науки покоряются сему общему правилу, чтобъ употреблять для изъясненія своихъ мыслей не иныя какъ значительныя слова, то для чегобъ одна только Поэзія оному не слѣдовала, и похвалялась нынѣ особливою и новою привилегіею, чтобъ говорить не зная того, что она говоритъ?

Надобно чистосердечно въ томъ признаться, что многіе впадаютъ въ сію непристойность по той единственно причинѣ, что они никогда объ ней прилѣжно не размышляли. Они послѣдуютъ общему обыкновенію, которое находятъ утвержденнымъ, и не хотятъ ни изслѣдовать его начала, ни подозрѣвать въ немъ какое нибудь зло. Я признаюсь, что таково было прежде сего и мое расположеніе; и ежели мнѣ случилось иногда употребить въ стихахъ имя какова нибудь язычническаго Божества, то я учинилъ сіе въ подражаніе другимъ, которыхъ примѣръ былъ для меня закономъ, но не оправданіемъ.

Сіе упоминаніе язычническихъ Боговъ, которое дѣлаютъ Стихотворцы Христіанскіе, бываетъ еще безразсуднѣе и несноснѣе, когда они вводятся въ священныя матеріи, въ которыхъ говорятъ объ истинномъ Богѣ, благодарятъ его за благи подаемыя людямъ, или еще иногда

предлагаютъ о томъ, что Законъ имѣетъ самаго важнаго и достопочтеннаго.

Сколь ни пріятно чтеніе Стихотворческихъ сочиненій Санназара, однакожъ можно ли ему простить то, что онъ смѣшалъ священное и Свѣтское въ такой поэмѣ, въ которой рѣчь идетъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ нашихъ таинствъ; я говорю о воплощеніи Сына Божія? Сходно ли, говоря объ адѣ въ семъ случаѣ, оставлять владѣніе онаго Плутону, и давать ему въ сотоварищество Фурій, Гарпій, Цербера, Центавровъ, Горгонъ, и другія подобныя чудовища? Пристойно ли равнять острова Крету и Делосъ, изъ коихъ одинъ славенъ рожденіемъ Юпитера, а другой рожденіемъ дѣтей Латоны, съ городкомъ Виѳлеемомъ, которой служилъ колыбелью І. Христу? Но болѣе всего, можно ли терпѣть, чтобъ по призываніи истиннаго Бога, или по крайней мѣрѣ небесныхъ и блаженныхъ Духовъ, сей Стихотворецъ, дабы говорить достойнымъ образомъ о рожденіи, которое І. Христосъ принялъ отъ дѣвицы, просилъ помощи у Музъ, сихъ мнимыхъ дѣвицъ язычничества, якобы онѣ обязаны были стараться о чести Маріи такой же дѣвицы какъ и онѣ?

De partu Uirginis.

Virginei

Virginei partus magnoque aequaeva Parenti Lib. 1.
Progenies, superas caeli quae missa per auras
Antiquam generis labem mortalibus aegris
Abluit, obstructique viam patefecit Olympi,
Sit mihi, Caelicolae, primus labor: hoc mihi primum
Surgat opus. Vos auditas ab origine causas,
Et tanti seriem, si fas, evolvite facti.

Nec minus, o Musae, vatum decus, hic ego vestros
Optarim fontes, vestras nemora ardua rupes.
Quandoquidem genus e coelo deducitis, et vos
Virginitas sanctaeque iuvat reverentia famae.
Vos igitur, seu cura poli, seu Virginis huius
Tangit honos, monstrate viam, quâ nubila vincam,
Et mecum immensi portas recludite caeli.

Онъ признается въ послѣдствіи, что такія таинства вовсе неизвѣстны Музамъ и Фебу.

Nunc age, Castaliis quae nunquam audita sub antris, Lib. 2.
Musarum ve choris celebrata, aut cognita Phoebo,
Expediam.

Но возвращаясь немедлѣнно къ своему стихотворческому дурачеству, онъ отдаетъ опять имъ всю ихъ силу, признаетъ ихъ власть, и оказываетъ имъ новую преданность яко единымъ Божествамъ Стихотворцовъ.

Non, si Parnassia Musae.
Antra mihi, sacrosque aditus, atque aurea pandant Lib. 3.
Limina, sufficiam.

Хотя не всѣ люди имѣютъ сердце столь ревностное къ Закону, чтобъ имъ чувствительна была обида, которую причиняетъ такое злоупотребленіе истинному Богу, единому начальнику всѣхъ благъ и дарованій, и у котораго слѣдственно единаго разумъ такъ какъ и благочестіе, научаютъ насъ просить оныхъ; однакожъ они имѣютъ довольно здраваго разсужденія, чтобъ чувствовать внутренно смѣхъ столь вздорнаго совокупленія, и столь дикой смѣси священнаго со свѣтскимъ, и Христіанства съ язычничествомъ.

Съ недавняго времени мы видимъ здѣсь Аглинскую Поэму, надписанную *Потерянный Рай*, и переведенную на Французской языкъ искуснымъ человѣкомъ, въ которой такъ же читателямъ противно было подобное смѣшеніе священнаго со свѣтскимъ, тѣмъ наипаче, что предлагаемая въ ней матерія заключаетъ то, что есть самое святое и достопочтенное въ Законѣ. Это весьма жалко, что поэма столь въ протчемъ превосходная, и дѣлающая столько чести Аглинскому народу, обезображена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такимъ порокомъ, которой бы можно было безъ трудности исправить, не касаясь до самаго основанія Сочиненія, и чрезъ одно только отсѣченіе нѣсколькихъ сравненій ни мало несоединенныхъ съ матеріею. Всякой довольно чувствуетъ, что Писатель помѣ-

стилъ

стилъ оныя привлеченъ будучи усилившимся обыкновенiемъ и худымъ вкусомъ, которой овладѣлъ почти всѣми Стихотворцами; чтобъ употреблять въ ихъ сочиненiяхъ смѣшныя выдумки Басословiя, и оживлять языческiя Божества въ среди Христiанства, не взирая на смѣхъ, которой находится въ столь странномъ совокупленiи, и которой не меньше противенъ естественному разуму, какъ и закону. Впротчемъ хотя попадаются еще нѣкоторыя несовершенства въ оной Поэмѣ, какъ благоразумно сiе примѣтилъ одинъ Писатель, которой на оную здѣлалъ рѣшенiе и критику, однакожъ мнѣ кажется, что не безъ причины на нее взираютъ такъ какъ на верьховное произведенiе Стихотворческой науки, достойное равняться съ самыми совершенными и высокопочитаемыми Поэмами древности, по образцу которыхъ она составлена.

Славной Сантель де Сентъ Викторъ сдѣлалъ въ своей молодости защищенiе басенъ. Братъ его, духовной человѣкъ, исполненной благочестiя и достоинства отвѣтствовалъ на то изрядными и прекрасными стихами. Первой почувствовалъ довольно въ послѣдствiи, что разумъ ст..лъ со стороны его брата. *In novos fabularum accusatores juvenie scripsi carmen*, говоритъ онъ, *sed meus flater consultior hoc christiano nec minus Latino carmine me desipuisse hactenus monet.*

тонс. И такъ онъ счелъ себя обязаннымъ учинить публичной отзывъ, но по обыкновенїю Стихотворцовъ, и пожелалъ, чтобъ оный приложенъ былъ къ стихамъ, которые подали оному случай. *Ne impietati mihi adscribas, quod quaedam ex antiquorum superstitione homo christianus versibus meis insperserim, haec stili exercendi causâ lusi, quò aptior fierem ad ea scribendu, quae spectant ad Religionem. Hoc autem, candide lector, nolim te nescisse.*

Я не долженъ здѣсь умолчать укоренїй, которыя г. Боссюетъ, Епископъ Мелденской, учинилъ томужъ Сантелю за то, что онъ употребилъ имя Помоны въ одной пїэсѣ къ г. Кинтини, въ которой онъ говорилъ о садахъ Версальскихъ. Слова сего великаго человѣка, которой соединялъ съ глубокимъ почтенїемъ къ Закону тонкой вкусъ въ Свободныхъ Наукахъ, долженствуютъ быть, по моему мнѣнїю, великой важности въ предлагаемой мною матерїи. Помянутой Стихотворецъ сочинилъ стихи для оправданїя, или паче сказать, для извиненїя себя, и оканчиваетъ ихъ сею надписью; *me paeniteat errasse in uno vocabulo Latino, si displicuisse videar in me insurgenti tanto Episcopo, etiam absolventibus Musis.*

Но скажетъ кто нибудь, ежели запрещены будутъ вовсе имена Боговъ язычническихъ, и баснословные вымыслы, то чемъ учинится Поэзїя, а особливо къ чему приведена будетъ поэма Епическая пре-

прекраснѣйшая изъ всѣхъ поэмъ? Повѣствованіе въ ней долженствуетъ быть весьма слабо для скучной и противной одновидности; и надлежитъ или отказаться отъ сей поэмы, или она не инымъ чемъ будетъ отличаться отъ исторіи какъ стройностію рѣчи, такъ что не станутъ болѣе распознавать искуснаго Стихотворца отъ хорошаго риѳмосплетателя.

Удаляя сіе множество Боговъ, я нехочу, чтобъ запрещено было Стихотворцамъ то, что они называютъ *Баснею*, или распоряженіемъ поэмы. Чрезъ сіе всегда Стихотворецъ отличаться будетъ отъ Историка. Матерія, которую онъ предлагаетъ, не болѣе ему принадлежитъ, какъ и историку: это есть общее имъ добро, общее стяжаніе. Но Стихотворецъ оную себѣ присвояетъ, и дѣлается Стихотворцомъ не иначе, какъ располагая и собирая части сей матеріи хитрымъ и замысловатымъ нѣкоторымъ образомъ.

Онъ избираетъ сперва какое нибудь приключеніе, или дѣйствіе славное въ Исторіи, и сохраняетъ главнѣйшія онаго обстоятельства. Ежелибъ онъ перемѣнилъ или не въ своемъ мѣстѣ положилъ оныя, то бы возмутилъ разумныхъ читателей, которыхъ онъ долженъ почитать или бояться. По сіе мѣсто онъ терпитъ принужденіе, и порабощенъ бываетъ матеріи такъ какъ Историкъ. Но

послѣ сего онъ имѣетъ власть прибавлять новыя обстоятельства, наблюдая всегда совершеннѣйшее съ правдою сходствіе, которое служитъ поэзіи вмѣсто такъ называемаго въ живописи „втораго „истиннаго: котораго употребленіе со„стоитъ въ семъ, чтобъ дополнять во вся„кой матеріи то, что она не имѣла, но „могла имѣть, и что натура сообщила „нѣкоторымъ другимъ; и чтобъ соеди„нять такимъ образомъ то, что она всег„да почти раздѣляетъ. „По чему Стихотворецъ имѣетъ вольность располагать приключенія и состоянія, кои уважаютъ характеръ его Ироя, и тѣхъ, о которыхъ онъ говоритъ. Выключая баснословныхъ особъ, онъ не теряетъ ничего того, чему удивляются въ древнихъ. Все при немъ остается: любопытныя повѣсти, живыя описанія, превосходныя сравненія, трогающія рѣчи, новые вмѣты, нечаянныя приключенія, страсти живо изображенныя. Къ сему прибавить должно замысловатое распредѣленіе всѣхъ оныхъ частей. Вотъ красоты всѣхъ временъ, и всѣхъ законовъ, которыя соединены будучи со стройнымъ, чистымъ, и перемѣннымъ стихосложеніемъ всегда будутъ составлять совершенную поэму. Но отнесемъ это все къ простому основанію.

Письмо положенное въ курсѣ живописи г. Пиля. стран. 45.

Епи-

Епическая Поэзія, такъ какъ и другіе роды Поэзіи (*), предпринимаетъ дѣлать наставленіе и забаву. Всѣ правивила Поэзіи и всѣ старанія Стихотворца клонятся къ сему концу. А ето дѣлается не чрезъ пустые замыслы, ниже чрезъ негодныя выдумки, что онъ достигаетъ сей мѣты: но составляя сперва замысловатой планъ всего послѣдствія его дѣйствія; перенося своего читателя отъ самаго вступленія въ средину или къ концу почти матеріи; заставляя его думать, что онъ немедлѣнно увидитъ заключеніе дѣйствія; производя потомъ тысячу препятствій, которыя назадъ отвлекаютъ оное, и кои воспламеняютъ желаніе въ читателѣ; напоминая ему предшествовавшія приключенія чрезъ повѣсти благопристойно помѣщенныя; приводя напослѣдокъ произшествія со связьми и предуготовленіями, которыя возбуждаютъ любопытство читателя, склоняютъ помалу его сердце къ Ирою, содержатъ его въ пріятномъ нѣкоемъ безпокойствіи, и провождаютъ изъ удивленія въ удивленіе даже до самаго развязанія. Епическая Поема сочиненная такимъ вкусомъ моглабъ чрезвычайно понравиться, и никтобъ не сталъ о томъ жалѣть, что нѣтъ въ ней ни хитростей Венеры; ни змѣй, или яду Алекты.
Въ

(*) Et prodesse volunt, et delectare poëtæ *Horat.*

Въ протчемъ изъясняясь такимъ образомъ противъ стихотворческихъ и баснословныхъ вымысловъ я ни мало не хочу порочить нѣкоторыхъ фигуръ, чрезъ которыя приписывается чувствіе, голосъ, и самое дѣйствіе вещамъ неодушевленнымъ. Всегда будетъ позволено обращать рѣчь къ небесамъ и землѣ, призывать натуру къ хваленію ея начальника, давать крылья вѣтрамъ дѣлая ихъ вѣстниками Божіими, приписывать голосъ грому и небесамъ для проповѣдыванія его славы, представлять такъ какъ особъ добродѣтели и пороки. Никто не можетъ недоволенъ быть, когда слышитъ о какомъ нибудь завоевателѣ, что побѣда повсюды его провожаетъ, что страхъ предъ нимъ шествуетъ, что онъ влечетъ за собою опустошеніе и ужасъ. Сіи фигуры сколь ни отважны, однакожъ не болѣе противны суть истиннѣ, какъ метафора и иперволa; и я могу сказать здѣсь то, что Квинтиліанъ говоритъ о послѣдней: *monere satis est, mentiri hyperbolem; nec ita, ut mendacio fallere velit.* Въ самомъ дѣлѣ всѣ оныя фигуры, когда ихъ употребляютъ благоразумно, не дѣлаютъ никакого обольщенія разуму; онѣ не иное что суть какъ живые и величественные образы рѣченія, которые выражаютъ чувствительно и въ краткихъ словахъ то, чего не можнобъ было изъяснить безъ холодности чрезъ должайшее словъ сплетеніе.

Lib. 8. cap. 6.

Глава

ГЛАВА ВТОРАЯ

о *Поэзіи особенно.*

Наставленія, которыя надлежитъ подавать молодымъ людямъ о Поэзіи, касаются или до стихосложенія, или до чтенія и разуменія Стихотворцовъ, или до познанія правилъ и свойства различнаго роду Поэмъ.

§. I. Стихосложеніемъ называется искуство делать стихи. Чудное дело, сколь различенъ есть вкусъ различныхъ народовъ въ стихосложеніи. Что весьма пріятно въ одномъ языке, то противно и невкусно въ другомъ. Хорошія рифмы, напримеръ, которыя производятъ столь изрядное действіе въ нынешней Поэзіи, и которыя льстятъ столь пріятно уху во Французскомъ, Италіанскомъ, Испанскомъ, Немецкомъ языкахъ, несносны бываютъ въ стихахъ Греческихъ и Латинскихъ; такъ же мера стиховъ Греческихъ и Латинскихъ зависящая отъ (a) количества слоговъ не

1 Колико вкусъ народовъ есть различенъ въ разсужденіи стихосложенія.

(a) Количество *есть мера каждаго слога, и время проходящее въ его произношеніи, по которому иные называются короткими, иные долгими, иныежъ общими. Французской языкъ, правда, наблюдаетъ долготу и короткость гласныхъ въ произношеніи, и сіе различіе простирается иногда до того, что оно даетъ одному слову различное означеніе* Aveuglement, *существительное:* Aveuglément, *наречіе:* matin, mâtin. *Гласная* e *въ следующихъ словахъ*, leuere, éuêque repêchè de l'eau, reuêtez vous, *имеетъ три различны*

не имѣлаб никакой пріятности въ нынѣшней нашей Поэзіи.

Но и въ одномъ языкѣ заключаясь, сколь безмѣрное различіе стопъ, мѣръ, падений, стиховъ, находятъ въ Латинской Поэзіи? (а тожъ самое надлежитъ сказать и о Греческой) На сколь различные роды поэмъ она раздѣляется, изъ которыхъ каждая составляетъ особенное цѣлое, кое имѣетъ свои отмѣнныя правила и красоты, и кое часто заимствуетъ наибольшую пріятность отъ смѣшенія различныхъ стиховъ, приличествующаго только нѣкоторымъ матеріямъ; такъ что естлибъ кто похотѣлъ оное перенесть въ другое мѣсто, тобъ оно показалось тамъ странно, имѣлобъ видъ принужденной, и не говорилобъ болѣе своимъ природнымъ языкомъ? Стихъ екзаметръ имѣетъ нѣчто важное и величественное, но онъ дѣлается простѣе и маловажнѣе, когда къ нему присовокупляютъ стихъ пентаметръ. Алкаической, наипаче когда онъ подкрѣпляется двухъ различныхъ родовъ стихами, которые къ нему присово-

---

звука и количества, чему, я не знаю, могутъ ли Греческой и Латинской языки подать примѣръ. Изъ чего видно, что французской языкъ имѣетъ свое количество, хотя оно не всегда бываетъ столь ясно означено въ каждомъ слогѣ, какъ въ Греческомъ и Латинскомъ. Но сіе количество не употребляется во французской Поэзіи къ составленію различныхъ стопъ и мѣръ.

совокупляются, бываетъ исполненъ силы и величества: напротивъ того, Сафической стихъ нѣженъ только и плавенъ, и беретъ много пріятности отъ стиха Адоническаго, которой оканчиваетъ строфу. Разсматривая паденіе стиха Фалевка можно сказать, что онъ какъ будто нарочно сдѣланъ для шутокъ и увеселенія. Откуда происходитъ столь удивительная разность?

Я не могу думать, чтобъ случай установилъ различные роды стихосложенія. Сія разность основывается безъ сумнѣнія на самомъ естествѣ, которое вложивъ въ ухо живое чувствіе звуковъ заставляетъ также избирать различные роды мѣръ, паденій, и украшеній смотря по матеріямъ, о которыхъ говорятъ, и по страстямъ, кои хотятъ выразить.

Поэма Епическая, которая представляетъ великія дѣла Ироевъ, требуетъ важнаго и величественнаго стихосложенія. Она хочетъ такихъ стиховъ, которые бы шествовали величайшими шагами, имѣлибъ должайшую мѣру, былибъ безъ порывистыхъ и стремительныхъ движеній, и оканчивались бы благороднымъ паденіемъ подкрѣпляемымъ важностію Спондея.

Напротивъ того Оды и Пѣсни, кои состоятъ изъ однихъ чувствованій, и кои обыкновенно провожаемы бывали танцованіемъ

цованіемъ и звукомъ инструментовъ, требуютъ кратчайшихъ стиховъ; которыебъ шли съ прискокомъ, бросались такъ какъ стрѣлы, и своимъ скорымъ и быстрымъ ходомъ помогали живости восхищеній, которымъ духъ предается.

Какъ драмматическая Поэма не имѣетъ ни величественности Поэмы Епической, ни стремительности пѣсенъ и одъ, то ей болѣе всего приличествуетъ Ямбъ, которой сообщая стихамъ довольно стройности, чтобъ поднять ихъ выше общенародной рѣчи, оставляетъ однакожъ имъ простоту столь естественную, что они не несходны бываютъ съ обыкновенными разговорами дѣйствующихъ лицъ, которыя вводятся на θеатръ.

Нынѣшніе наши языки, чрезъ которые я разумѣю Францускои, Италіанской и Испанской, происходятъ безъ сумнѣнія изъ остатковъ Латинскаго языка, съ примѣшеніемъ Нѣмецкаго. Большая часть словъ происходитъ изъ Латинскаго языка: а сочиненіе, и вспомогательные глаголы, которые столько у насъ употребительны, взялись изъ Нѣмецкаго. Да изъ сегожъ, можетъ быть, языка вошли къ намъ и рифмы, и обыкновеніе размѣрять стихи не стопами состоящими изъ долгихъ и короткихъ слоговъ, какъ дѣлали Греки и Римляне, но числомъ слоговъ.

Въ поздные вѣки, въ кои полюбили риѳмы, хотѣли ихъ ввести въ Латинскую Поэзію; но ето было безуспѣшно. Риѳмы остались только въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ или прозахъ, кои находятся въ молитвенникахъ церьковныхъ, и кои подобны будучи стихамъ нынѣшнихъ языковъ имѣютъ мѣру зависящую просто отъ числа слоговъ безъ разбору долгихъ и короткихъ.

Одна вещь дѣлаетъ мнѣ сумнѣніе въ семъ различіи вкусовъ; а имянно, для чегобъ риѳма, которая столь сильно нравится въ одномъ языкѣ, была столь противна въ другомъ. Сіе различіе происходитъ ли только отъ привычки и употребленія, или оно основывается на самомъ естествѣ языковъ?

Французская Поэзія (а тожъ самое надлежитъ сказать и о всѣхъ нынѣшнихъ) не имѣетъ во все нѣжнаго и стройнаго различія стопъ, которое подаетъ Греческому и Латинскому стихосложенію свое число, мягкость, и пріятность; она принуждена бываетъ довольствоваться одновидныхъ подборомъ опредѣленнаго числа слоговъ равной мѣры для составленія своихъ стиховъ. И такъ, дабы достигнуть до своего намѣренія, которое состоитъ въ томъ, чтобъ польстить уху, надлежало ей искать другихъ пріятностей и прелестей, и вознаграждать протчіе ея недостатки исправностію, паде-

нїемъ, и богатствомъ риѳмъ, что составляетъ главную красоту Французскаго стихосложенїя.

Сколько требуется, чтобъ то, что должествуетъ нравиться, не казалось подъ нерадивыми внѣшностьми, но чтобъ было украшено пристойными нарядами, столько противно бываетъ очень явное старанїе подбирать излишнїе уборы. Отъ сего то можетъ быть естественнаго вкуса въ изрядствѣ риѳма, которая весьма прїятна во Французской Поэзїи, за тѣмъ что она въ ней нужна, кажется несносною въ Латинской, за тѣмъ что она тутъ излишна, и показывалабъ нѣчто принужденное и притворное.

Полезно ли умѣть сочинять стихи; и какъ надлежитъ наставлять дѣтей въ сей наукѣ.

Спрашиваютъ иногда, какую пользу приносить можетъ стихосложенїе въ большей части дѣлъ, къ которымъ юноши въ коллегїяхъ воспитываемые назначаются, и не моглолибъ время, которое полагается на сочиненїе стиховъ, употреблено быть на важнѣйшїя и полезнѣйшїя ученїя.

Хотя бы стихосложенїе не столь много служило, какъ оно служитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, къ сообщенїю церькви пѣсенъ, къ воспѣванїю похвалъ божественныхъ, къ прославленїю великихъ дѣлъ и добродѣтелей Государей, а иногда и къ облегченїю духа честною и разумною забавою; однакожъ по крайней мѣрѣ въ томъ согласятся, что оно необходимо нужно къ совершенному разу-

разумѣнію Стихотворцовъ, которыхъ красоты никогда по надлежащему чувствовать не будутъ, ежели чрезъ сочиненіе стиховъ не приобучили своихъ ушей къ числу и паденію, кои происходятъ отъ различнаго сорту стопъ и мѣръ употребляемыхъ въ разныхъ родахъ Поэзіи, изъ которыхъ каждой имѣетъ особливыя правила и пріятности. Въ протчемъ сіе ученіе можетъ послужить много молодымъ людямъ и къ самому краснорѣчію; возвышая ихъ духъ, заставляя ихъ думать высокимъ и благороднымъ образомъ, научая изображать предмѣты живѣйшими цвѣтами, подавая ихъ слогу болѣе изобилія, силы, различія, стройности, и пріятности.

Обыкновенно въ четвертомъ классѣ начинаютъ обучать молодыхъ людей Поэзіи. Для сего велятъ имъ сперва выучить правила о количествѣ. Что сіе ученіе крайне для ихъ нужно, доказываютъ многія, въ протчемъ весьма искусныя, особы, которыя за пренебреженіемъ онаго въ своемъ малолѣтствѣ произносятъ Латинскія слова такимъ образомъ, которой не дѣлаетъ имъ чести.

Можно учить сіи правила или на Францускомъ или на Латинскомъ языкѣ. Профессоры, которые употребляли съ начала первой способъ, научены будучи самымъ опытомъ признаются, что второй гораз-

 до

до выгоднѣе; и я безъ труда тому вѣрю. Ибо какъ сіе ученіе зависитъ почти единственно отъ памяти искуствомъ вспомоществуемой, то Латинскіе Депотеровы стихи удобнѣе выучаются и удерживаются въ умѣ. Можетъ статься и въ нихъ надобно дѣлать выборъ, удаляя безполезное и излишнее. Надлежитъ, чтобъ дѣти знали сіи правила такъ твердо, чтобъ могли отвѣчать въ количествѣ каждаго слога, и читать тотъ часъ правило наизусть либо на Латинскомъ, либо на Францускомъ языкѣ.

Матеріи задаемыя имъ для стиховъ долженствуютъ быть соразмѣрны ихъ слабости, и рости, такъ сказать, съ ними. Сперва они будутъ только перекладывать слова, по томъ прибавлять нѣсколько прилагательныхъ, и перемѣнять нѣкоторыя выраженія; въ послѣдствіи имъ велятъ помалу распространять мысли и описанія; наконецъ когда они болѣе усилятся, то сочинять будутъ сами отъ себя не большія піэсы, въ которыхъ все будетъ ихъ изобрѣтеніе. Во второмъ, и въ Риторическомъ классахъ, давали намъ часто выборныя мѣста изъ Францускихъ Стихотворцовъ переводить Латинскими стихами; и я довольно помню, что ученики были очень охотны къ такимъ матеріямъ, и успѣвали въ нихъ гораздо болѣе, нежели во всѣхъ другихъ.

При-

Причина тому извѣстна. Матерія сего роду сообщаетъ сама собою изрядныя мысли, подаетъ слогъ и духъ Стихотворческой, вдыхаетъ благородное возвышеніе. Нужда вся состоитъ въ томъ, чтобъ выбрать хорошія выраженія, и расположить ихъ пристойнымъ образомъ, чему чтеніе Стихотворцовъ удобно научаетъ.

Сіе такъ же не ненужно, чтобъ Профессоры диктовали отъ времени до времени своимъ ученикамъ исправные стихи, которыебъ могли имъ служить образцами. Когда ученіе происходитъ въ домѣ, то Учитель долженствуетъ брать свои матеріи изъ Виргилія, или изъ другова какова нибудь превосходнова Стихотворца.

2. О чтеніи Стихотворцовъ.

§. II. То, что болѣе всего можетъ научить молодыхъ людей хорошему стихосложенію, есть чтеніе Стихотворцовъ. Для сего надобно, чтобъ Учители особливо тщились показывать имъ въономъ паденіе стиховъ, и слогъ Стихотворческой.

О паденіи Стиховъ.

Есть паденіе простое, общее, обыкновенное, которое вездѣ бываетъ равно и одинаково, которое дѣлаетъ стихи мягкими и плавными, удаляетъ со тщаніемъ все то, что моглобъ уязвить уши грубымъ и противнымъ звукомъ, и чрезъ смѣшеніе различныхъ чиселъ, и мѣръ производитъ сію столь пріятную стройность, которая царствуетъ обще во всемъ составѣ Поэмы.

Кромѣ сего есть особливыя нѣкоторыя паденія, которыя болѣе очевидны и чувствительны. Такія паденія дѣлаютъ великую красоту въ стихосложеніи, и производятъ много пріятности, лишь толькобъ они употребляемы были съ пощадою и благоразсужденіемъ, и не попадались очень часто. Они отвращаютъ скуку, которую одновидныя паденія, и правильныя ударенія на одну мѣру учинить не преминулибъ. Въ семъ пунктѣ стихосложеніе Латинское имѣетъ несравненное преимущество надъ Французскимъ, которое принуждено будучи необходимо раздѣлять всегда стихъ Александринской на два совершенно равныя полустишія, дѣлать нѣкоторую перемежку послѣ трехъ совершенныхъ стопъ, подавать всегда риѳму при концѣ другихъ трехъ стопъ, и подвергаться такомужъ порабощенію во всѣхъ послѣдующихъ стихахъ, моглобъ отяготить вскорѣ вниманіе читателя, ежелибъ оно не было подкрѣпляемо и поддерживаемо другими красотами, которыя приводятъ въ забвеніе сей родъ безпрерывнаго одногласія. Чтожъ касается до Латинской Поэзіи, она имѣетъ совершенную вольность раздѣлять свои стихи тамъ, гдѣ хочетъ, перемѣнять свои пресѣченія и паденія по своему выбору, и скрадывать отъ нѣжныхъ ушей одновидныя ударенія произведенныя Дактилемъ и Спондеемъ, кои оканчиваютъ Героической стихъ.

Вирги-

Виргилїй покажетъ намъ всю цѣну сея вольности, подастъ ея примѣры во всякомъ родѣ, и научитъ насъ, какъ употреблять оную.

I. *Важныя и многочисленныя паденїя.*

1. Большїя слова поставленныя въ своемъ мѣстѣ, дѣлаютъ паденїе полное и многочисленное, а особливо когда входятъ многїя Спондеи въ стихъ.

Obſcænique canes, importunæque volucres. G. 1. 470.
Luctantes ventos, tempeſtateſque ſonoras Æn. 1. 57.
Imperio premit.
Ecce trahebatur paſſis Priameïa virgo Æn. 2.
Crinibus. 403.
Ipſa videbatur ventis Regina vocatis Æn. 8.
Vela dare. 707.
Dona recognoſcit populorum, aptatque ſuperbis Ibid. 721.
Poſtibus.
Visceribus miſerorum, et ſanguine veſcitur atro. Æn. 3.
622.

2. Стихъ Спондаической имѣетъ иногда много важности.

Cara deûm ſoboles, magnum Iouis incrementum. Ecl. 4. 49.

Виргилїй употребилъ его весьма къ стати, чтобъ изобразить удивленїе Синона;

Namque ut conſpectu in medio turbatus inermis Æn. 2. 67
Conſtitit, atque oculis Phrygia agmina circum
ſpexit.

Онъ такъ же приличенъ къ показанїю чего нибудь печальнаго и плачевнаго.

Æn. 12. 863. Quæ quondam in bustis aut culminibus desertis
Nocte sedens, serum capit importuna per umbras.

Стихотворецъ Вида употребилъ его счастливо къ выраженію послѣдняго дыханія Іисуса Христа.

Supremamque auram, ponens caput, expirauit.

3. Стихи окончиваемые односложнымъ словомъ имѣютъ часто много силы.

Æn 1.109. Insequitur cumulo præruptus aquæ mons.
Æn. 10. 361. Hæret pede pes, densusque viro vir.
Ibid. 770. Manet imperterritus ille,
Hostem magnanimum opperiens, et mole sua stat.
Æn. 5. 481. Sternitur, exanimisque tremens procumbit humi bos.
Georg. 1. 181. Sæpe exiguus mus
Sub terris posuitque domos, atque horrea fecit.

2. *Остановчивыя, или медлительныя паденія.*

Они суть многихъ родовъ, кои всѣ имѣютъ довольно пріятности. Читатель самъ собою примѣтитъ оныхъ различіе.

Æn. 9. 596. Tumidusque nouo præcordia regno
Ibat; et ingenti, etc.
Georg. 4. 333. At mater sonitum thalamo sub fluminis alti
Sensit: eam circum etc.
Ibid. 360. Qua iuvenis gressus inferret: at illum
Curuata in montis speciem circum stetit unda.
Æn. 8. 665. Castæ ducebant sacra per urbem
Pilentis matres in mollibus.

Nos

Non ne vides? Cum præcipiti certamine campum Georg. 3.
Corripuere, ruuntque effusi carcere currus. 103.
Sed non idcirco flammæ atque incendia vires Æn. 5.
Indomitas posuere. 680.
Arrectas appulit aures Æn. 12.
Confusæ sonus urbis, et illætabile murmur. 619.
Nec jam se capit unda: volat vapor ater ad auras. Æn.7.466.
Et frustra retinacula tendens Georg. 1.
Fertur equis auriga, neque audit currus habenas. 513.
Ac velut in somnis oculos vbi languida pressit Æn. 12.
Nocte quies, necquicquam auidos extendere cursus 908.
Velle videmur, et in mediis conatibus ægri
Succidimus.

Послѣдніе два примѣра могутъ одни сдѣлать чувствительною молодымъ людямъ красоту стиховъ. Сіе остановчивое паденіе, *fertur equis auriga*, не показываетъ ли удивительнымъ образомъ согнувшагося и наклоненнаго къ своимъ лошадямъ кучара? И сіе другое паденіе, *velle videmur*, которое останавливаетъ стихъ съ самаго начала, и дѣлаетъ его какъ будто висящимъ, не весьма ли способно къ изображенію тщетныхъ усилій, которыя предпринимаетъ сонной человѣкъ, чтобъ итти?

3. *Прерывистыя паденія.*

Olli somnum ingens rupit pauor. Æn.7.458.
Est in secessu longo locus. Æn.1.163.
Hæc vbi dicta, cauum conuersâ cuspide montem Ib. 85.
Impulit in latus.

Ibid. 118. Ipſius ante oculos ingens à vertice pontus
In puppim ferit : excutitur, pronuſque magiſter
Voluitur in caput.

Æn. 5. Illa noto citius volucrique ſagittâ
242. Ad terram fugit, et portu se condidit alto.

Æn. 10. Simul hæc dicens attollit in ægrum
856. Se femur.

Æn. 5. Tali remigio nauis ſe tarda mouebat :
280. Vela facit tamen.

4. *Выметы.*

Выметъ есть одна изъ тѣхъ вещей, кои наиболѣе способствуютъ къ красотѣ стиховъ. Онъ служитъ равнымъ образомъ къ учиненїю стиха мягкимъ, плавнымъ, жестокимъ, величественнымъ, смотря по различїю предмѣтовъ, кои хочетъ кто выразить.

Ecl. 3. 78. Phyllida amo ante alias.
Geo. 2. 486 Flumina amem ſyluaſque inglorius.
Geo. 1. 84. Sæpe etiam ſteriles incendere profuit agros.
Æn. 2. Scandit fatalis machina muros
237. Fæta armis.
Ibid. 314. Arma amens capio.
Æn. 4. 688. Illa graues oculos conata attollere, rurſus
Deficit.
Æn. 6. 237. Spelunca alta fuit.
Ibid. 576. Quinquaginta atris immanis hiatibus hydra.
G. 1. 468. Impiaque æternam timuerunt ſecula noctem.
Ibid. 497. Grandiaque effoſſis mirabitur oſſa ſepulcris.
Æn. 2. Vt regem æquævum crudeli vulnere vidi
561. Vitam exhalantem.

Tot quondam populis terrisque ſuperbum Ibid. 556.
Regnatorem Aſiæ.

Nympha, decus fluviorum, animo gratiſſima Æn.12.142
nostro.

Dii, quibus imperium eſt animarum, umbræque ſi- Æn.6.265.
lentes.

Mene jliacis occumbere campis
Non potuiſſe, tuâque animam hanc effundere
dextrâ?

Vrgeri mole hac. Æn.3.575.

Мы далеко еще отстоимъ отъ того, чтобъ чувствовать прїятность числа и паденїя въ Латинскихъ стихахъ за тѣмъ, что мы ихъ не такъ выговариваемъ какъ древнїе: и можетъ статься портимъ ихъ худымъ своимъ произношенїемъ столько, какъ иностранные портятъ наши стихи, не исправно читая оные.

5. *Паденїя способныя къ изображенїю различныхъ предмѣтовъ.*

1. ПЕЧАЛИ. Печаль будучи въ разсужденїи души тѣмъ, чемъ болѣзни суть въ разсужденїи тѣла, производитъ въ ней слабость и униженїе, и требуетъ къ выраженїю себя спондеевъ и большихъ словъ, кои придаютъ стихамъ много тихости и медлѣнїя.

Extinctum Nymphæ crudeli funere Daphnim Ecl. 5. 20.
Flebant.

Afflictus vitam in tenebris luctuque trahebam, Æn. 2. 92.
Et caſum inſontis mecum indignabar amici.

Cun-

Æn. 5. Cunctæque profundum
614. Pontum aſpectabant flentes.
G. 4. 468. Et caligantem nigrâ formidine lucum.

2. РАДОСТИ. Радость напротивъ того будучи жизнїю, здравїемъ, благополучїемъ души, долженствуетъ вдыхать въ нее чувствія живыя, быстрыя, стремительныя, которыя требуютъ скорости дактилей.

Ecl. 5. 73. Saltantes Satyros imitabitur Alpheſibæus.
Æ. 6. 5. Juvenum manus emicat ardens
Littus in Heſperium.

3. МЯХКОСТИ. Для изображенїя мяхкости изберутся слова, въ которыябъ входили по большой части гласныя составляющїя много слоговъ съ малымъ числомъ литеръ, и въ которыхъ бы согласныя были мягки и плавны; напротивъ того слоги, состоящїе изъ многихъ согласныхъ, жестокїе вымеmы, грубыя и придыхаемыя литеры изключены будутъ.

Ecl. 2. 50. Mollia luteolâ pingit vaccinia calthâ.
G. 3. 487. Lanea dum niueâ circundatur infula vittâ.
Æn. 12. Vel miſta rubent ubi lilia multâ
68. Alba roſâ.
Ecl. 6. 53. Jlle latus niueum molli fultus hyacintho,
Æn. 6. 638. Devenere locos lætos, et amæna vireta
Fortunatorum nemorum, ſedeſque beatas.
Æn. 11. Qualem Virgineo demeſſum pollice florem
68. Seu mollis violæ, ſeu languentis hyacinthi.

4. ЖЕСТОКОСТИ. Чтобъ сдѣлать жестокость чувствительною, предпочтены будутъ, 1 слова, кои начинаются и оканчиваются литерою *r*, какъ *rigor*, *rimantur*, или въ которыхъ удвояется *r*, *ferri*, *serræ*. 2. Положатся грубыя согласныя, какъ *x*, *axis*, или придыхаемая *h*, *trahat*. 3. Употребятся слова, въ коихъ соединяются многїя согласныя: *junctos*, *fractos*, *rostris*. 4. Учинены будутъ вымѣты такъ, чтобъ встрѣчались слова и гласныя, которыхъ соитїе очень грубо: *ergo*, *ægrè*.

Tum ferri rigor atque argutæ lamina serræ. G. 1. 143.
Post valido nitens sub pondere faginus axis G. 3. 172.
Instrepat, et iunctos temo trahat æreus orbes.
Ergo ægrè rastris terram rimantur.
Namque morantes G. 3. 534.
Martius ille æris rauci canor increpat, et vox G. 4. 70.
Auditur fractos sonitus imitata tubarum.
Franguntur remi. Æn. 1. 108.
Hinc exaudiri gemitus, et sæue sonare Æn. 6. 557.
Verbera: tum stridor ferri, tractæque catenæ.
Vna omnes ruere ac totum spumare reductis Æn. 8. 689.
Conuulsum remis rostrisque tridentibus æquor.

5. ЛЕГКОСТИ. Дактили суть способны къ выраженїю легкости.

Tum cursibus auras G. 3. 193.
Prouocet, ac per aperta volans ceu liber habenis
Aequora, vix summâ vestigia ponat arenâ
Inde ubi clara dedit sonitum tuba, finibus omnes. Æn. 5. 139.

Haud mora, prosiluere suis: ferit æthera clamor.
Ibid. 216. Mox aere lapsa quieto
Radit iter liquidum, celeres neque commouet alas.
Æn.8.595. Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.

6. **ТЯЖЕСТИ.** **Она требуетъ спондеевъ.**

G. 4. 174. Illi inter sese magnâvi brachia tollunt
In numerum, versantqve tenaci forcipe ferrum.
G. 1. 494. Agricola incuruo terram molitus aratro.
Exesa inveniet scabrâ rubigine tela.

7. *Паденія, въ которыхъ слова поставленныя на концѣ имѣютъ особливую нѣкоторую силу или пріятность.*

Слова такимъ образомъ поставленныя производятъ сіе дѣйствіе за тѣмъ, что они совершенно оканчиваютъ изображеніе, или еще придаютъ новую черту мысли, которуюбъ можно было счесть совершенною; и что они служатъ къ лучшему ея описанію, и принуждаютъ слушателя болѣе вникать въ то, что она имѣетъ важнѣйшаго и вниманія достойнѣйшаго.

Georg. 1. 476. Vox quoque per lucos vulgò exaudita silentes
Ingens.
Æn. 1. 110. Hi summo in fluctu pendent.
Æn. 3. 205. Quarto terra die primùm se attollere tandem

Visa,

Visa, aperire procul montes
Vidi egomet duo de numero cùm corpora nostro Ibid. 623.
Prensa manu magnâ, etc.
Iacuitque per antrum Ibid. 631.
Immensum.
Corripit extemplò Æneas, auidusqve refringit Æn. 6. 210.
Cunctantem.
Nunc omnes terrent auræ, sonus excitat omnis Æn. 2. 728
Suspensum.
Namque humeris de more habilem suspenderatarcum. Æn. 1. 322.
Venatrix.
Et mediis properas Aquilonibus ire peraltum Æn. 4. 310.
Crudelis,
Sed tum fortè caua dum personat æquora concha Æn. 6. 17.
Demens, et cantu vocat in certamina diuos.

Поэзїя имѣетъ языкъ себѣ собственной, и весьма отличной отъ прозаическаго. Понеже Стихотворцы въ своихъ сочиненїяхъ главное намѣренїе полагаютъ сїе, чтобъ усладить, тронуть, возвысить душу, вдохнуть въ нее великїя чувствованїя, и возбудить страсти; того для имъ позволяются слова отважнѣйшїя, рѣченїя отмѣнныя отъ общаго употребленїя, частѣйшїя повторенїя, вольнѣйшїя прилагательныя, великолѣпнѣйшїя и пространнѣйшїя описанїя. Ето суть такъ какъ бы цвѣты, которые Поэзїя, словесная живопись, употребляетъ, чтобъ представить живо и естественно изображенїя вещей, о коихъ она говоритъ. И ето надлежитъ со тщанїемъ показывать учени- О слогѣ Стихотворческомъ.

кам

никамъ въ чтенїи Стихотворцовъ. Я приведу нѣсколько на сїе примѣровъ, кои могутъ имъ послужить къ тому, чтобъ они сами собою разбирали и чувствовали красоты Позїи,

I. *Стихотворческїя слова.*

Я изберу одно только, и постараюсь показать, какимъ образомъ Виргилїй употребилъ оное къ представленїю различныхъ изображенїй. Ето есть глаголъ *pendere*.

Ecl. I, 75. Ite meæ, quondam felix pecus, ite capellæ.
Non ego vos posthac viridi projectus in antro
Dumosâ pendere procul de rupe videbo.

Стихотворецъ могъ поставить, *Non ego vos altâ pascentes rupe videbo.* Сїе слово *pendere* представляетъ удивительнымъ образомъ козъ, которыя кажутся издали какъ будто привѣшены къ прерывистому и крутому холму, на которомъ онѣ пасутся.

Æn. I. 110. Hi summo in fluctu pendent, his unda dehiscens
Terram inter fluctus aperit.

Пусть поставится, *hi summo in fluctu apparent*, то изображенїе и красота исчезаютъ. Они состоятъ въ словѣ *pendent*, и въ томъ мѣстѣ, въ которомъ оно положено. Ибо *hi pendent summo in fluctu*, не производитъ болѣе тогожъ дѣйствїя.

Pendent

Pendent opera interrupta, minæque Æn. 4. 88.
Murorum ingentes, æquataque machina cælo.

Надлежитъ признаться, что всѣ здѣсь выраженія очень стихотворчески. *Minæ ingentes murorum* вмѣсто того, чтобъ сказать, высокія стѣны, которыя кажутся угрожать небу. Но слово *pendent* уважаетъ сильно оное описаніе; была либъ такаяжъ краса, ежелибъ поставилось *manent opera interrupta* ?

Fronte ſub aduerſâ ſcopulis pendentibus antrum. Æn. 1. 170.

Ктобъ не подумалъ, что онъ видитъ камни привѣшенные одинъ къ другому, кои простираются на воздухъ, и составляютъ естественной сводъ ?

Vt pronus pendens in verbera telo Æn. 10.
Admonuit bijugos. 586.
Nec ſic immiſſis aurigæ undantia lora Æn. 5. 146.
Concuſſere jugis, pronique in verbera pendent.

Естьли какое изображеніе, котороебъ могло лучше представить дѣйствіе и положеніе кучера нагнувшагося къ его лошадямъ, чтобъ погонять ихъ кнутомъ?

Simul arripit ipſum Æn. 9. 561.
Pendentem, et magnâ muri cum parte reuellit.

Разумъ и уши довольно чувствуютъ здѣсь силу и изрядство сего слова, *pendentem*.

Jliacos iterum demens audire labores Æn. 4. 78.
Expoſcit, pendetque iterum narrantis ab ore.

Не возможно лучше выразить сильнаго вниманія особы, которая слушаетъ другую съ пріятностію, и пребываетъ не подвижна, привязана и какъ будто привѣшена къ ея рту.

Æn.8.630. Fecerat et viridi fœtam Mauortis in antro
Procubuisse lupam: geminos huic vbera circum
Ludere pendentes pueros, et lambere matrem
Impauidos.

Какое описаніе! какая живость! но слѣдующій примѣръ подаетъ еще несравненно пріятнѣйшее изображеніе, взятое изъ самаго естества. Отецъ, которой хочетъ поцѣловать свое дитя, наклоняется къ нему, и какъ дитя обойметъ своими нѣжными руками его шею, то отецъ встаетъ и держитъ его такимъ образомъ висящаго. Слово *pendere* довольно одно къ описанію сего изображенія.

G. 2. 523. Interea dulces pendent circum oscula nati.
Æn.1.719. Ille ubi complexu Æneæ, colloque pependit.

Таковы суть премногія другія Стихотворческія слова, которыхъ надлежитъ показывать ученикамъ или пріятность, или силу.

II. *Стихотворческіе фразисы.*

Языкъ Поэзіи собственной и отдѣляющій ее отъ прозы состоитъ особливо въ нѣкоторыхъ фразисахъ и рѣченіяхъ: ибо слова всѣ почти суть общія обѣимъ.

Сего

Сего то роду фразисы и рѣченія составляютъ пріятность и богатство Поэзіи. Чрезъ сіе то она находитъ средство перемѣнять рѣчь безконечнымъ образомъ, показывать одинъ и тотъ же предмѣтъ подъ многоразличными и всегда новыми видами, представлять вездѣ увеселительныя изображенія, говорить къ чувствамъ и воображенію такимъ языкомъ, которой имъ приличенъ, выражать малѣйшія вещи съ пріятностію, а величайшія съ благородствомъ и величественностію, которая поддерживаетъ всю оныхъ важность и достоинство. Нѣсколькіе примѣры изъяснятъ то, что я теперь сказалъ.

1. Орать, обработывать землю, *arare, colere terram*, есть рѣчь, которая въ прозѣ не много принимаетъ различныхъ фразисовъ, а въ стихахъ можетъ очень перемѣняться, и которую Виргилій въ самомъ дѣлѣ выразилъ многоразлично. Я предложу нѣкоторую часть сихъ фразисовъ, дабы молодые люди познали, какъ одна и тажъ самая вещь разсужденная въ разныхъ видахъ, со стороны орудій, способа, обстоятельствъ, дѣйствій, можетъ безконечно различаться.

Depreſſo incipiat jam tum mihi taurus aratro G. 1. 45.
Jngemere, et ſulco attritus ſplendeſcere vomer.
Exercetque frequens tellurem, atque imperat aruis. Ibid. 99.
Ante jouem nulli ſubigebant arua Coloni. Ibid. 125.

G. 1. 155. Quod nisi et assiduis terram insectabere rastris
Ibid. 147. Prima Ceres ferro mortales vertere terram.
Ibid. 213. Instituit . . . . Incumbere aratris.
G. 2. 513. Agricola incuruo terram dimouit aratro.
G. 3. 160. Scindere terram,
Et campum horrentem fractis inuertere glebis.
Ibid. 534. Ergo ægrè rastris terram rimantur.

2. **Всякой примѣтить можетъ, сколь многоразличнымъ образомъ Виргилїй описываетъ мореплаванїе.**

G. 1. 201. Non aliter quàm qui aduerso vix flumine lembum
Remigiis subigit.
Ibid. 254. Et quando infidum remis impellere marmor
Conueniat.
G. 2. 503. Sollicitant alii remis freta cæca.
Æn. 1. 39. Vela dabant læti, et spumas salis ære ruebant.
Æn. 3. 191. Vela damus vastumque cauâ trabe currimus æquor.
Ibid. 207. Vela cadunt, remis insurgimus; haud mora nautæ
Adnixi torquent spumas, et cærula verrunt.
Tentamusque viam, et velorum pandimus alas.
Ibid. 290. Certatim socii feriunt mare; et æquora verrunt.
Ib. 668. Verrimus et proni certantibus æquora remis.
Æn. 5. 2. Fluctus atros aquilone secabat.
Ibid. 140. Ferit æthera clamor
Nauticus: adductis spumant freta versa lacertis.
Infindunt pariter sulcos, totumque dehiscit
Convulsum remis rostrisque tridntibus æquor.
Ibid. 197. Olli certamine summo
Procumbunt: vastis tremit ictibus ærea puppis
Subtrahiturque solum.
Æn. 7. 27. Cùm venti posuere, omnisque repente resedit
Flatus

Flatus, et in lento luctantur marmore tonsæ.
Instat aquæ . . . et longâ sulcat maria alta carinâ. Æn. 10. 196.

3. Обыкновенїе Стихотворцамъ очень свойственное есть сїе, чтобъ описывать вещи чрезъ ихъ произшествїя или обстоятельства.

Вмѣсто того, чтобъ сказать, *земля, которая отдохнетъ одинъ годъ, принесетъ много ржи въ годъ послѣдующїй*, Стихотворецъ говоритъ: земля, которая ощутила два лѣта и двѣ зимы, отвѣтствуетъ совершенно желанїямъ ненасытнаго земледѣльца, и производитъ столь изобильную жатву, что житницы не могутъ вмѣстить оной.

Illa seges demum votis respondet auari G. 1. 47.
Agricolæ, bis quæ solem, bis frigora sensit.
Illius immensæ ruperunt horrea messes.

Вмѣсто: *не было еще войны*: не слышно еще было страшнаго звуку трубъ, ни трескотливаго шуму мечей, кои выдѣлываются на наковальняхъ.

Necdum etiam audierant inflari classica, nec dum G. 2. 539.
Impositos duris crepitare incudibus enses.

Была зима: Зима жестокимъ морозомъ принуждала разсѣдаться камни, и остановляла льдомъ подобно какъ уздою быстрое теченїе водъ.

Et cùm tristis hiems etiam nunc frigore, saxa G. 4. 135.
Rumperet, et glacie cursus frenaret aquarum.

III. Повторенія.

Повторенія имѣютъ много пріятности въ Поэзіи. Употребляютсяжъ оныя или для простой красы, и для учиненія стиховъ пріятнѣйшими: или для сильнѣйшаго продолженія рѣчи о предлежащемъ дѣлѣ: или для изъясненія чувствованій, и изображенія страстей.

1. *Повторенія служащія единственно къ красотѣ.*

Ecl. 7. 4. Ambo florentes ætatibus, Arcades ambo.

Æn. 10. 180. Sequitur pulcherrimus Astur,
Astur, eoque fidens.

Æn. 1. 688. Falle dolo, et notos pueri puer indue vultus.

2. *Повторенія служащія къ сильнѣйшему продолженію рѣчи о какомъ нибудь предмѣтѣ.*

Ecl. 4. 58. Pan etiam Arcadia mecum si iudice certet,
Pan etiam Arcadia dicat se iudice victum.

Ecl. 10. 11. Nam neque Parnassi vobis iuga, nam neque Pindi
Vlla moram fecere.

Æn. 6. 86. Bella, horrida bella,
Et multo Tybrim spumantem sanguine cerno.

Есть нѣкотораго роду повтореніе весьма употребительное у Стихотворцовъ, которое имѣетъ много пріятности и силы. Вмѣсто того, чтобъ сказать, что человѣкъ покушался многократно

что

что нибудь сдѣлать, но тщетно, они говорятъ: троекратно онъ хотѣлъ учинить такуюто вещь, и троекратно принужденъ былъ ее оставить.

Ter ſunt conati imponere Pelio Oſſam G. 1. 281.
Scilicet, atque Oſſæ frondoſum inuoluere Olympum:
Ter Pater extructos diſiecit fulmine montes.
Ter conatus ibi collo dare brachia circum, Æn. 2. 792.
Ter fruſtra comprenſa manus effugit imago,
Par leuibus ventis, volucrique ſimillima ſomno.
Ter totum feruidus irâ Æn. 8. 230.
Luſtrat Auentini montem: ter ſaxea tentat
Limina nequicquam; ter feſſus valle reſedit.

Виргилій въ шестой книгѣ Енеиды для показанія, что болѣзнь воспрепятствовала Дедалу изобразить пагубное паденіе сына своего Икара, употребляетъ очень къ стати фигуру, о которой мы здѣсь говоримъ. Сіе мѣсто есть одно изъ наилучшихъ въ семъ Стихотворцѣ.

Tu quoque magnam Æn. 6. 30.
Partem opere in tanto, ſineret dolor, Icare, haberes.
Bis conatus orat caſus effingere in auro,
Bis patriæ cecidere manus.

Сколь сіе обращеніе къ Икару есть нѣжно! какая тонкость въ сей рѣчи, *ſineret dolor*, вмѣсто *ſi dolor ſuiſſet*. Но есть ли что совершеннѣе, какъ два слѣдующіе стиха? Двоекратно сей несчастный отецъ усиливался представить на золотѣ печальное приключеніе своего сына,

и двоекратно его отцовскїя руки опустились. Сїе прилагательное, *patriae manus*, есть отмѣннаго вкусу.

3. *Повторенїя служащїя къ выраженїю чувствований и страстей*

Въ удивленїи и посторгѣ.

Æn.1.425. Miratur molem Æneas, magnalia quondam:
Miratur portas, ſtrepitumque, et ſtrata viarum.
Ibid. 713. Mirantur dona Æneæ, mirantur Iulum.
Æn. 8.91. Labitur uncta vadis abies, mirantur et undæ,
Miratur nemus inſuetum, etc.

Нѣжныя и сильныя страсти.

Ecl. 8. 41. Ut vidi, ut perii! ut me malus abſtulit error!
Æn.3.489. O mihi ſola mei ſuper Aſtyanactis imago!
Sic oculos, ſic ille manus, ſic ora ferebat.
Æn. 2. 405. Ad coelum tendens ardentia lumina fruſtra:
Lumina, nam teneras arcebant vincula palmas.

Въ печали.

Ecl. 1. 39. Tityrus hinc aberat. Ipſæ te, Tityre, pinus,
Ipſi te fontes, ipſa hæc arbuſta vocabant.
Æn.7.759. Te nemus Angitiæ, vitrea te Fucinus unda,
Te liquidi fleuere lacus.

Въ радости.

Æn. 3.522. Cum procul obſcuros colles, himilemque videmus
Italiam. Italiam primus conclamat Achates,
Italiam læto ſocii clamore ſalutant.

IV.

IV. Прилагательныя.

Прилагательныя способствуютъ много къ красотѣ стиховъ. Квинтиліанъ примѣчаетъ, что стихотворцы употребляютъ оныя чаще и вольнѣе, нежели Ораторы. Чаще: потому что въ прозѣ рѣчь отягощенная прилагательными ставится въ великой порокъ: вмѣсто того, что въ поэзіи они производятъ всегда хорошее дѣйствіе, хотябъ были въ великомъ числѣ. Вольнѣе: потому что у стихотворцовъ довольно бываетъ того, чтобъ прилагательное приличествовало слову, къ которому оно относится; и такъ имъ позволяются сего роду выраженія, *dentes albi*, *humida vina*: но въ прозѣ всякое прилагательное не производящее никакого дѣйствія, и ничего не прибавляющее къ вещи, о коей говорятъ, есть порочно. Надобно признаться, что у Греческихъ и Латинскихъ Стихотворцовъ находятся иногда такія прилагательныя, которыхъ тонкость и исправность языка Францускаго отнюдь не позволилибъ нашимъ Стихотворцамъ; но ето бываетъ рѣдко, и они награждаютъ насъ вмѣсто того множествомъ сихъ прекрасныхъ прилагательныхъ, коими ихъ стихи суть наполнены. Я приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, наблюдая не иной порядокъ, какъ только книгъ Виргиліевыхъ, изъ которыхъ оныя взяты.

G. 3. 498. Labitur infelix ſtudiorum atque immemor herbæ
Victor equus.
G. 4. 91. Alter erit maculis auro ſquallentibus ardens,
Et rutilis clarus ſquamis: ille horridus alter
Diſidia, latamque trahens inglorius aluum.
Æn. 1. 64. Sed pater omnipotens ſpeluncis abdidit atris,
Hoc metuens.
Ibid. 93. Ponto nox incubat atra.

Сїи два послѣднїе примѣра показываютъ, какую силу имѣетъ прилагательное поставленное послѣ существительнаго.

Ibid. 742. Ille impiger hauſit
Spumantem pateram, et pleno ſe proluit auro
Æn. 2. 210. Ardenteſque oculos ſuffecti ſanguine et igni,
Sibila lambebant linguis vibrantibus ora,
Æn. 2. 509. Arma diu ſenior deſueta trementibus æuo
Circumdat nequicquam humeris, et inutile ferrum
Cingitur.
Æn. 5. 137. Intenti expectant ſignum, exultantiaque haurit
Corda pauor pulſans, laudumque arrecta cupido.
Æn. 6. 222. Pars ingenti ſubiere feretro.
Triſte miniſterium; et ſubiectam more parentum
Auerſi tenuere facem.
Ibid. 597. Roſtroque immanis vultur obunco
Immortale iecur tundens, fæcundaque pænis
Viſcera, rimaturque epulis, habitatque ſub alto
Pectore: nec fibris requies datur ulla renatis.
Æn. 7. 490. Ille manum patiens, menſæque aſſuetus herili,
Errabat ſyluis: rurſuſque ad limina nota
Ipſe domum ſerâ quamuis ſe nocte ferebat.

d mihi tarda gelu, seclisque effeta senectus Æn. 8. 508.
uidet imperium, seræque ad fortia vires.
Et pontem indignatus Araxes. Ibid. 728.
ela manu iam tum tenera puerilia torsit. Æn. 11. 578.

V. *Описанія и повѣствованія.*

Красота и живость Стихотворческаго штиля болѣе всего усматриваются въ писаніяхъ и повѣствованіяхъ. Изъ сихъ ныя суть краткія, а другія пространѣйшія. Я приведу нѣсколько примѣровъ того и другаго роду.

I. *Описанія краткія.*

Виргилій удивительно изображаетъ въ краткихъ стихахъ печаль земледѣльца, которой лишился одного быка погибшаго отъ заразы.

It tristis arator, G. 3. 517.
Mærentem abjungens fraterna morte juvencum,
Atque opere in medio defixa relinquit aratra.

Въ слѣдующихъ стихахъ кажется, какъ будто мы своими глазами видимъ сихъ бѣдныхъ людей, кои просили неотступно о переѣздѣ чрезъ Ахеронтъ;

Stabant orantes primi transmittere cursum, Æn. 6. 313.
Tendebantque manus ripæ ulterioris amore.

Еней во адѣ старался умилостивить Дидону унизительною и жалостною рѣчью. Сія Принцесса бросивъ на него испол-

исполненные досады и ярости взгляды отвратила лице, потупила глаза сво въ землю, и наконецъ вдругъ его оставила, не отвѣчавъ ему ни одного слова Все сїе описано очень въ краткихъ словахъ. Но молчанїе, которое Стихотворецъ здѣсь приписываетъ Дидонѣ, превышаетъ всѣ другїя изрядства и красоты.

Æn. 6. 467. Talibus Æneas ardentem et torua tuentem
Lenibat dictis animum, lacrymasque ciebat.
Illa solo fixos oculos auersa tenebat . . .
Tandem proripuit sese, atque inimica refugit
In nemus umbriferum.

2. *Повѣствованїя пространнѣйшїя.*

Я изберу одно изъ нихъ взятое изъ четвертой книги о земледѣлїи, въ которой Виргилїй описываетъ исторїю Еври-дисы и Орфея, и предложу нѣкоторыя только достопамятнѣйшїя частицы, коихъ красоту сдѣлать чувствительною постараюсь.

G. 4. 464. Ipse cauâ solans ægrum testudine amorem,
Te, dulcis conjux, te solo in littore secum,
Te veniente die, te decedente canebat.

Сїе значитъ просто: *Orpheus citharâ dolorem leniens, die ac nocte conjugem canebat*; такимъ то образомъ можнобъ было задавать ученикамъ матерїю для сочиненїя стиховъ. Все искуство состоитъ въ томъ, чтобъ

тобѣ дать симѣ мыслямѣ и выраже-
іямѣ самымѣ простымѣ, стихотворче-
кой видѣ. *Cauâ testudine* гораздо красивѣе
ежели *citharâ*. *Aegrum amorem* лучше по-
азываетѣ сильную болѣзнь Орфея, не-
кели всякое другое выраженіе. Но глав-
ая краса усматривается вѣ двухѣ слѣ-
ующихѣ стихахѣ. Обращеніе имѣетѣ
ѣчто нѣжное и жалостное, и дѣлаетѣ
ѣкоторымѣ образомѣ Еврид ису присут-
твующею: *Te, dulcis conjux*. И чего не
ыражаетѣ сіе прилагательное *dulcis*?
Тожѣ самое слово повторенное четыреж-
ды вѣ двухѣ стихахѣ, *te, dulcis conjux, te*
и протч. ясно показываетѣ, что Еври-
дисa была одинѣ только предмѣтѣ, ко-
торымѣ Орфей былѣ занятѣ. *Solo in littore*
secum, не безѣ причины здѣсь стоитѣ.
Ето извѣстно, что уединеніе и пусты-
ни весьма способны кѣ питанію болѣзни.

Tænarias etiam fauces, alta oſtia Ditis, G.4. 467.
Et caligantem nigrâ formidine lucum
Ingreſſus, maneſque adiit, regemque tremendum,
Neſciaque humanis precibus manſueſcere corda.

Сіи четыре стиха представляютѣ
только сію мысль: *Quin etiam Orpheus infe-
ras ſedes penetrauit*. Стихотворецѣ для рас-
пространенія сей мысли дѣлаетѣ не боль-
шое вычисленіе того, что находится
во ядѣ, и избираетѣ то, что наиболѣе
способствовало кѣ устрашенію Орфея.
Послѣдній стихѣ показываетѣ совершен-
но

но характеръ Боговъ Адскихъ, которыхъ ни чемъ упросить и умилостивить н можно. Сей стихъ, *et caligantem nigrâ formidine lucum*, удивителенъ какъ для выбору словъ, такъ и для паденія состоящаг изъ однихъ спондеевъ. *Nigrâ formidine* очен изрядно къ показанію густой тѣни деревъ, которая наводитъ ужасъ.

G. 4. 481. Quin ipsæ stupuere domus, atque intimá lethi
Tartara, cæruleosque implexa crinibus angues
Eumenides; tenuitque inhians tria cerberus ora
Atque Ixionej vento rota constitit orbis . . . .

Нѣтъ ничего, чтобы болѣе отзывалось стихотворствомъ, какъ сіе мало изчисленїе.

Ibid. 485. Iamque pedem referens casus euaserat omnes,
Redditaque Eurydice superas veniebat ad auras
Ponè sequens; (namque hanc dederat Proserpin legem
Cùm subita incautum dementia cepit amantem
Ignoscenda quidem, scirent si ignoscere Manes.
Restitit, Eurydicenque suam iam luce sub ipsa
Immemor heu! victusque animi respexit Ibi. ómni
Effusus labor, atque immitis rupta Tyranni
Fædera, terque fragor stagnis auditus Auernis.
Illa, quis et me, inquit, miseram, et te perdidit Orpheu
Quis tantus furor? en iterum crudelia retro
Fata vocant, conditque natantia lumina somnus
Iamque vale: feror ingenti circumdata nocte
Inualidasque tibi tendens (heu! non tua) palmas

Н

Не льзя вообразить ничего прекраснѣе, ничего совершеннѣе, какъ сія повѣсть. Начало можетъ заключено быть въ семъ простомъ предложенiи: *Iamque Euredice ponè ſequens conjugem ſuperas ad oras veniebat, cum illam Orpheus reſpexit.* Всякой довольно чувствуетъ, что изъ двухъ частей составляющихъ сiе предложенiе самая важная есть взглядъ, которой бросаетъ Орфей на Евридису. По чему Виргилiй болѣе всего на томъ остановился. Каждое слово въ семъ стихѣ къ тому клонится: *cum ſubita incautum dementia cepit amantem*, которая мысль слѣдующимъ стихомъ чрезвычайно возвышается: *Ignoſcenda quidem, ſcirent ſi ignoſcere manes.* Но то, что живѣйшими цвѣтами изображается, есть сія рѣчь, *Eurydicen reſpexit.* Прилагательное, которое онъ придаетъ къ Евридисѣ, изъясняетъ все: *Eurydicen ſuam*, любезную свою Евридису. Кромѣ сего смыслу, которой сперва представляется разуму, и кажется весьма натураленъ, есть можетъ быть другой сокровеннѣе, и тончае. Евридису, которую онъ считалъ возвращанною, и къ нему на всегда принадлежащею. *Iam luce ſub ipſa*: онъ уже приближался къ счастливой минутѣ, въ которую онъ долженствовалъ дѣйствительно учиниться ея обладателемъ, *immemor heu! victuſque animi.* Онъ долгое время боролся самъ съ собою, долгое время сопротивлялся желанiю взглянуть на Евредису; но

но на послѣдокъ преодоленъ будучи страстїю, позабылъ договоры, которые ему были предписаны; слово *victus* оставляетъ все сїе разумѣть.

Respexit. Дабы разумъ читателя всю̀ былъ въ сумнѣнїи до сихъ поръ, сїе слово, которое рѣшительно, и кое одно только опредѣляетъ точно смыслъ, долженствовало оставлено быть къ концу; и можно сказать, что оно есть такъ какъ бы послѣдняя черта, и послѣднее дѣйствїе кисти, которое оканчиваетъ сїе неподражаемое изображенїе.

Краткая рѣчь Евридисы заключаетъ красоту и тонкость, коимъ не можно надивиться.

Не былобъ ничего столь скучнаго, какъ сїе обыкновенное связанїе: *illa sic loquitur: quis* и проч. Сїя перекладка гораздо живѣе: *illa, quis et me, inquit; miseram, et te perdidit, Orpheu?*

Естьли что нибудь, чтобы болѣе отзывалось стихотворствомъ, какъ сей фразисъ: *en iterum crudelia retro Fata vocant, conditque natantia lumina somnus*, вмѣсто того, чтобъ сказать; вотъ я умираю въ другой разъ.

Конецъ оной рѣчи превышаетъ, какъ мнѣ кажется, все протчее. Все, что Евридиса можетъ учинить въ сїю послѣднюю минуту жизни, которая ей остается, есть то, чтобъ простереть къ любезному

безному своему Орфею слабыя и умирающія руки, кои теперь однѣ только суть истолковательницами чувствованій ея сердца. *Inualidasque tibi tendens, heu! non tua, palmas.* Я не предпринимаю уважать тонкость сего слова, *heu! non tua*: удобнѣе чувствовать оную, нежели изъяснять. Сіе слово кажется сказано въ противуположеніе другому предъидущему; *Eurydicenque suam* Оно мнѣ приводитъ на память два прекрасные стиха, которые сдѣлалъ одинъ ученикъ Риторики въ коллегіи Плессійской. Надобно было описать поспѣшное возвращеніе св. Антонія къ св. Павлу, которой умеръ послѣ того, какъ первой его оставилъ. Молодой стихотворецъ показавъ поспѣшеніе, съ которымъ Антоній возвращался къ его почтенному другу, обратилъ такимъ образомъ къ нему рѣчь:

Quid facis, Antoni? jam friget Paulus, et altas
Immistus superis, nec jam tuus, attigit arces.

Я привелъ сіе мѣсто для того, чтобъ показать, какимъ образомъ молодые люди должны употреблять въ пользу чтеніе Виргилія, и красоты, кои въ немъ примѣчаются.

Я не осмѣливаюсь окончать сего повѣствованія, дабы не отяготить читателя размышленіями, кои моглибъ показаться скучны; однакожъ не могу удер-

жаться, чтобъ не списать здѣсь прекрасныхъ стиховъ оканчивающихъ оное. Тутъ рѣчь идетъ о головѣ Орфеевой, которую Ѳракійскія женщины бросили въ Гебръ.

G. 4. 523. Tum quoque, marmorea caput à ceruice reuulſum
Gurgite cùm medio portans Oeagrius Hebrus
Volueret, Eurydicen vox ipſa et frigida lingua,
Ah! miſeram Eurydicen, animâ fugiente, vocabat,
Eurydicen toto referebant flumine ripæ.

Стихотворецъ могъ просто сказать, что тогда, какъ Орфеева голова брошена была въ Гебръ, языкъ его произносилъ еще имя Евридисы. Сколько красотъ въ трехъ стихахъ! *Vox ipſa*: голосъ Орфеевъ самъ собою и по привычкѣ произноситъ сіе сладкое имя: *et frigida lingua*, и его холодной уже и умирающій языкъ называлъ еще Евридису. Сіе прилагательное *frigida*, очень изрядно. Ето обыкновенно Стихотворцамъ, чтобъ означать смерьть холодомъ, которой есть ея последствіемъ. *Ah! miſeram Eurydicen.* Какая нѣжность въ семъ повтореніи имени Евридисы, въ прилагательномъ *miſeram*, и въ восклицаніи, которое ему предшествуетъ! наконецъ сіе троекратное повтореніе имени Евридисы не выражаетъ ли совершенно натуры отголоска, которой многократно повторяетъ одно слово?

Овидій,

Овидій, говоря о той же самой матеріи, выразилъ сію последнюю красоту отличнымъ, но не меньше пріятнымъ и нежнымъ образомъ.

Membra jacent diuersa locis: caput, Hebre, lyramque Excipis, et (mirum) medio dum labitur amne, Flebile nescio quid queritur lyra: flebile lingua Murmurat exanimis: respondent flebile ripæ. Metamor. Lib. 11.

Есть комментаріи на Виргилія де ла Серды Езуита, которой весьма способенъ ко введенію молодыхъ людей въ сей вкусъ, о которомъ мы здесь говоримъ. Онъ входитъ въ великую подробность; разсматриваетъ все мысли, а иногда и выраженія сего стихотворца, делаетъ чувствительными все его красоты и тонкости. Г. Герсанъ, которой обучалъ Риторике въ коллегіи Плессійской, и былъ великой знатокъ въ семъ деле, очень его уважалъ, и рекомендовалъ своимъ ученикамъ. Скалигеръ въ своей науке Стихотворческой открываетъ такъ же довольно хорошо все искуство Виргилія.

VI. Речи:

Я бы могъ, въ разсужденіи сего члена, отослать читателя къ правиламъ, кои я сообщу въ следующемъ томе о Риторике, потому что они по большой части приличествуютъ такъ же и Поэзіи: однакожъ счелъ, что мне не надлежало

со всемъ оставить того, что касается до рѣчей стихотворческихъ.

Я изберу одну только самую краткую, которой довольно будетъ къ тому, чтобъ научить молодыхъ людей, какимъ образомъ они должны поступать, дабы открывать силу и дѣйствіе рѣчей попадающихся въ стихотворцахъ.

Рѣчь, которую я предпринимаю здѣсь истолковать, есть рѣчь Юноны, когда она находя Троянъ приближающихся уже къ Италіи, не взирая на всѣ усилія ею употребленныя для опроверженія ихъ намѣреній, сама себя укоряетъ въ слабости и безсиліи.

Æn. 1. 38. Vix e conſpectu Siculæ telluris in altum
Vela dabant læti, et ſpumas ſalis ære ruebant:
Cùm juno æternum ſeruans sub pectore vulnus
Hæc ſecum: Me-ne incoepto deſiſtere victam!
Nec poſſe Italiâ Teucrorum auertere Regem!
Quippe vetor fatis. Pallas ne exurere claſſem
Argivum, atque ipſos potuit ſubmergere ponto,
Vnius ob noxam er furias Ajacis Oïlei?
Ipſa jouis rapidum jaculata è nubibus ignem,
Diſiecitque rates, euertitque æquora ventis:
Illum expirantem trenſfixo pectore flammas
Turbine corripuit, ſcopuloque infixit acuto.
Aſt ego, quæ Diuûm incedo Regina, jouiſque
Et ſeror et conjux, unâ cum gente tot annos
Bella gero: et quiſquam numen Iunonis adorer
Præterea, aut ſupplex aris imponat honorem!

Можно

Можно найти вЪ сей Юнониной рѣчи вступленіе, подтвержденіе, заключеніе.

Повѣсть оной предшествующая, сколь она ни проста, предобъявляетЪ намЪ рѣчь чрезвычайно яростную и жаркую, и показываетЪ, сколь далеко простиралось раздраженіе сей Богини: *Cum Iuno æternum seruans sub pectore vulnus hæc secum.* СтихотворецЪ называетЪ ея гнѣвЪ раною, *vulnus*, и раною глубокою, *sub pectore*, застарѣлою и неизлѣчимою, *æternum*; и такою, которую сія Богиня хранитЪ и питаетЪ рачительно вЪ своемЪ сердцѣ, *seruans.*

Hæc secum: прибавь глаголЪ *loquitur*, которой подразумѣвается, то ты утушишЪ весь жарЪ и живость сей повѣсти.

ВСТУПЛЕНІЕ. *Me-ne incoepto desistere victam!* Сіе отрывистое начало приличествуетЪ совершенно Богинѣ исполненной гордости и гнѣва, которая разговаривая сама сЪ собою о причинѣ ея неудовольствія, изрыгаетЪ вдругЪ сею рѣчью свою болѣзнь и ярость. Каждое слово долженствуетЪ быть разсмотрѣно. *Me-ne.* Сіе одно слово изЪясняетЪ все, и Юнона сама намЪ откроетЪ вЪ послѣдствіи, что вЪ немЪ заключается. *Incoepto desistere.* ЧтобЪ женщина, чтобЪ Богиня, (и еще какая Богиня!) обязана была отказаться отЪ своего предпріятія. *Victam*: чтобЪ прину-

нуждена была признаться побѣжденною, не взирая на всѣ ея усилія и сраженія; и чтобъ видѣла свою соперницу одержавшую верьхъ надъ нею, и торжествующую надъ ея слабостію. Всѣ тѣжъ слова моглибъ остаться, и не имѣть той же силы. *Incoepto cogor desistere victa.* Сїе то односложное и вопросительное слово *me-ne*; сїе не определенное *desistere*, которое по видимому ничемъ не управляется, одушевляетъ оную мысль; и такова обыкновенно бываетъ рѣчь разгнѣванной особы.

Nec posse Italiâ Teucrorum auertere Regem! И такъ вотъ сїя Царица Боговъ и людей увѣрена въ безсилии: *nec posse*, и еще въ какомъ случаѣ? Предпринимаетъ ли она погубить Царя великомочнаго, свергнуть его съ престола, выгнать изъ областей? Совсемъ не то. Требуется только удалить, и отвратить отъ Италїи несчастнаго начальника народа побѣжденнаго: *Teucrorum Regem.*

Юнона въ другомъ мѣстѣ показываетъ, съ какимъ жаромъ она принималась гнать несчастные остатки Троянскаго народа и Енея ихъ начальника. Сїе мѣсто можетъ послужить къ разумѣнїю того, которое мы изъясняемъ.

Æn.7.293. Heu stirpem inuisam, et fatis contraria nostris
Fata Phrygum! Num Sigeis occumbere campis?
Num capti potuere capi? Num incensa cremauit
Troia viros? medias acies mediosque per ignes
Inuenere viam . . . .

Quin

Quin etiam patria excussos infesta per undas
Ausa sequi, et profugis toto me opponere ponto.
Absumptæ in Teucros vires cælique marisque.
Quid Syrtes, aut Scylla mihi, quid vasta charybdis
Profuit? Optato conduntur Tybridis alueo,
Securi pelagi atque mei. Mars perdere gentem
Immanem Lapithûm valuit: concessit in aras
Ipse Deûm antiquam genitor Calydona Dianæ:
Quod scelus aut Lapithis tantum, aut Calydone merente?
Ast ego, magna Jouis conjux, nil linquere inausum
Quæ potui infelix, quæ memet in omnia verti,
Vincor ab Æneâ,

ПОДТВЕРЖДЕНІЕ. *Quippe vetor fatis.* Два предшествующіи стиха служатъ вмѣсто вступленія и предложенія. Юнона опровергаетъ теперь одно противуположеніе, которое можно было ей учинить, взятое отъ непреодолимой силы судебъ, кои сопротивляются ея предпріятію. Нѣкоторые толкователи думаютъ, что сіе противуположеніе есть ироническое, какъ показываетъ слово *quippe*. Какъ бы то ни было, Юнона опровергаетъ оное однимъ примѣромъ, которой составляетъ всю матерію ея рѣчи: *Паллада умѣла изрядно отмстить Аяксу*, а *я не могу до того дойти, чтобъ погубить Троянъ.* Сіе сравненіе имѣетъ двѣ части, изъ коихъ каждая предложена съ удивительнымъ искуствомъ. Трудно сыскать образецъ разумноженія, которой бы былъ лучше сего.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. *Паллада умѣла изрядно отмстить Аяксу.* Аяксъ былъ сынъ Оилеевъ, предводитель Локрянъ, которой осквернилъ Кассандру дочь Прїамову, и священницу Палладину, въ самомъ ея храмѣ. Стихотворецъ употребилъ семь стиховъ, чтобъ представить сїе мщенїе во всей ясности.

Юнона съ самаго начала называетъ Палладу, не придавъ къ ея имени ни какова прилагательнаго, никакова знаку достоинства и отмѣны: *Pallas ne*. Однакожъ она была дщерь Юпитера, и имѣла въ своей власти войну и науки. Кажется, что Юнона намекаетъ, что она истребила цѣлой флотъ Грековъ: *classem Argiuorum*; но въ самомъ дѣлѣ погибъ флотъ однихъ Локрянъ. Она употребляетъ сложной глаголъ, *exurere*, которой показываетъ, что флотъ былъ совсемъ сожженъ и истребленъ. И дабы не подумали, что одни только корабли были сожжены, она присовокупляетъ:

Atque ipſos potuit ſubmergere ponto,
Vnius ob noxam et furiaſ Ajacis Oïlei?

Сколько Юнона старалась уважить величество мщенїя, столько она старается уменьшить онаго причину. Это было простое только погрѣшенїе, *noxa*, или еще меньше что нибудь, погрѣшенїе не вольное; *furias*, учиненное въ сильномъ волненїи страсти, въ которомъ человѣкъ самъ

самъ собою обладать не можетъ: напослѣдокъ, погрѣшенїе одного только человѣка. *Vnius ob noxam et furias Ajacis Oïlei.*

Ipsa Iouis rapidum jaculata e nubibus ignem, Disjecitque rates, euertitque æquora ventis. Мщенїе казалось бы не совершенно, ежелибъ Паллада не исполнила оное собственными своими руками: *ipsa.* Сїе слово показываетъ, что она вкусила всю прїятность онаго. *Rapidum jouis ignem jaculata*: изрядной Перифразисъ громовой стрѣлы! *e nubibus.* Сїе обстоятельство не ненужно. Изъ самой то средины облаковъ, гдѣ состоитъ Юнонино владѣнїе, Паллада спустила сей мстительной и смертоносной огнь, которой учинилъ толикое пораженїе во флотѣ Локрянъ.

Illum expirantem trensfixo pectore flammas Turbine corripuit scopuloque infixit acuto. Цѣлой флотъ разбросанной и сожженной не удовольствовалъ бы еще Палладу, естьлибъ она не поразила своею собственною рукою несчастнаго Аякса, предмѣта своего гнѣву, и естьлибъ не оставила его воткнутаго на остроконечную гору.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ. *А я не могу до того дойти, чтобъ погубить Троянъ.* Мы примѣтили, говоря о Палладѣ, что Юнона довольствовалась тѣмъ, чтобъ сказать, *Pallas-ne*, не уважая имени сея Богини ни какимъ прилагательнымъ. Она не такъ уже изъясняется говоря о себѣ

 самой.

самой. *А я*, говоритъ она, *Царица Боговъ, я, которая есмь сестра и супруга Юпитера.* Вотъ что заключается въ семъ словѣ, *ego.* Разность чувствительна. Стихотворецъ намъ показываетъ съ одной стороны Палладу такъ какъ одну только, безъ силы, безъ отмѣны; *Pallas-ne*; съ другой онъ представляетъ Юнону яко окруженную славою, могуществомъ, величественностію: *Ast ego, quæ diuûm incedo regina, Iouisque et soror et conjux.* Здѣсь не минуютъ показывать ученикамъ пристойность сего слова *incedo*, которое приличествуетъ совершенно величественной поступкѣ Царицы и Богини: *Et vera incessu patuit dea*; и нарочное повтореніе союза, дабы сильнѣе изъявить двоякое качество сестры и супруги: *et soror et conjux.* У Горація Юнона говоритъ почти такимъ же образомъ, когда она объявляетъ, что естьли захотятъ возстановить Трою, то она сама будетъ предводительницею арміи, дабы раззорить сей городъ, вѣчной предмѣтъ ея ненависти.

Trojæ renascens alite lugubri
Fortuna tristi clade iterabitur.
Ducente victrices cateruas
Conjuge me Iouis et sorore.

Vna cum gente tot annos Bella gero. Юнона не смотря на все свое величество и силу, не смотря на качества Царицы Боговъ, сестры, и супруги Юпитера, видитъ съ

во-

болѣзнїю себя сражающуюся съ единымъ народомъ, и столько лѣтъ, *vna cum gente tot annos* : (изрядное противуположенїе!) и истощающую противъ его безполезно всѣ свои силы, *bella gero.*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. *Et quisquam numen Junonis adoret Praeterea, aut supplex aris imponat honorem!* Болѣзнь, досада, мщенїе изъявляются равнымъ образомъ въ сихъ словахъ исполненныхъ жару и гнѣва. По таковой обидѣ Юнона взираетъ на себя такъ какъ совсемъ на обезчесченную, лишенную чина Богини, учинившуюся предмѣтомъ будущаго презрѣнїя Боговъ и людей. Всякъ чувствуетъ, какую силу имѣютъ здѣсь вопросъ и восклицанїе. Ежелибъ откинуть сїи фигуры, тобъ таже самая мысль не перемѣняя ни слова, учинилась слабою и холодною.

Стихотворецъ не безъ причины сказалъ, что Богиня, произнося сїю рѣчь, имѣла сердце воспламененное и объятое гнѣвомъ. *Talia flammato secum Dea corde volutans.* Все тутъ одушевленно : все исполнено жару: все отзывается стремленїемъ и жадностїю къ отмщенїю.

§. III. Не возможно сообщить молодымъ людямъ всѣхъ правилъ о Поэзїи; сїя матерїя очень пространна, и требуетъ много времени; но не пристойно такъ же и то, чтобъ они ихъ совсемъ не знали, и чтобъ выходили изъ коллегїи

О различныхъ родахъ поэмы.

гіи не имѣя никакого понятія о различныхъ родахъ поэмъ, и о правилахъ, кои имъ собственны.

Г. Голїеръ, Профессоръ коллегіи Плеси Сорбонской, человѣкъ весьма искусной и трудолюбивой, издалъ не давно въ свѣтъ книжку о Поэтикѣ. Я еще не читалъ ее, однакожъ намѣреніе сочинителя мнѣ кажется очень изрядно. Онъ въ ней предлагаетъ *Піитическія правила взятыя изъ Аристотеля, Горацїя, Депро, и изъ другихъ славныхъ писателей.* Полезно имѣть такую книгу, въ коей бы можно было найти самыя твердыя разсужденія о матеріи, которой учители не могутъ изъяснить подробно и совершенно въ классахъ, и о которой, желательно, чтобъ ученикамъ сообщено было нѣкоторое свѣденіе.

Поэма раздѣляется обыкновенно на Епическую и Драмматическую. Первая состоитъ въ повѣсти, и въ ней говоритъ Стихотворецъ. Вторая содержитъ дѣйствіе представляемое на ѳеатрѣ, такъ что Стихотворецъ влагаетъ рѣчь въ уста тѣхъ особъ, кои на ономъ показываются.

Слѣдуя сему раздѣленію основанному на Греческихъ словахъ ἔπος и δρᾶμα, кои себѣ взаимно противуполагаются, большая поэма Епическая, яко знатнѣйшій видъ, присвояетъ себѣ въ общемъ упо-

тре-

потребленіи имя своего роду такъ какъ случается во многихъ другихъ матеріяхъ
Къ роду Епической поэмы относятся (а) многоразличные виды поэмы: Идиліи, Сатиры, Оды, Епиграммы, Елегіи, и проч. а поэма драмматическая заключаетъ въ себѣ трагедію и комедію.

Надлежитъ, чтобъ молодые люди имѣли понятіе о всѣхъ сихъ различныхъ сортахъ поэзіи. Второй, да Риторической классы суть тѣ, въ коихъ должно подавать сіи наставленія. Наука Стихотворческая Горація, которую толкуютъ обыкновенно въ Риторикѣ въ каждой годъ, подастъ случай обучать учениковъ всему тому, что они долженствуютъ знать о сей матеріи.

Но чтеніе самыхъ Стихотворцовъ будетъ имъ гораздо полезнѣе, нежели всѣ правила, которыя можно имъ предписать.

Обыкновенно начинаютъ Овидіемъ, и сето не безъ довольной причины. Сей Стихотворецъ весьма способенъ къ тому, чтобъ заохотить къ поэзіи, и чтобъ подать удобность, изобрѣтеніе, изобиліе.

(а) О. *Ювенси, котораго не льзя подозрѣвать въ невѣденіи сихъ матерій, въ книгѣ своей* de ratione discendi et docendi, *относитъ такъ же къ эпической поэмѣ множество различныхъ не большихъ поэмъ.*
Ad Epicum Poëma reuocantur varia poëmatia . . . ut Idyllia, Satyræ, Odæ, Eclogæ, Epigrammata, Elegiæ, etc pag. 184.

ліе. Особливо его *Препращенія* могутъ быть очень пріятны для великой разности въ нихъ царствующей. Не надобно въ немъ искать сего совершенства, сей исправности, сей чистоты вкуса, кои находятъ въ Виргиліѣ. Онъ часто бываетъ очень пространенъ въ своихъ повѣствованіяхъ; и даетъ излишную вольность своему разуму; но онъ имѣетъ такъ же прекрасныя мѣста и можетъ быть весьма полезенъ для начинающихъ. *Nimium amator ingenii sui, laudandus tamen in partibus.* Самыя его погрѣшности, коихъ прилѣжной учитель не преминетъ показать ученикамъ, послужатъ имъ столькожъ почти, какъ и красоты, которымъ они будутъ въ немъ удивляться: наипаче когда придутъ въ состояніе сравнивать Овидія съ Виргиліемъ.

Quintil. Lib. 10. cap. 1.

Сей последній составляетъ наибольшее упражненіе классовъ; да это есть и совершенной образецъ, котораго одного довольно къ направленію вкуса.

Въ нихъ толкуются такъ же Горацій и Ювеналъ; и сіи Писатели оба превосходные, хотя въ различномъ родѣ, весьма заслуживаютъ имѣть тутъ свое мѣсто.

Я бы хотѣлъ, чтобъ присовокуплены къ тому были нѣсколькія Трагедіи Сенеки, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя отборныя мѣста его Трагедій; я говорю о тѣхъ, кои суть точно его. Въ нихъ

удобно узнаютъ штиль Писателя; то есть, найдутъ удивительныя мѣста, исполненныя живости и жару, но не всегда имѣющія всю исправность и совершенство, которыхъ бы желать можно было.

Не худобъ может статься было, особливо въ Риторикѣ, читать нѣкоторыя мѣста Лукана, Клавдіана, Силія Италикскаго, Стацїя, и сносить ихъ съ Виргиліемъ, дабы приучить учениковъ познавать различїе штилей. Пятая книга Поэтики Скалигеровой можетъ быть въ семъ случаѣ нѣкоторымъ вспоможенїемъ. Тутъ находятся многїя частицы Латинскихъ Стихотворцовъ объ однихъ и тѣхъ же матерїяхъ, на примѣръ о погодѣ, о заразѣ, и проч.

Я не вѣдаю, для чего не употребляютъ въ классахъ одной книги, которая однакожъ очень бы годилась для молодыхъ людей; она имѣетъ сїю надпись: *Epigrammatum Delectus.* Такое собранїе не преминулобъ понравиться для красоты и разности Епиграммъ, кои въ немъ находятся: мнѣ кажется, что сими то краткими и отдѣленными пїэсами и надлежалобъ наполнять ихъ память. Новое изданїе сей книги не былобъ безполезно для коллегїй; но надлежалобъ учинить нѣсколькїя перемѣны; и можнобъ было употребить въ пользу нѣкоторыя размышленїя О. Вавассера Iезуита въ изряд-

изрядной критикѣ, которую онъ издалъ на сїе небольшое сочиненїе.

Я ничего не говорю о правилахъ Французкой поэзїи, за тѣмъ что различныя екзерцицїи классовъ не оставляютъ довольно времени къ обученїю онымъ учениковъ, и что въ прочемъ чтенїе нашихъ Стихотворцовъ моглобъ для ихъ быть опасно по многимъ причинамъ, но особливо по той что какъ оно не требуетъ ни малаго труда съ ихъ стороны, и представляетъ однѣ только розы безъ тернїя, тобъ надлежало бояться, чтобъ оно ихъ не отвратило отъ другихъ ученїй труднѣйшихъ и меньше прїятныхъ, но несравненно полезнѣйшихъ и болѣе нужныхъ. Придетъ такое время, въ которое они возмогутъ читать Французскихъ Стихотворцовъ не токмо безъ опасности, но и еще съ великимъ плодомъ; ибо это не пристойнобъ было, чтобъ заняты будучи единственно изученїемъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, и не любопытвуя познакомиться съ сочинителями своей стороны, они пребывали всегда иностранцами въ своемъ собственномъ отечествѣ. Сїе чтенїе, дабы оно полезно было, требуетъ разсудительнаго выбору, и благоразумныхъ предосторожностей, наипаче, что касается до благонравїя.

О

О ЧТЕНІИ

ОМИРА.

Немного есть Писателей въ языческой древности, которыхъ бы чтеніе могло быть полезнѣе молодымъ людямъ, нежели чтеніе Омира; и етобъ значило недостатокъ въ попеченіи объ нихъ, естлибъ не давали имъ ни малаго свѣденія о такомъ сочиненіи, которое Александръ Великой считалъ самымъ рѣдкимъ и драгоцѣннымъ произведеніемъ человѣческаго разума. Польза, которую можно получить отъ онаго, состоитъ или въ превосходствѣ Омировой поэзіи весьма способной къ направленію вкуса молодыхъ людей; или въ различномъ родѣ наставленій тамъ разсыпанныхъ въ разсужденіи древнихъ обыкновеній, нравовъ, и закона. Я буду говорить порознь о сихъ двухъ частямъ.

Plin in Hist. Nat. lib. 7. cap. 29.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Превосходство Омировыхъ поэмъ.

Великолѣпная похвала, которую Горацій дѣлаетъ двумъ Омировымъ поэмамъ, предпочитая ихъ въ разсужденіи наставленія книгамъ искуснѣйшихъ Философовъ, не показалась чрезмѣрною. Инаковы суть похвалы, которыя ученые всѣхъ вѣковъ одинъ передъ другимъ на него истощали, чтобъ уважить превосходство его поэзіи. Многія особы, въ протчемъ весьма почтенныя для ихъ разума и знанія, думали объ ней совсемъ иначе и усиливались невѣроятнымъ образомъ унизить въ разумѣ людей, и привесть въ презрѣніе сего Стихотворца столь давно и столь обще почитаемаго.

Опасно, чтобъ такія предразсужденія не овладѣли молодыми людьми, тѣмъ наипаче, что они начинаютъ читать Омира въ такомъ возрастѣ, которой болѣе способенъ къ чувствованію трудностей и несовершенствъ сего Стихотворца, нежели ко вкушенію его красотъ. Дабы предупредить сію невыгоду, я счелъ себя обязаннымъ учинить особенно нѣсколькія разсужденія о способѣ, которымъ должно его толковать юношеству. Я начну положеніемъ нѣсколькихъ правилъ, которыябъ могли имъ служить основаніями къ тому, чтобъ дѣлать справедливой судъ объ Омирѣ. Потомъ приведу нѣсколько мѣстъ изъ сего Стихотворца, которыхъ

торыхъ отвѣдаю показать имъ изрядство и краснорѣчіе.

Правила, кои могутъ служить юношеству основаніями, дабы судить здраво объ Омирѣ.

I. Прежде всего молодые люди долженствуютъ избѣгать пороку очень обыкновеннаго ихъ сверстникамъ, кои считаютъ себя умняе другихъ потому, что они болѣе упражнялись въ ученіи и болѣе читали. Сей порокъ состоитъ въ томъ, что они судятъ, рѣшатъ, дѣлаютъ приговоръ самовластнымъ голосомъ: а иногда еще и въ присутствіи искусныхъ людей, которыхъ бы пристойно имъ было ожидать рѣшенія, а не предупреждать оное. Они думаютъ, что чрезъ сей видъ избыточества они привлекаютъ себѣ почтеніе, но вмѣсто того презирать себя заставляютъ. Скромность, умѣренность, недовѣреніе своему просвѣщенію долженствуютъ быть характеромъ сего возраста, и составляютъ всю онаго честь. Они могутъ объявлять свои сумнѣнія, предлагать трудности, и вопрошать съ учтивостію тѣхъ, которыхъ лѣта и искуство приводятъ въ состояніе давать имъ въ томъ изъясненіе. Ето есть наставленіе, которое подаетъ имъ молодой Телемакъ въ Одиссеѣ. Онъ былъ близъ дому Несторова, и спрашивается у Мантора Гоф- Lib. 3. v. 23. 24.

 мей-

мейстера своего, какъ ему должно тамъ поступить. „Я не научился еще, говоритъ онъ ему, хорошо изъясняться, а „при томъ и непристойно молодому чело„вѣку, какъ я, вопрошать очень вольно „старика почтеннаго, каковъ Несторъ.

Οὐδέ τί πω μύθοισι πεπείρημαι πυκινοῖσιν.
Αἰδὼς δ' αὖ νέον ἄνδρα γεραίτερον ἐξερέεσθαι.

II. Сія умѣренность еще нужнѣе бываетъ когда надобно критиковать Писателей перваго классу. Удобно прощаются человѣку плѣнившемуся красотами его Писателей излишнія и неизмѣрныя похвалы, которыя онъ имъ иногда приписываетъ будучи въ нѣкоемъ изумленіи причиненномъ отъ удивленія, которое его восхищаетъ. Ето есть порокъ общій всѣмъ тѣмъ, кои пристращаются, порокъ, которой исправляется опытомъ и разумомъ, и которой въ протчемъ происходитъ отъ добраго расположенія, и не дѣлаетъ ни кому обиды. Напротивъ того всякой разсудительной человѣкъ, наипаче, естьли онъ въ такомъ возрастѣ, которой малое искуство и опасеніе обмануться долженствуютъ учинить боязливѣе, будетъ хранить строго сіе столь
Lib. 10. cap. 1. благоразумное правило, кое подаетъ Квинтиліанъ, когда дѣло касается до охужденія великихъ людей: „Надлежитъ дѣ„лать приговоръ съ особливою умѣренно„стію и осторожностію о сихъ писате„ляхъ,

,,ляхъ, которыхъ достоинство столь ,,сильно утвердилось; дабы намъ не случилось, такъ какъ многимъ, охуждать ,,то, чего мы не разумѣемъ.

III. Размышленïе Господина Депро о томъ, какъ надлежитъ судить о великихъ мужахъ древности, почерпнуто изъ добраго смыслу, и долженствуетъ тронуть всякаго разумнаго и непредупрежденнаго человѣка. ,,Когда, говоритъ онъ, Писатели были въ почтенiи чрезъ множество вѣковъ, ,,и не презирались никѣмъ кромѣ нѣсколькихъ вздорнаго вкусу людей, (ибо всегда сыскиваются испорченные вкусы) ,,тогда не только безразсудно, но и безумно сумниться о достоинствѣ сихъ ,,Писателей. Естлижъ ты не видишъ красотъ въ ихъ письмахъ, то не надобно ,,заключать, что ихъ тамъ нѣтъ, но ,,что ты слѣпъ, и не имѣешъ вкусу. Самая ,,большая часть людей чрезъ продолжительное время не обманывается въ произведенïяхъ разума. Не для чего нынѣ спрашивать, чудные ли суть люди Омиръ, ,, Платонъ, Цицеронъ, Виргилïй? Это ,,есть неоспоримо потому, что дватцать ,,вѣковъ въ томъ были согласны. Надобно ,,только знать, въ чемъ состоитъ сïе чудо, которому удивлялись столь многïе ,,вѣки; надобно сыскать средство, чтобъ ,,видѣть оное, или отказаться отъ Словесныхъ Наукъ, къ которымъ, ты дол-

Въ размышленïи 7. на Лонгина

„женъ счесть, что не имѣешъ ни склон-
„ности, ни способности, за тѣмъ что
„не чувствуешъ того, что чувствитель-
„но было всѣмъ людямъ.

IV. Изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ надлежало считать сихъ превосходныхъ Писателей крайне совершенными, и безъ всякаго пороку. Они суть великiе люди, однакожъ всё люди, и слѣдовательно подвержены иногда ошибкамъ и заблужденiю. И такъ надобно согласиться чистосердечно, да и самые ревностные защитники Омира часто въ томъ признавались, что въ семъ Стихотворцѣ находятся нѣсколькiя мѣста слабыя, недостаточныя, волочащiяся, нѣкоторыя рѣчи очень продолжительныя, описанiя очень иногда подробныя, повторенiя скучныя, прилагательныя весьма общiя, сравненiя, кои часто возвращаются, и невсегда кажутся довольно благородны. Но всѣ сiи недостатки прикрываются и заглаживаются безконечнымъ множествомъ неподражаемыхъ прелестей и красотъ, кои трогаютъ, кои поражаютъ, кои въ восхищенiе приводятъ; и тогда сiи недостатки не даютъ права лищать сочиненiе и сочинителя почтенiя, которое имъ принадлежитъ по сему столь благоразсудному правилу Горацiя:

Verum ubi plura nitent in carmine, non ego paucis Horat.
Offendar maculis, quas aut incuria fudit, de Art.
Aut humana parum cavit natura. Poët.

V. Но надлежитъ остерегаться, чтобъ не приписать Омиру пороковъ, которые находятся только въ умѣ предупрежденныхъ или незнающихъ Критиковъ. Такимъ то образомъ многїе не терпятъ нѣкоторыхъ словъ, которыя имъ кажутся низки и подлы, какъ напримѣръ *котелъ*, *железной горшокъ*, *жиръ*, *внутренняя*, и другїя подобныя попадающїяся довольно часто въ Омирѣ, коихъ бы мы не могли сносить въ своихъ Стихотворцахъ, ниже въ Ораторахъ.

Надлежитъ, какъ примѣчаетъ г. Депро, котораго здѣсь я списываю: „Надлежитъ имѣть въ памяти, что слова „различныхъ языковъ не всегда точно со„отвѣтствуютъ одни другимъ, и что „Греческое какое нибудь весьма благород„ное слово не можетъ часто быть выра„жено во Французскомъ какъ словомъ весь„ма подлымъ. Сїе видно изъ словъ *Asinus* „въ Латинскомъ, *âne оселъ* во Францу„скомъ, которыя суть крайне подлы въ „обоихъ сихъ языкахъ, хотя слово, кое „значитъ сїе животное, не имѣетъ ни„чего подлаго ни въ Греческомъ, ни въ „Еврейскомъ, гдѣ оно употребляется въ „самыхъ великолѣпныхъ мѣстахъ. Тожъ „сказать должно о словѣ *mulet лошакъ* и „о другихъ многихъ.„ Разм .9.

П 4 „Въ

„Въ самомъ дѣлѣ каждой языкъ имѣ-
„етъ свой, такъ сказать, вздоръ, но
„Французской особливо своенравенъ въ раз-
„сужденіи словъ, и хотя онъ изобиленъ
„прекрасными словами для нѣкоторыхъ
„матерій, но для другихъ онъ очень не-
„достаточенъ; есть множество маловаж-
„ныхъ вещей, коихъ онъ не можетъ на-
„звать благородно. Такъ напримѣръ, хо-
„тя онъ въ самыхъ высокихъ мѣстахъ
„называетъ безъ оподленія себя, *un mouton*,
„*une chevre*, *une brebis*, *баранъ коза*, *овца*,
„однакожъ онъ не можетъ безъ униженія
„себя назвать въ слогѣ хошь немношко
„возвышенномъ, *un veau*, *une truye*, *un co-*
„*chon*, *теленокъ*, *свинья*, *боровъ*. Слово
„*genisse*, *телица* довольно хорошо во Фран-
„цускомъ, а наипаче въ Еклогѣ; а *vache*
„*корова* не можетъ терпѣться. *Pasteur*,
„пастухъ, и *berger* *овчаръ* прекрасны,
„но *gardeur de pourceaux*, *свинопасъ* или *gar-*
„*deur de boeufs*, *бычачей пастухъ* очень
„страмны. Напротивъ того нѣтъ мо-
„жетъ быть въ Греческомъ языкѣ луч-
„шихъ словъ, какъ *συβώτης* и *βȣκόλος*, кои
„отвѣтствуютъ онымъ двумъ словамъ
„Французскимъ; и для того що Виргилій
„надписалъ свои Еклоги симъ пріятнымъ
„именемъ, *Вуколики*, которое однакожъ
„значитъ на нашемъ языкѣ по точности,
„*разговоры бычачьихъ пастуховъ*.„

Изъ сего видна несправедливость
тѣхъ, „кои приписываютъ Омиру под-

„лости его переводчиковъ, и кои его „обвиняютъ тѣмъ, что онъ говоря по Гречески не очень благородно говорилъ по „Латыни и по Французски". Ето весьма примѣчанія достойно, что во всей древности „не учинено въ томъ (то есть, въ „подлости словъ) никакова укоренія Омиру, хотя онъ сочинилъ двѣ Поэмы, изъ „которыхъ каждая больше Енеиды, и „хотя нѣтъ ни одного писателя, который бы входилъ иногда въ большую подробность, ниже которой бы болѣе былъ „охотникъ говоритъ о маловажныхъ вещахъ, какъ сей Стихотворецъ, который употребляетъ всегда благородныя, „или хоть и нискія слова; но съ такимъ искуствомъ и раченіемъ, что онъ „ихъ превращаетъ въ благородныя и „стройныя, какъ примѣчаетъ Діонисій „Галикарнаской.

VI. Другой источникъ несправедливыхъ критикъ на Омира есть предразсужденіе, которое мы имѣемъ очень часто о обычаяхъ, употребленіяхъ, и манерахъ нашего вѣку и страны, что причиняетъ, что мы удобно отвращаемся отъ столь глубокодревнихъ, кои были простѣе и сходственнѣе съ натурою. Ето бываетъ намъ противно, что мы видимъ въ Омирѣ, что Князья изготовляютъ сами для себя пиры, Ахиллесъ отправляетъ у него самыя рабскія должности, сыновья наибольшихъ госу-

дарей пасутъ стада, Княжны ходятъ сами мыть бѣлье на рѣку, и черпать воду въ источникѣ.

Но невидно ли такъ же въ Писанїи, что Авраамъ, господинъ великаго числа рабовъ, бѣгаетъ самъ въ конюшну; Сарра, которая имѣла столько служанокъ, печетъ сама хлѣбъ; Ревекка и Рахиль, не взирая на нѣжность ихъ полу несутъ на своихъ плечахъ тяжелое ведро наполненное водою; Саулъ и Давидъ, и въ то самое время, какъ они получили уже царское помазанїе, упражняются еще въ пасенїи стадъ?

Разумъ, здравое разсужденїе, и справедливость требуютъ, чтобъ читая древнихъ писателей мы переносили себя во времена и страны, о коихъ они говорятъ; и чтобъ по несправедливѣйшей вздорности разума не впадали въ предразсужденїя противъ древнихъ обыкновенїй, за тѣмъ, что они противны нашимъ: что не меньше безразсудно, какъ естьлибъ мы по слѣпому прилеплѣнїю къ модамъ своего народа считали одежды всѣхъ другихъ народовъ смѣшными. Въ протчемъ думаетъ ли кто, чтобъ сїе деликатство, сїя нѣжность, сїя роскошь, коими заразились послѣдовавшїи вѣки, столь много заслуживали предпочтенїе передъ счастливою простотою первыхъ временъ, которая была драгоцѣннымъ остаткомъ древней безпорочности?

VII.

VII. Чтожъ касается до истинныхъ погрѣшностей, кои находятся въ Омирѣ, то справедливость и правой разумъ требуютъ, чтобъ онѣ ему прощены были для безчисленныхъ красотъ, кои въ немъ попадаются. Лонгинъ разсматривая, должно ли предпочесть посредственное совершенное высокому, которое имѣетъ нѣкоторые недостатки, установляетъ правило, о которомъ я говорю, и приводитъ на то доказательство изъ самаго естества сего роду сочиненій. „Что до меня касается, „говоритъ онъ, то я считаю, что не „обыкновенное величество не имѣетъ „естественно чистоты посредственна„го . . . Высокое подобно безмѣрному бо„гатству, въ которомъ не можно всего „досмотрѣть и уберечь, и въ которомъ „надлежитъ, хотя или не хотя прене„бречь что нибудь. . . И потому про„должаетъ онъ, хотя я примѣтилъ въ „Омирѣ, такъ какъ и во всѣхъ славныхъ „писателяхъ мѣста, которыя мнѣ не „нравятся, однакожъ думаю, чтоето „суть такія погрѣшности, о которыхъ „они не пеклись, и коихъ не льзя соб„ственно назвать погрѣшностьми, но „надлежитъ просто счесть ошибками, и „небольшими нерадѣніями, кои у нихъ „случились; потому что ихъ разумъ, ко„торой стремился только къ великому, „не могъ останавливаться за мѣлочьми . . . „Все, что приобрѣтается чрезъ недѣла„ніе

Лонгин. въ разсуждені и о высок. гл. 27.

Гл. 30.

„ніе погрѣшностей, есть избѣжаніе охуж-
„денія; но великое заставляетъ себѣ уди-
„вляться. Что вамъ наконецъ сказать?
„Одно изъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ, одна
„изъ сихъ высокихъ мыслей, кои суть
„въ сочиненіяхъ превосходныхъ оныхъ
„Писателей, можетъ заплатить за всѣ
„ихъ пороки.

VIII Сіе правило можетъ много служить къ тому, чтобъ дѣлать справедливой судъ объ Омирѣ и Виргиліѣ. Я не знаю, прилично ли толкуя сихъ Стихотворцовъ юношеству, давать предпочтеніе одному передъ другимъ, и не благоразумнѣелибъ было оставлять сей вопросъ безъ рѣшенія, держа нѣкоторой родъ неутралитета. Можно довольствоваться тѣмъ, чтобъ показать различіе ихъ характера, представляя во всей ясности красоты обоихъ. Квинтиліанъ намъ сіе намѣкаетъ своею столь разсудительною рѣчью о сихъ двухъ великихъ Стихотворцахъ. Онъ учинилъ великолѣпную похвалу Омиру, въ которой онъ подаетъ въ краткихъ словахъ справедливое понятіе о удивительной разности слогу сего Стихотворца. *Въ важныхъ вещахъ, нѣтъ ничего выше, какъ его выраженіе; въ маловажныхъ, нѣтъ ничего собственнѣе. Пространенъ и тѣсенъ; важенъ и пріятенъ: равно удивителенъ своимъ изобиліемъ и краткостію.* Онъ приступаетъ

Quintil. Lib. 10. cap. 1.

послѣ

послѣ того къ Виргилїю, и приведъ (*) славную рѣчь Домитїя Афра славнѣйшаго Оратора своего времени, которой поставлялъ сего Стихотворца послѣ Омира, но весьма близко къ нему; онъ изображаетъ не во многихъ строкахъ характеръ котораго и другова такимъ образомъ, которой не оставляетъ, мнѣ кажется, ничего желать. Онъ признаетъ въ Омирѣ больше остроумїя и природы, а въ Виргилїѣ больше искуства и ученїя. Одинъ живѣе и возвышеннѣе, а другой исправнѣе и совершеннѣе. Тотъ поднимается сильняе, но не всегда сдерживается и часто ослабѣваетъ: а сей шествуетъ всегда одинакимъ шагомъ, и никогда не заблуждается. Такимъ образомъ Квинтилїанъ свѣшивая на вѣсахъ разума и правосудїя различныя качества сихъ двухъ великихъ мужей хочетъ по видимому чрезъ надлежащїя съ той и съ другой стороны вознагражденїя установить между ими нѣкоторое равенство. *Et hercle, ut illi naturæ, cælesti atque immortali cesserimus, ita curæ et diligentiæ vel ideo in hoc plus est quod ei fuit magis laborandum; et quantum eminentioribus vincimur, fortasse æquitate pensamus.*

IX

(*) Vtar verbis iisdem, quæ ex Afro Domitio juvenis accepi; qui mihi interroganti, quem Homero crederet maxime accedere, secundus, inquit, est Virgilius, propior tamen primo, quam tertio. *Ibid.*

IX. Наблюдая сїю благоразумную умѣренность весьма будетъ полезно заставить учениковъ сносить нѣкоторыя прекрасныя мѣста Виргилїя съ мѣстами Омира, съ коихъ тѣ скопированы. Ето уже есть великое преимущество для сего послѣдняго, что онъ служилъ тому образцомъ; и къ нему справедливо можно примѣнить то, что сказано о Демосѳенѣ въ разсужденїи Цицерона: *Cedendum in hoc quidem, quod et ille prior fuit, et ex magna parte Ciceronem, quantus est, fecit.* Изъ двухъ Омировыхъ Ироевъ Виргилїй сдѣлалъ одного только, въ которомъ онъ умѣлъ искусно соединить всѣ изрядныя качества разсыпанныя и раздѣленныя между Ироями Греческаго Стихотворца. Онъ взялъ изъ него такъже большую часть своихъ Епизодїй. Онъ занялъ у него великое число сравненїй. И въ етомъ можетъ найтись внутреннее нѣкое удовольствїе, чтобъ усматривать въ Латинскомъ Стихотворцѣ слѣды Стихотворца Греческаго, и открывать сїи драгоцѣнныя похищенїя, которыя дѣлаютъ честь равно какъ тому такъ и другому. Списокъ не можетъ иногда достичь до красотъ подлинника, а иногда его превышаетъ, и чрезъ удачливо прибавленныя къ нему черты дѣлается самъ подлинникомъ. Чтожъ касается до выраженїя, числа, паденїя, то Омиръ несказанное имѣетъ преимущество. Ето весьма нехудо, чтобъ прїучать заранѣе уши

Quintil. Lib. 10. cap. 1.

юно-

юношества къ чувствованїю сего прїятнаго и стройнаго согласїя, которое царствуетъ во всѣхъ его стихахъ и разсыпаетъ въ нихъ прелести неподражаемыя для всякаго другаго языка, кромѣ Греческаго.

Всякъ видитъ, что чтенїе Омира происходящее такимъ образомъ можетъ много способствовать къ направленїю вкуса; и ето заставляетъ меня думать, что въ классахъ, въ которыхъ недостаетъ времени видѣть всей съ ряду Поэмы, пристойнобъ было толковать одни только отборныя мѣста, и могущїя дать о семъ Стихотворцѣ надлежащее понятїе. Я хочу отвѣдать изтолковать нѣсколькїя мѣста сего роду.

Мѣста въ Омирѣ достойныя примѣчанїя для штиля и краснорѣчїя.

Я не долженъ здѣсь говорить много, дабы не распространить излишно моего сочиненїя, однакожъ трудно быть кратку говоря о красотахъ Омировыхъ. Я объявлю различные оныхъ роды, но такъ что не буду привязывать себя къ наблюденїю точнаго и правильнаго порядка.

I. ЧИСЛО И ПАДЕНIЕ.

Омиръ въ томъ удивителенъ, что онъ звукомъ и распоряженїемъ словъ, а иногда

иногда и выборомъ литеръ показываетъ свойство вещей, кои онъ описываетъ.

1. *Звукъ жестокой.*

Odys. IX. ἱςία δὲ σφιν
70. Τριχθά τε καὶ τετραχθὰ διέσχισεν ἲς ἀνέμοιο.

Нѣтъ ни одного человѣка, говоритъ г. Боавинъ, выхваляя красоту сего стиха, которой бы не счелъ, что онъ тутъ слышитъ шумъ паруса и вѣтру, которой его раздираетъ.

2. *Звукъ тихой и плавной.*

Напротивъ нѣтъ ничего плавнѣе, ничего стройнѣе, какъ то мѣсто, въ которомъ Стихотворецъ описываетъ сладкое и вкрадчивое краснорѣчіе Нестора.

Jl. 1. v. Τοῖσι, δὲ Νέςωρ.
247. Ἡδυεπὴς ἀνόρουσε, Λιγὸς, Πυλίων ἀγορητὴς,
Τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή.

„Несторъ, сіи краснорѣчивыя уста, „изъ которыхъ исходитъ гласъ пріятнѣе меду, сей обворожающій языкъ, „сей прелестной ораторъ Пилянъ, встаетъ поспѣшно, и становится между „двумя разгоряченными Князьями.„

3. *Тяжесть.*

Слѣдующіе стихи удивительно выражаютъ великія усилія, и отяготительной трудъ.

Καὶ

Καὶ μὴν Σίσυφον εἰσεῖδον, κρατέρ᾽ ἄλγε᾽ ἔχοντα, Odys. XI. v. 592.
Λᾶαν βαςάζοντα πελώριον ἀμφοτέρῃσιν.
Ἤτοι ὁ μὲν σκηριπτόμενος χερσίντε ποσίντε
Λᾶαν ἄνω ὤθεσκε ποτὶ λόφον. αλλ ὅτε μέλλοι
Ἄκρον ὑπερβαλέειν, τότ᾽ ἀποςρέψασκε κραταιὶς
Αὖτις, Ἔπειτα πέδονδε κυλίνδετο λᾶας ἀναιδής.
Ἀυτὰρ ὅγ᾽ ἄψ ὤσασκε τιταινόμενος κατα δ᾽ ἱδρὼς
Ἔρρεεν ἐκ μελέων, κονίηδ᾽ ἐκ κρατὸς ὀρώρει.

„Я видѣлъ еще Сизифа мучимаго же„стокими трудами. Онъ носилъ обѣими „руками ужасной и безмѣрной величины „камень. Скрѣпляясь всѣми своими сила„ми, напрягая жилистыя руки и ноги, „онъ катилъ впередъ камень къ верху „крутой горы, и въ то время, какъ уже „онъ приближался къ самой верьхушкѣ, „противная сила его оттаскивала, и ка„мень назадъ обращаясь катился съ при„скокомъ въ низъ на долину. Сизифъ его „опять катилъ съ такими же усилїями. „Всѣ его жилы натянуты были. Потъ „лился у него изо всего тѣла, и пыль „поднималась на воздухъ вкругъ его голо„вы.„

4. *Легкость.*

Въ слѣдующемъ мѣстѣ быстрота втораго стиха не равна ли быстротѣ коней, которыхъ бѣгъ Омиръ описываетъ?

Οἱοι τρώιοι ἵπποι, ἐπεςάμενοι πεδίοιο, Il. v. 222.
Κραιπνὰ μάλ᾽ ἔνθα καὶ ἔνθα διωκέμεν ἠδε φέβεσθαι.

Можетъ статься Виргилїй хотѣлъ выразить оную красоту въ семъ стихѣ,

Æn. 8.596. Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.

Съ какимъ изрядствомъ описываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ проворство и скорость Енеевыхъ лошадей.

Il. XX. v. 226.
Αἱ δ' ὅτε μὲν σκιρτῷεν ἐπὶ ζείδωρον ἄρουραν,
Ἄκρον ἐπ' ἀνθερίκων καρπὸν θέον, οὐδὲ κατέκλων.
Ἀλλ' ὅτε δὴ σκιρτῷεν ἐπ' εὐρέα νῶτα θαλάσσης,
Ἄκρον ἐπὶ ῥηγμῖνος ἁλὸς πολιοῖο θέεσκον.

Виргилїй весьма умѣлъ употребить въ пользу сїе мѣсто, описывая легкость Камиллы, и я не знаю, уступаетъ ли списокъ подлиннику.

Æn. 7. 808.
Illa vel intactæ segetis per summa volaret
Gramina, nec teneras cursu læsisset aristas!
Vel mare per medium fluctu suspensa tumenti
Ferret iter, celeres nec tingeret æquore plantas.

Но ничто не можетъ сравниться съ красотою описанїя, кое Омиръ представляетъ о шествїи Нептуна. Я здѣсь спишу только примѣчанїя г. Боавина. Сей Богъ былъ на островѣ Самоѳракїйскомъ. Его оружїе такъ какъ карета и лошади были въ Егисѣ городѣ Евбейскомъ, или Ахайскомъ. Давъ шага съ три онъ туда прибываетъ. Онъ вооружается, впрягаетъ коней, и отъѣжжаетъ. Нѣтъ ничего легче какъ его бѣгъ. Онъ летитъ по волнамъ. Стихи Омировы въ семъ мѣстѣ

мѣстѣ бѣгутъ еще скорѣе, нежели Богъ самой. Я ссылаюсь на читателей въ Греческомъ текстѣ, естьли они хоть мало умѣютъ различать легкость Дактиля съ тяжестiю Спондея.

Βῆ δ' ἐλάαν ἐπὶ κύματ᾽· ἄταλλε δὲ κήτε᾽ ὑπ᾽ αὐτῷ
Πάντοθεν ἐκ κευθμῶν, οὐδ᾽ ἠγνοίησεν ἄνακτα.
Γηθοσύνῃ δὲ θάλασσα διΐςατο τοὶ δ᾽ ἐπέτοντο
Ῥίμφα μάλ᾽, οὐδ᾽ ὑπένερθε διαίνετο χάλκεος
ἄξων.

Довольно имѣть только уши, чтобъ чувствовать быстроту кареты Нептуновой въ самомъ звукѣ перваго и двухъ послѣднихъ стиховъ, кои состоятъ изъ однихъ дактилей, выключая Спондея, которымъ всякой стихъ по необходимости оканчивается. Г. Депро преложилъ сiе мѣсто въ своемъ переводѣ Лонгина симъ образомъ:

Il attele ſon char, et montant fiérement;
Lui fait fendre les flots de l' humide élément.
Dès qu' on le voit marcher ſur ces liquides plaines;
D' aiſe on entend ſauter les peſantes balaines.
Leau frémit ſous le Dieu, qui lui donnela loi;
Et ſemble avec plaiſir reconnoître ſon Roi.
Cependant le char vole; etc.

то есть:

Карету заложивъ себя въ ней посаждаетъ,
И волны на двое онъ ею разсѣкаетъ.
Увидѣвъ, что Нептунъ самъ ѣдетъ на коняхъ,
Большiе прыгаютъ киты въ морскихъ водахъ.
Шумитъ подъ Богомъ симъ превлажная стихiя;

Которой подаетъ законы ей такія,
Угодно какъ ему; и кажется, шумя
Она что признаетъ власть своего Царя,
Межъ тѣмъ его летитъ карета и пр.

Ето правда, что Боаловы стихи удивительны; однакожъ надобно признаться, что они уступаютъ Греческимъ въ разсужденіи числа и стройности; которыхъ нашъ языкъ не столько принимаетъ, какъ Греческой и Латинской, по тому что онъ не имѣетъ такъ какъ сіи два языка, различія въ долгихъ и короткихъ, кои составляютъ стопы, и съ пріятностію перемѣняютъ паденіе. Не смотря на сей недостатокъ языка Французской Стихотворецъ умѣлъ изрядно въ семъ стихѣ,

D'aiſe on entend ſauter les peſantes balaines,

сдѣлать чувствительною скорость прыганія, и тяжесть ужасной рыбы, двѣ вещи совсемъ противныя удачливо выраженныя звукомъ словъ, и паденіемъ стиха, которой поднимается скоро, а опускается съ тяжестію.

II. ОПИСАНІЯ.

Сказываютъ, что Омиръ былъ слѣпъ. Однакожъ его Поэзія походитъ болѣе на живопись, нежели на Поэзію; столько то онъ умѣетъ рисовать живо, и полагать предъ глазами читателя изображенія всего того, что онъ предпринимаетъ описывать.

1. Ето неудивительно, что сей стихотворецЪ, одушевляющїй и самыя бездушныя существа, представляетЪ намЪ коней АхиллесовыхЪ столь сокрушающихся о смерьти Патрокла. ОнЪ ихЪ описываетЪ послѣ сего пагубнаго приключенїя неподвижными, повѣсившими голову, волочащими гривы по праху и пыли, и проливающими горькїя слезы вЪ великомЪ множествѣ.

Οὔδει ἐνισκήψαντε καρήατα· δάκρυα δέ σφιν. Il. XVII.
Θερμὰ κατὰ βλεφάρων χαμάδις ῥέε μυρομένοισιν, 437.
Ηνιόχοιο πόθῳ· θαλερὴ δὲ μιαίνετο χαίτη,
Ζεύγλης ἐξεριποῦσα παρὰ ζυγὸν ἀμφοτέρωθεν.

Описанїе, которое дѣлаетЪ Виргилїй о болѣзнованїи одного коня, хотя и короче, однакожЪ не меньше живо.

Post bellator equus positis insignibus Aethon Æn. 11. 89.
It lacrimans, guttis que himectat grandibus ora.

Возможно ли лучше описать слезы коня, какЪ чрезЪ сїи послѣднїя слова? ПоставЪ *lacrymis* вЪ мѣсто *guttis grandibus*, то изображенїе пропадаетЪ.

2. Огнь ярости сверкаетЪ вЪ сихЪ стихахЪ Омира такЪ какЪ вЪ очахЪ Агамемнона, котораго гнѣвЪ онЪ описываетЪ.

Μένεος δὲ μέγα φρένες ἀμφιμέλαιναι Iliad. I.
Πίμπλαντ᾽, ὄσσε δέ οἱ πυρὶ λαμπετόωντι ἐΐκτην. 103.

„Черная желчЪ возбуждала вЪ немЪ „сильной гнѣвЪ: глаза его подобились „сверкающему пламени.“ Горацїй подражалЪ Ode. 13. lib. 1.

жалъ первому стиху : *feruens difficili bile tumet iecur*, а Виргилій второму :

Totoque ardentis ab ore
Æn. 12. 10. 1. Scintillæ absistunt : oculis micat acribus ignis.

3. Киваніе величественной главы, коимъ Юпитеръ колеблетъ небеса, извѣстно всему свѣту.

Iliad. 1. 528. Ἦ, καὶ, κυανέῃσιν ἐπ᾽ ὀφρύσι νεῦσε κρονίων.
Ἀμβρόσιαι δ᾽ ἄρα χαῖται ἐπερρώσαντο, ἄνακτος,
Κρατὸς ἀπ᾽ ἀθανάτοιο· μέγαν δ᾽ ἐλέλιξεν Ὄλυμπον.

„При сихъ словахъ Сатурновъ сынъ „поводитъ своими черными бровями. Свя„щенные власы Царя Боговъ встряхива„ются, и становятся дыбомъ на безсмерт„ной его главѣ, и весь Олимпъ колеблет„ся отъ сего ужаснаго знаку.

Сіе мѣсто списано превосходнѣйшими стихотворцами.

Virg. Annuit et totum nutu tremefecit Olympum.
Ovid. Terrificam capitis concussit terque quaterque
Cæsariem, cum qua terras, mare, sidera mouit.
Horat. Regum verendorum in proprios greges,
Reges in ipsos imperium est iouis,
Clari giganteo triumpho,
Cuncta supercilio mouentis.

Сіи три стихотворца по видимому раздѣлили между собою три стиха Омировы, и три обстоятельства въ нихъ употребленныя. Виргилій избралъ киваніе головы, Овидій встряхиваніе волосъ, а Горацій движеніе бровей.

4. Описаніе сраженія Боговъ есть одно Il. lib. XX.
изъ великолѣпнѣйшихъ, кои находятся
въ Омирѣ. Когда Греки и Трояне во всей
уже были готовности къ сраженію, то
Юпитеръ позволилъ Богамъ сходить съ
неба, мѣшаться въ сраженіе, и брать
каждому сторону, которую захочетъ. И
такъ они раздѣляются, и готовятся къ
учиненію сраженія; „Тогда Верьховный
„повелитель Боговъ и людей гремитъ съ
„высоты неба. Съ другой стороны Неп-
„тунъ поднимая волны колеблетъ землю
„и верьхи горъ. Высокая гора Ида тря-
„сется даже въ своихъ основаніяхъ. Троя,
„мѣсто бою, и корабли шатаются отъ
„сильныхъ зыбей. Адской Царь устра-
„щенный подъ самою землею бросается
„съ своего престола, и восклицаетъ
„въ ужасѣ, въ коемъ онъ находится,
„чтобъ Нептунъ ударомъ своего трезуб-
„ца неразверзъ земли покрывающей тѣ-
„ни, и чтобъ сіе ужасное жилище, гдѣ
„вѣчно обитаютъ мракъ и смерть, и ко-
„тораго страшатся не токмо люди, но и
„самые Боги, не впустило въ первой разъ
„свѣту, и не оказалось наружу; таковъ
„то есть шумъ, которой причиняютъ
„сіи Боги выступающіе одни противъ
„другихъ.„ Сей переводъ госпожи Дассіер-
ши сколь ни совершенъ и сколь ни бла-
городенъ, не можетъ выразить строй-
ности и красоты Греческихъ стиховъ.

 Госпо-

Господинъ Депро, какъ я уже упомянулъ, перевелъ частицу сего мѣста:

L' enfer s' émeut au bruit de Neptune enfurie.
Pluton ſort de ſon trône, il pâlit, il s' écrie:
Il a peur, que ce Dieu, dans cet affreux ſéjour
D' un coup de ſon trident ne faſſe entrer le jour,
Et par le centre ouuert de la Terre èbranlée,
Ne faſſe voir du ſtyx la rive déſolée;
Ne découvre aux viuans cet empire odieux,
Abhorré des mortels, et craint même des Dieux.

то есть:

Подвигнулся весь Адъ, Нептунъ какъ зашумѣлъ.
Плутонъ съ престола всталъ и въ блѣдности вопѣлъ;
Боясь, чтобъ въ его ужасные чертоги
Не сдѣлалъ свѣту сей Трезубцомъ Богъ дороги,
Чтобъ чрезъ отверстїе всколебанной земли
Бреговъ не показалъ онъ Адской всѣмъ рѣки;
И область чтобъ его открыть не покусился,
Которой человѣкъ и Богъ всегда страшился.

Францускїе стихи очень изрядны, однакъ гораздо ниже Греческихъ. Я разсмотрю только одинъ изъ оныхъ.

Плутонъ съ престола всталъ, и въ блѣдности вопѣлъ.

Слово *вставать*, котороебъ прилично было Плутону, естлибъ онъ сходилъ спокойно со своего престола, здѣсь очень слабо, и со всемъ негодно. Сей Богъ *блѣднѣетъ* по востанїи съ престола. Не ужели блѣдность приходитъ столь тихо, и не есть ли она первымъ и самымъ скорымъ дѣй-

дѣйствїемъ страху? Греческой стихъ имѣетъ не такую живость: Δείσας δ' ἐκ θρόνου ἆλτο, καὶ ἴαχε. *Испужавшись онъ бросается со своего престола, и кричитъ.* Какъ выразить въ другомъ языкѣ сїе остановчивое паденїе, Δείσας δ' ἐκ θρόνου ἆλτο, которое одно показываетъ поспѣшное и торопливое движенїе сего Бога? Виргилїй отвѣдалъ подражать части сего прекраснаго мѣста Омирова, но онъ еще далеко не дошолъ до красоты подлинника.

Non ſecus ac ſi qua penitus vi terra dehiſcens Æn. 8.
Infernas reſeret ſedes, et regna recludat 243.
Pallida Diis inviſa; ſuperque immane barathrum
Cernatur, trepidentque immiſſo lumine manes.

Кромѣ многихъ другихъ различїй, у Виргилїя тутъ не иное что находится кукъ сравненїе, что дѣлаетъ описанїе слабымъ и холоднымъ вмѣсто того, что у Омира самое есть дѣйствїе, что совсемъ инакую имѣетъ живость и одушевленїе.

5. Мѣсто, въ которомъ Гекторъ при Il. VI.
отшествїи къ сраженїю прощается съ 390. 494.
Андромахою, и обнимаетъ Астїанакса, есть одно изъ наилучшихъ и самыхъ жалостныхъ сего Стихотворца. Я приведу здѣсь одну частицу онаго, которая будетъ смѣшена изъ описанїй и рѣчей.

„Когда Гекторъ прибылъ къ Сцей-
„скимъ воротамъ, чрезъ которыя ему над-
„лежало выходить, то Андромаха при-

„бѣгаетъ къ нему въ провожанiи мамки,
„которая держитъ у грудей маленькова
„Государя, нѣжнаго и деликатнаго мла-
„денца, прекраснаго какъ звѣздочка, за-
„баву Гектора . . . . Между тѣмъ какъ
„отецъ неговоря ни слова улыбался при
„взглядѣ на сего любезнаго младенца,
„Андромаха заливаяся слезами, подхо-
„дитъ къ Гектору, и сжимая его руку:
„*великодушнѣйшiй Государь*, говоритъ
„ему, *твоя храбрость погубитъ тебя. Какъ!*
„*ты не жалѣешь по етому ни о семъ ди-*
„*тяти, которое неможетъ съ тобою говорить,*
„*ни о несчастной супругѣ, которая имѣетъ*
„*учиниться вдовою тебя лишаясь. Ибо Гре-*
„*ки бросаясь на тебя толпами, вскорѣ отм-*
„*стятъ чрезъ твою смерть всѣ свои ущер-*
„*бы. Ахъ! ежели я долженствую съ тобою*
„*разлучиться, то для чего не могу первая*
„*сойти во гробъ? Ибо по семъ ужасномъ зло-*
„*ключенiи нѣтъ болѣе радости, нѣтъ утѣ-*
„*шенiя для несчастной Андромахи, и бу-*
„*дущее время ничего инаго непредставляетъ*
„*моему отягощенному разуму, какъ толь-*
„*ко болѣзнованiя. Нѣтъ у меня болѣе ни*
„*отца, ни матери . . . .*" (распростра-
нивъ рѣчь свою, можетъ быть, болѣе
надлежащаго, о величествѣ ея бѣдъ, она
продолжаетъ:) „*Любезной мой Гекторъ*,
„*я нахожу въ тебѣ все то, чего я лишилась;*
„*отца, мать, брата; прибавь ко всѣмъ*
„*симъ именамъ имя моего супруга. И такъ*
„*сжалься надъ нами: останься здѣсь, и*

„за-

„*заключись въ сей башнѣ, дабы не оставить*
„*тебѣ своей супруги вдовствующею, и сїе*
„*слабое дитя сиротою.*

Гекторъ отвѣтствовавъ Андромахѣ благороднымъ вмѣстѣ и нѣжнымъ образомъ, подходитъ къ своему сыну, и простираетъ къ нему руки. Младенецъ „устрашенной блескомъ мѣдныхъ латъ, „и частымъ движенїемъ ужаснаго пера, „которое прикрывало шлемъ его отца, „и вѣяло по вѣтру, отвращаетъ голову, „и подымая великой крикъ бросается къ „грудямъ своей мамки, которая его держитъ на рукахъ Отецъ и мать усмѣхаются видя его трепетъ. Въ тожъ „самое время Гекторъ снимаетъ свой „шлемъ, кладетъ на землю, и принимая „своего сына на руки цѣлуетъ его нѣжно, и возвышая его къ небу онъ приноситъ Юпитеру и другимъ Богамъ сїю молитву: *Всемогущїй Юпитеръ, и вы всѣ „Боги безсмертные, сотворите, чтобъ сей младенецъ шествуя моими слѣдами учинился „славенъ между Троянами своею храбростїю „и силою; чтобъ онъ царствовалъ въ Троѣ „самодержавно; чтобъ народъ видя его возвращающагося съ баталїи побѣдителемъ, „и отягощеннаго кровавыми добычами поверженнаго непрїятеля, восклицалъ во время его мимошествїя: сей Государь еще храбрѣе своего отца; и чтобъ при такомъ „позорищѣ его мать ощущала въ своей душѣ живую и сокровенную радость.* Оканчивая

„чивая сїи слова, онъ отдаетъ своего сына на руки любезной своей Андромахѣ, „которая его принимаетъ съ улыбанїемъ „смѣшеннымъ со слезами.“ δακρυόεν γελάσασα.

Нѣтъ ничего совершеннѣе, какъ все сїе описанїе. Чегобъ недоставало въ жалости и боязни Андромахи? Какое изображенїе натуральнѣе и прїятнѣе какъ изображенїе младенца, которой устрашенъ будучи видомъ блестящаго оружїя отца своего бросается на груди своей мамки? Чувствованїе Гектора, которой желаетъ видѣть свою славу помраченную славою своего сына, не въ самомъ ли естествѣ почерпнуто? Но какая тонкость въ сихъ послѣднихъ словахъ, δακρυόεν γελάσασα! довольно умѣть читать по Гречески, и не быть со всемъ безъ ушей, чтобъ чувствовать всю сладость, и чтобъ познать, что никакой переводъ не можетъ выразить сей красоты.

Г. Де ла Мотъ подражалъ краткой рѣчи Гекторовой симъ образомъ:

Ie vous offre mon fils, Dieux! faites en le vôtre:
Digne de votre appui, qu' il n' en cherche point d' autre.
Rendez le, s' il ſe peut, le ſecours des Troyens,
Qu' un jour par ſes exploits il efface les miens.
Récompenſez en lui la piété du père,
Et qu' il ſoit les plaiſirs et l' honneur de ſa mère.

то есть:

О Боги! предаю вамъ сына моего,
Котораго, прошу васъ, честь за своего.
Пускай не ищетъ онъ другой себѣ защиты
Божественной рукой и властїю прикрытый.
Вы сдѣлайте, чтобъ онъ защитникъ былъ Троянъ,
И чтобъ мои дѣла превысить тщился самъ,
Отцовска набожность чтобъ въ сынѣ награждалась,
И мать чтобъ славою его же услаждалась.

Я не знаю, не пристрастенъ ли я къ древности, но Греческїе стихи трогаютъ меня несравненно болѣе, нежели Французскїе, хотя и сїи очень изрядны. Въ Греческомъ Стихотворцѣ нѣтъ никакого противуположенїя, однакожъ благородная простота, которая въ немъ находится, гораздо превосходнѣе сихъ мѣлкихъ фигуръ. Стихи Французскїе не представляютъ сего прекраснаго и живаго изображенїя молодаго побѣдителя, которой возвращается со сраженїя обвѣшенъ весь добычами, сихъ сладкихъ и лестныхъ словъ, кои Гекторъ по нѣкоей фигурѣ исполненной дѣйствїя и силы влагаетъ въ уста зрителей, сего живаго и нѣжнаго чувствованїя радости, которое такое позорище причиняетъ въ сердцѣ матери: *χαρείη δὲ φρένα μήτηρ*. Сїя послѣдня мысль кажется очень проста, да она и въ самомъ дѣлѣ такова: но сїе то и составляетъ ея красоту. Пусть разсмотрятъ съ нѣсколькимъ вниманїемъ, что такое долженствуетъ думать и чувствовать мать,

мать, которая видитъ возвращающагося со сраженія своего сына обвѣшеннаго славными добычами, и которая слышитъ похвалы, кои народъ на него другъ предъ другомъ истощаетъ, то узнаютъ, что то, что господствуетъ въ ея сердцѣ, есть сіе тайное и внутреннее чувствованіе радости, которое Омиръ удивительно выражаетъ сими краткими словами, χαρείη δὲ φρένα μήτηρ. Вотъ что называется списывать съ натуры. Онъ тожъ
Odys. VI. самое говоритъ о Латонѣ, которая восхи-
102. 109. щалась радостію видя Діану свою дочь отмѣняющуюся въ танцованіи, и одерживающую верьхъ надо всѣми Нимфами: γέγηθε δέ τε φρένα Λητώ. Виргилій, дѣлая тожъ сравненіе, не упустилъ сей черты:

Æn. I. 506. Latonæ tacitum pertentant gaudia pectus.

Г. де ла Мотъ не представилъ всѣхъ оныхъ красотъ; да его и намѣреніе не было то, чтобъ переводить Омира тогда какъ онъ его сокращалъ.

Odys. XVII. 3. и слѣд. 6. Пріемъ, которой пастухъ Евмей дѣлаетъ молодому Телемаку, съ коимъ онъ видится сверьхъ чаянія по прошествіи долгаго времени, есть не меньше простъ какъ и прекрасенъ. Домашняя собака вдругъ почувствованною радостію и ласкательнымъ вертѣніемъ хвоста возвѣщаетъ первая прибытіе своего господина. Какъ скоро онъ показался, то сосуды,

суды, кои держалъ Евмей, изъ рукъ у него падаютъ; онъ бѣжитъ къ нему навстрѣчу, бросается на шею, обнимаетъ его нѣжно, и обливаетъ своими слезами. Подобно, говоритъ Стихотворецъ, какъ родитель печалющійся о долговременномъ отсутствіи своего сына, единаго предмѣта своей нѣжности, когда его видитъ наконецъ возвращающагося, не хочетъ выпуститъ изъ своихъ объятій: такъ Евмей предается радостнымъ восхищеніямъ при взглядѣ на Телемака, какъ будто бы сей вставалъ изъ гроба, и возвращался къ нему выключась изъ числа мертвыхъ. Діонисій Галикарнаской въ трактатѣ мною уже упомянутомъ примѣчаетъ, что сіе мѣсто одно изъ прекраснѣйшихъ въ Омирѣ, заимствуетъ главныя свои пріятности отъ распоряженія и стройнаго звуку словъ, которыя въ протчемъ довольно просты и представляютъ одни только общія понятія. Какъ можно перенесть сіи прелести въ чужестранной языкъ!

III. СРАВНЕНІЯ.

Здѣсь то наиболѣе всего видны богатство и изобиліе Омира, и можно сказать, что вся натура истощается въ его пользу, чтобъ украсить его поэмы многоразличными изображеніями и подобіями. Иногда они состоятъ въ одной только чертѣ, однакожъ не меньше суть живы. Часто они имѣютъ надлежащее про-

пространство, которое подаетъ случай стихотворцу оказать все великолѣпіе выраженія, и я прошу читателя, чтобъ онъ самъ разсмотрѣлъ въ подлинникѣ всю пріятность и изрядство оныхъ. Есть изъ нихъ нѣкоторыя нѣжныя и пріятныя: другія важныя и высокія: я не могу здѣсь предложить какъ только небольшое ихъ число, и изберу особливо тѣ, которыя взялъ въ свою поэму Виргилій.

Il. V. 770. 1. Омиръ употребляетъ часто сравненіе вѣтра, граду, бури, сильнаго потока для выраженія проворства и скорости своихъ воиновъ. Но всѣ сіи понятія суть очень слабы къ описанію быстроты безсмертныхъ коней.

Г. Депр. Autant qu' un homme aſſis au riuage des mers,
Voit d' un roc éleué d' eſpace dans les airs:
Autant des immortels les courſiers intrépides
En franchiſſent d' un ſaut

то есть:

На камняхъ вдавшихся въ глубокія моря:
Сколь можно обозрѣть пространны небеса;
Безсмертные кони толико пролетаютъ
Однимъ шагомъ и проч.

Онъ размѣряетъ, говоритъ Лонгинъ, протяженіе ихъ скоку протяженіемъ міра.

Il. XV. 20. Онъ поступаетъ еще далѣе, дабы представить скорость Юноны, уподобляя ее уму человѣка, которой пробѣгаетъ быстро всѣ мѣста, въ коихъ онъ

былъ,

былъ, и скоряе, нежели молнія перелетаетъ отъ запада къ востоку.

2. Омиръ полагаетъ въ началѣ третей книги два преизрядныя сравненія, которыя будучи употреблены Виргиліемъ долженствуютъ намъ чрезъ то показывать свою драгоцѣнность.

„Менелай усмотрѣвъ Париса, кото- Il. III. 21.
„рой приближался поспѣшно попереди
„Троянскаго деташамента, восхищает-
„ся радостію такъ какъ проголодавшійся
„левъ, которой попалъ нечаянно на оле-
„ня необыкновенной величины или на
„козу дикую: онъ бросается на свою до-
„бычу, и ее съ жадностію пожираетъ
„не смотря на то, что гонятся за нимъ
„наилучшія собаки, и самые сильные и
„запальчивые охотники. Такова была
„радость Менелая при взглядѣ на пре-
„краснаго Париса.„

Impaſtus ſtabula alta leo ceu ſæpe peragrans; Æn. 10.
(Suadet enim veſana fames) ſi fortè fugacem 723.
Conſpexit capream, aut ſurgentem in cornua ceruum;
Gaudet hians immane, comaſque arrexit, et hæret
Viſceribus ſuper accumbens: lauit improba teter
Ora cruor.

„Но Парисъ видя его предшествую- Il. III. 30.
„ща Грекамъ, объятъ сталъ ужасомъ, и
„отъѣхалъ къ своимъ полкамъ для избѣ-
„жанія смерти. Подобно какъ путеше-
„ственникъ, которой усматриваетъ стра-

„шную змѣю на долинѣ, отступаетъ „назадъ весь содрагая, и лицо имѣя по- „крыто смертельною блѣдностїю: такъ „Парисъ испужавшїйся при взглядѣ на „сына Атреева назадъ отходитъ, и „ищетъ укрыться всреди Троянскихъ „баталїоновъ.„

Виргилїй удивительно выразилъ сїе сравненїе, и кажется, что онъ обогатилъ еще подлинникъ счастливыми чертами, которыя онъ къ нему присовокупилъ.

Æn. 2. Improuiſum aſpris veluti qui ſentibus anguem
379. Preſſit humi nitens, trepiduſque repente refugit
Attollentem iras et cærula colla tumentem.
Haud ſecus Androgeos viſu tremefactus abibat.

3. Сравненїе Париса съ военнымъ конемъ очень славно въ Омирѣ. Греческїе стихи столь прекрасны, что я не могу здѣсь ихъ не помѣстить.

Il. VI. 506. Ὡς δ' ὅτε τις ϛατὸς ἵππος ἀκοϛήσας ἐπὶ φάτνῃ,
Δεσμὸν ἀποῤῥήξας θείει πεδίοιο κροαίνων,
Εἰωθὼς λούεσθαι ἐϋῤῥεῖος ποταμοῖο,
Κυδιόων, ὑψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαῖται
Ὤμοις ἀΐσσονται ὁ δ' ἀγλαΐηφι πεποιθὼς.,
Ῥίμφα ἑ γοῦνα φέρει, μετά τ' ἤθεα καὶ νομὸν ἵππων.
Ὣς, υἱὸς Πριάμοιο Πάρις κατὰ Περγάμου ἄκρης
Τεύχεσι παμφαίνων, ὥς τ' ἠλέκτωρ, ἐβεβήκει
Καγχαλόων, ταχέες δὲ πόδες φέρον.

„По-

„Подобно какъ благородной бѣгунъ, „по долговременномъ заключенїи въ конюшнѣ, разрываетъ свои цепи, и потрясывая землю подъ ногами бѣжитъ „по ровному полю въ ту сторону, гдѣ „льется съ журчанїемъ быстрая рѣка, въ „которой онъ повадился купаться. Бодрясь и любуясь самъ собою онъ идетъ „поднявъ голову. Грива его раздуваясь „вѣтромъ то въ правую, то въ лѣвую „сторону бьетъ его по плечамъ. Красота его, кажется, что подаетъ ему „отвагу. Гибкїя и проворныя его колѣни несутъ его легкимъ образомъ по среди стада жеребицъ, кои пасутся въ „доль по рѣкѣ. Такъ сынъ Прїамовъ, „прекрасной Парисъ, покрытый весь блестящимъ оружїемъ шествовалъ поспѣшно, подобенъ будучи солнцу. Онъ скакалъ, и его проворныя ноги къ землѣ не „прикасались.„

Cingitur ipſe furens certatim in prælia Turnus. . . Æn. 11, 486.
Fulgebatque alta decurrens aureus arce. . .
Qualis ubi abruptis fugit præſepia vinclis
Tandem liber equus, campoque potitus aperto.
Aut ille in paſtus armentaque tendit equarum;
Aut aſſuetus aquæ perfundi flumine noto
Emicat, arrectiſque fremit ceruicibus altè
Luxurians: luduntque iubæ per colla, per armos.

Ето очень примѣтно, что Латинской стихотворецъ тщился выразить всѣ красоты своего подлинника. Онъ не

много ихъ отъ себя прибавилъ и я не вижу ничего сего роду кромѣ слова *tandem liber equus*, которое представляетъ изрядное понятіе и изображаетъ удивительно нетерпѣливость коня, чтобъ увидѣть себя на волѣ. Еще можно и то сказать, что Виргилій чрезъ *tandem liber equus*, хотѣлъ изъяснить сіи слова: ςατὸς ἵππος и проч. *отдохнувшаго коня*, котораго держали долгое время въ покоѣ на конюшнѣ. Сей стихъ, *aut assuetus aquæ perfundi flumine noto*, выражаетъ довольно исправно смыслъ Греческаго, но не имѣетъ его стройности. Другой, въ коемъ описывается бѣжаніе коня, *aut ille in pastus armentaque tendit equarum*, есть тяжелъ и медлителенъ въ сравненіи стиха Греческаго состоящаго изъ однихъ Дактилей, и столькожъ быстраго, какъ и конь самой: Ῥίμφα ἑ γοῦνα φέρει μετά τ' ἤθεα καὶ νομὸν ἵππων. Сего слова, которое стоитъ въ Греческомъ стихѣ, ὁ δ' ἀγλαΐηφι πεποιθὼς, удачливо выражающаго благородную кичливость коня, и любованіе своею красотою и силою, недостаетъ въ Латинскомъ.

4. Я окончу сей членъ двумя или тремя сравненіями, которыя кратче предъидущихъ, и отличнаго роду.

Il. XXII. 199. „1. Какъ иногда во время сна грѣ„зится, что человѣкъ гонимъ бываетъ „отъ непріятеля, или что онъ за нимъ „гонится: всеминутно ему кажется, „что

„что или онъ его настигаетъ, или что „самъ отъ него настигается; и не мо„жетъ ни отъ него уйти, ниже его схва„тить, подобно и проч.„

Ac velut in ſomnis, oculos ubi languida preſſit Æn. 12. 908.
Nocte quies, nequicquam auidos extendere curſus
Velle videmur, et in mediis conatibus ægri
Succidimus: non lingua valet, non corpore notæ
Sufficiunt vires, nec vox aut verba ſequuntur.

Латинской стихотворецъ взялъ изъ Греческаго одну только мысль, и онъ ее чрезвычайнно обогатилъ.

„ 2. Какъ въ саду какомъ нибудь макъ Il. VIII. 306. „отягощенный своимъ плодомъ, и согнув„шійся отъ дождей наклоняетъ свою „слабую голову: такъ голова молодаго „воина обремененная шлемомъ упадаетъ „на его плечо.„

Purpureus veluti cum flos ſucciſus aratro Æn. 9. 435.
Langueſcit moriens, laſſoue papauera collo
Demiſere caput, pluuiâ cum forte grauantur.
It cruor, in que humeros ceruix collapſa recumbit.

„ 3. Какъ птица, которой дѣти не Il. IX. 323. „могутъ еще летать, не успѣетъ почти „схватить своей добычи, какъ имъ за„разъ приноситъ оную, и заботится объ „нихъ: чего уже я не претерпѣлъ? Соль„ко безпокойныхъ ночей! сколько дней „кровавыхъ! „Ето есть Ахиллесъ, которой говоритъ такимъ образомъ: Я дивлюсь, что человѣкъ имѣющій вкусъ и ра-

зумъ опорочилъ сїе сравненїе яко очень пространное и разцвѣченное. Оно состоитъ только изъ двухъ стиховъ, такъ что нѣтъ тутъ ни слова лишнаго; и его характеръ есть простота.

IV. Рѣчи.

Нѣтъ ни одного роду краснорѣчїя, въ которомъ бы Омировы поэмы не подавали совершенныхъ образцовъ.

1. Рѣчи Улисса, Феникса, Аякса, кои были посыланы депутатами отъ армїи къ Ахиллесу, дабы склонить его къ воспрїятїю опять оружїя, и къ прогнанїю Гектора, которой былъ уже въ готовности зжечь флотъ Греческой, моглибъ однѣ довольны быть къ показанїю, сколь Омиръ успѣваетъ въ изображенїи различныхъ характеровъ тѣхъ особъ, коихъ онъ заставляетъ говорить.

Il. III. v. 216. 224. Улиссъ заговорилъ первой. Ето извѣстно, какъ Омиръ его описываетъ въ другихъ мѣстахъ. Въ совѣтахъ и сношенїяхъ публичныхъ онъ казался сперва смущенъ и боязливъ, и потупивъ глаза пребывалъ неподвиженъ такъ что не льзя было и думать, чтобъ онъ былъ великой Ораторъ. Но когда онъ одинъ разъ принималъ отважность, то уже онъ былъ совсемъ не тотъ человѣкъ. Подобенъ будучи потоку, которой падаетъ съ великимъ стремленїемъ съ верьху горы, онъ

влекъ

влекъ съ собою всѣ умы силою своего красноречія.

Здѣсь имѣя дѣло съ человѣкомъ жестокимъ и несговорчивымъ, онъ поступаетъ съ нимъ, сколько можно, пріятнѣе, вкрадчивѣе, лестнѣе. Онъ начинаетъ описаніемъ пагубной крайности, къ которой приведены Греки. Онъ возбуждаетъ ревность въ Ахиллесѣ, объявляя счастливые успѣхи, и гордыя угрозы Гектора его соперника. Онъ ему представляетъ безсмертное сожалѣніе, которое онъ, когда уже зло учинится неизцѣльно, имѣть будетъ о томъ, что онъ оставилъ погибать такимъ образомъ Грековъ при своихъ глазахъ. Не смѣя ему самъ выговаривать крайности его гнѣва, онъ заимствуетъ чрезъ удивительное искуство голосъ у отца Ахиллесова, и напоминаетъ ему о томъ, что Пелей ему сказалъ посылая его въ армію: что Боги даютъ побѣду, а умѣренность зависитъ отъ человѣка; (ето было мнѣніе Язычниковъ) что безъ сей добродѣтели храбрость не иное что есть какъ звѣрство; что не можно ни любиму быть отъ Бога, ни нравиться людямъ безъ кротости и человѣколюбія, которое заставляетъ сострадать о бѣдности другихъ. По семъ онъ высказываетъ великолѣпными словами всѣ подарки и удовлетворенія, чрезъ которыя Агамемнонъ согласуется вознаградить учиненную ему обиду. А ежели его особа и

его дары ему ненавистны, то пусть по крайней мѣрѣ онъ бросить жалостной взоръ на всѣхъ другихъ Грековъ близъ погибели находящихся. Напослѣдокъ онъ оканчиваетъ свою рѣчь тѣмъ, чемъ началъ, и возбуждая снова ревность Ахиллеса противъ Гектора: Вотъ Гекторъ, говоритъ онъ, близъ уже тебя бѣгаетъ какъ бѣшеной, и по своей надменности думаетъ, что Греческіе корабли не привезли на сіи берега ни одного человѣка, которой бы достоинъ былъ съ нимъ равняться.

Не трудно понять, сколько такія причины прикрытыя всемъ блескомъ выраженій Стихотворческихъ, долженствуютъ имѣть прелести и силы.

Фениксъ говоритъ рѣчь со всемъ отмѣнно. Его былъ честной старикъ, которой имѣлъ попеченіе объ Ахиллесѣ во время его юности, и которому Пелей ввѣрилъ его поведеніе. Онъ ему говоритъ съ нѣжностію отцовскою, и съ важностію учительскою; напоминаетъ ему о всѣхъ трудахъ, которые онъ принялъ въ воспитаніи его; и подаетъ удивительные совѣты о надобности укрощать гнѣвъ, и склоняться къ милости, по примѣру Боговъ, которые умилостивляются жертвами и дарами. Я предложу въ послѣдствіи то, что онъ сказалъ о молитвахъ, и о Богинѣ Атѣ, которой вымыселъ есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ и остроум-

„нѣй-

нѣйшихъ, кои находятся въ древности. Онъ мѣшаетъ во всемъ томъ множество исторій довольно продолжительныхъ, кои моглибъ показаться скучны и слабы, ежелибъ не было извѣстно, что характеръ (*) стариковъ есть сей, что они любятъ говорить о прошломъ времени, и расказывать приключенія и дѣла ихъ молодости.

Отвѣты Ахиллеса на сіи двѣ первыя рѣчи исполнены высочайшими чертами. Но я ихъ оставляю, чтобъ приступить къ рѣчи третьяго депутата, которую я здѣсь представлю во всей цѣлости.

Аяксъ былъ резовъ, вспылчивъ, исполненъ жару. По тому и рѣчь его кратка, но жива, и исполнена сею благородною пышностью, которая ему была природна. Онъ не простираетъ сперва рѣчи къ Ахиллесу, яко не думая склонить человѣка неудобосклоннаго и несговорчиваго, въ чемъ усматривается искуство, которому не можно надивиться.

„Отойдемъ отъ нево прочь, говоритъ „онъ Улиссу: ибо я вижу довольно, что „наши рѣчи будутъ безуспѣшны, и что „не чего надѣяться съ сей стороны. Сколь

(*) Laudator temporis acti,
Se puero, cenſor caſtigatorque minorum.
Horat. de art. Poet.

„ни жестокъ отвѣтъ Ахиллесовъ, надле-
„житъ его немѣдленно объявить Гре-
„камъ, кои насъ ожидаютъ, ласкаясь мо-
„жетъ быть тщетною надеждою Но
„Ахиллесъ не умолимъ. Онъ заключаетъ
„въ своей груди свирѣпое сердце, душу
„гордую и надмѣнную. Неблагодарной!
„онъ не трогается ни слезами, ни нѣж-
„ностїю своихъ друзей, которые его всег-
„да болѣе почитали, нежели всѣхъ про-
„чихъ Грековъ вмѣстѣ. Безчеловѣчной! по-
„вседневно мы видимъ, что братъ уми-
„лостивленный дарами прощаетъ смерьть
„брата; отецъ отпускаетъ винность убїй-
„цѣ своего сына. Преступникъ отку-
„пается знатною суммою денегъ: и срод-
„ственникъ убїеннаго укрощается послѣ
„того какъ онъ получилъ вознагражденїе
„за кровь пролитую. Ты одинъ, варваръ,
„ты одинъ не можешъ склониться къ
„милосердїю! Боги тебѣ дали злое серд-
„це, неукротимой гнѣвъ. А о чемъ дѣло
„идетъ? Объ одной плѣнницѣ. Вотъ те-
„бѣ семь перваго классу, которыхъ мы
„тебѣ даемъ и тысячу подарковъ съ ни-
„ми. Примижъ наконецъ, прими для насъ
„сердце милостивое. Почти въ насъ твой
„собственной домъ, и священныя права
„дружепрїятїя, кои насъ къ тебѣ привя-
„зываютъ. Мы можемъ похвалиться,
„что изъ всѣхъ Грековъ ты не имѣешъ
„искреннѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей,
„какъ мы.

Ахил-

Ахиллесъ очень изрядно принялъ рѣчь Аякса; но пребывая всё несклоненъ, онъ объявилъ, что онъ не вооружится до тѣхъ поръ какъ Гекторъ покрывъ весь берегъ трупами, и зажегши флотъ приближится къ его шатру и кораблю. Тутъ то, говоритъ онъ, я его ожидаю, и какъ бы онъ ни былъ яростенъ, однакожъ я умѣю изрядно утолить его бѣшенство.

2. Я не вѣдаю, надлежитъ ли счесть между рѣчьми краткое слово Антилоха къ Ахиллесу, которымъ онъ его увѣдомляетъ о смерьти Патрокла: но нѣтъ ничего краснорѣчивѣе, какъ сїе мѣсто. Состоянїе, въ коемъ онъ предстаетъ заливаяся слезами, есть такъ какъ бы первое вступленїе, которое изъясняется прежде его. Il. XVIII. 18 и слѣд.

„Ахъ! говоритъ онъ ему, сынъ мудра„го Пелея, какую вѣдомость имѣешъ ты „услышать? О когдабъ мы не были обя„заны ее вамъ доносить! Патроклъ умеръ. „Сраженїе чинится въ кругъ его обна„женнаго тѣла, и страшной Гекторъ „владѣетъ его оружїемъ."

Не безъ причины предлагаютъ сїю малую рѣчь такъ какъ совершенной образецъ Ораторской краткости. Она состоитъ только изъ четырехъ стиховъ. Первыми двумя Антилохъ приуготовляетъ Ахиллеса къ печальной вѣдомости, которую онъ

хочетъ

хочетъ ему объявить, и которая недол
женствовала ему вдругъ быть объявлена.
„Онъ (Антилохъ) заключаетъ, въ двух
„последнихъ, какъ примечаетъ Евстаѳій
„все то что приключилось: смерть Па
„трокла, его убійцу; сраженіе происхо
„дящее вкругъ его тела, и его оружі
„обладаемое непріятелемъ. Еще надле
„житъ примечать, что болезнованіе
„столь стеснило его слова, что въ сих
„двухъ стихахъ онъ оставляетъ глагол
„*ἀμφιμάχονται* безъ именительнаго па
„дежа.„ Но то, что я нахожу тутъ уди
вительнее всего, есть выборъ сего слова
которое онъ употребляетъ для объявле
нія сей ведомости. Онъ не говоритъ
Патроклъ умеръ, какъ переведено, да мо
жетъ быть и не льзя перевесть иначе. Онъ
избегаетъ всехъ выраженій, которыя
заключали въ себе пагубное и кровавое
воображеніе, каковыбъ были *τέθνηκε*, *πέ*
φαται, *ἀνήρηται*, и вместо того полагаетъ
самое мяхкое, какое только употребить
можно въ семъ случае: *κεῖται Πάτροκλος*
Лежитъ Патроклъ. Но нашъ языкъ не мо
жетъ изъяснить сей красоты и тонко
сти, разве только сказать, *Патрокла бо*
лее нетъ, или, *не стало Патрокла*.

Il. XXIV. 485. и след. 3. Я окончаю речью Пріама, кото
рую онъ говорилъ Ахиллесу, и въ кото
рой у него проситъ тела своего сына
Гектора. Дабы чувствовать всю ея кра
сошу,

comy, надлежитъ привесть на память, что Ахиллесъ былъ жарокъ, вспыльчивъ, неприступенъ. Но онъ былъ сынъ, и имѣлъ отца. Его сердце несклоняемое всякимъ другимъ побужденїемъ не могло тронуться и умягчиться какъ только воспоминанїемъ объ его отцѣ. По чему и Меркурїй, Богъ краснорѣчїя, весьма совѣтовалъ Прїяму употребить сїе въ дѣло. Симъ онъ начинаетъ и оканчиваетъ свою рѣчь. И такъ по вступленїи въ шатеръ Ахиллеса онъ бросается къ его колѣнямъ, цѣлуетъ его руку, сїю кровопролитную руку, которая поразила столь великое число его дѣтей.

Χερσὶν Ἀχιλλῆος, λάβε γούνατα, καὶ κύσε χεῖρας
Δεινὰς, ἀνδροφόνους, αἵ οἱ πολέας κτάνον υἷας.

Ахиллесъ весьма удивленъ былъ столь нечаяннымъ позорищемъ. Всѣ тѣ, кои его окружали, въ подобномъ находились изумленїи и молчали. Тогда Прїамъ начиная рѣчь,

„Божественный Ахиллесъ, говоритъ „онъ, вспомни, что ты имѣешъ отца „въ старости мнѣ подобнаго, и можетъ „статься обремененнаго бѣдствїями такъ „же какъ и я, безъ помощи и безъ при„зрѣнїя. Но онъ знаетъ, что ты живъ, и „сладкая надежда увидѣться въ скорости „съ любезнымъ сыномъ, его подкрѣпля„етъ и утѣшаетъ. А я несчастнѣйшїй „отецъ изъ сего множества сыновей, кои

„меня

„меня окружали, не сохранилъ ни одно„го въ живыхъ. Я имѣлъ ихъ пятьде„сятъ тогда какъ Греки пристали къ „сему берегу. Жестокосердной Марсъ по„чти всѣхъ ихъ у меня похитилъ. Одинъ, „которой у меня остался, единая под„мога моей фамиліи и Трои, мой любез„ной Гекторъ умеръ недавно отъ твоей „побѣдоносной руки, защищая храбро „свое отечество. Я пришелъ сюда со мно„гими подарками для искупленія его тѣ„ла. Ахиллесъ! склонись къ милосердію „для воспоминанія объ отцѣ твоемъ, для „почтенія, которымъ ты обязанъ Богамъ, „и для моихъ жесточайшихъ бѣдствій. „Былъ ли когда отецъ достойнѣе жало„сти, нежели я, которой обязанъ цѣло„вать руку человѣкоубійственную, руку „еще дымящуюся кровію моихъ дѣтей?„

Сколь ни безжалостливъ былъ Ахиллесъ, однакожъ не могъ супротивляться столь нѣжной рѣчи. Сладкое имя отца истощило слезы изъ его глазъ. Онъ поднялъ Пріама милостиво, и показался принимающимъ участіе въ его болѣзнованіи. Оба начали плакать, одинъ отъ воспоминанія о Гекторѣ, другой отъ воспоминанія о Пелеѣ и Патроклѣ.

Множество еще мѣстъ находится въ Омирѣ подобныхъ мною предложеннымъ, а можетъ быть еще и прекраснѣйшихъ. Мнѣ кажется, что чтеніе сего стихотворца,

творца, когда оно провожаемо бываетъ нѣкоторыми размышленіями, дабы сдѣлать его красоты чувствительными, и когда къ тому еще присовокупляются мѣста изъ Виргилія списанныя съ Омировыхъ или имѣющія съ сими сходствіе, весьма можетъ подать молодымъ людямъ истинное понятіе о прекрасной поэзіи, и объ основательномъ краснорѣчіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наставленія, которыя можно брать изъ Омира.

Я заключаю въ трехъ членахъ наставленія, которыя паче всего должно внушать молодымъ людямъ въ чтеніи Омира. Одни касаются до манеровъ и обыкновеній, другія до нравовъ и поведенія жизни, а послѣднія имѣютъ предмѣтомъ законъ и Боговъ. Г. Дассіерша въ ученыхъ примѣчаніяхъ присовокупленныхъ къ переводу сего стихотворца, которой она намъ сообщила, наблюдаетъ сіе прилѣжно, чтобъ показывать читателю драгоцѣнные оные слѣды древности. Ея размышленія были мнѣ великимъ вспоможеніемъ въ предлагаемой мною матеріи, и ими довольствоваться можетъ учитель, чтобъ наставлять своихъ учениковъ съ пользою. Поелику главное намѣреніе моего сочиненія, какъ я уже многократно объявлялъ, есть то, чтобъ направить вкусъ юношества, естьли можно, во всякомъ родѣ, и привесть оное въ

со-

состоянїе почерпать изъ древнихъ писателей всю пользу, которой отъ нихъ ожидать должно; сего для я счелъ, что то, что я сообщу здѣсь объ Омирѣ, можетъ послужить образцомъ молодымъ учителямъ и ученикамъ къ учиненїю подобныхъ примѣчанїй въ чтенїи всѣхъ протчихъ писателей.

ЧЛЕНЪ ПЕРВОЙ.

О манерахъ и обычаяхъ.

Омиръ примѣчаетъ, что Улиссъ въ путешествїяхъ, которыя онъ учинилъ въ различныя страны и народы, имѣлъ великое старанїе о свѣденїи ихъ нравовъ и обычаевъ:

Horat. de Art. Poët. Qui mores hominum multorum vidit, et urbes.

Тожъ самое должно наблюдать въ происходящихъ у насъ чтенїяхъ, и ето весьма не худо, чтобъ прїучать заранѣе молодыхъ людей къ учиненїю сего рода примѣчанїй, въ которыхъ они перенимаютъ мимоходомъ множество любопытныхъ и прїятныхъ вещей. А какъ Омиръ есть древнѣйшїй изъ всѣхъ писателей язычническихъ, кои дошли до насъ, то онъ можетъ много служить къ удовольствованїю сего похвальнаго любопытства, которое долженствуетъ быть въ благоразумномъ читателѣ, такъ какъ во вникающемъ странственникѣ.

I. Древніе нравы.

Князья и Цари у Омира не имѣютъ ни мало сей роскоши и сей пышности, которыя послѣ стали обитать во дворахъ вельможей. Простота и умѣренность были счастливымъ характеромъ сихъ первыхъ вѣковъ. Палаты ихъ не были наполнены безполезными толпами домашнихъ, слугъ, и оффиціантовъ, кои весьма способны ко введенію туда всякихъ пороковъ чрезъ свою гордость и лѣность. Когда депутаты Греческихъ Князей приходятъ къ Ахиллесу, то сей Князь, сколь ни великомоченъ, не имѣетъ ни драбантовъ, ни докладчиковъ, ни придворныхъ около себя. Они вступаютъ въ его комнату прямо, и подходятъ къ нему безъ церемоніи. Вскорѣ послѣ сего приготовляется пиръ. Ахиллесъ самъ разрѣзываетъ мяса, дѣлитъ ихъ на части, и раскладываетъ на многихъ вертелахъ.

Дамы и Княжны не болѣе были деликатны. Мужественное и благородное воспитаніе ожесточило ихъ къ труду, и приучило къ службамъ, кои по нашему мнѣнію суть подлы и низки, но сходственны съ первымъ ихъ предопредѣленіемъ, съ ихъ состояніемъ и дарованіями, и способнѣе къ сохраненію ихъ добродѣтели, нежели пустыя забавы и игры, кои онѣ ввели на ихъ мѣсто. Онѣ ходили сами

ми черпать воду въ источникѣ. Навзика, дочь Царя Феакскаго, идетъ мыть свое платье на рѣку со своими служанками. Царица, ея мать, усматривается упражняющаяся отъ самаго разсвѣту въ пряденіи подлѣ огня.

Г. Дасеїерша въ своемъ предисловіи на Омира.

„Таковы были нравы сихъ временъ „Ироическихъ, сихъ счастливыхъ временъ, „въ которыя поставляли славу только „въ трудѣ и добродѣтели, а стыдъ въ „лѣности и порокѣ. Священная и свѣтская исторіи научаютъ насъ равно, что „въ оное время было обыкновеніе самому „для себя работать; и сіе обыкновеніе „было драгоцѣнной остатокъ злата̂го „вѣку. Самые Патріархи трудились своими собственными руками; знатнѣйшія „дѣвицы ходили сами къ источнику. „Ревекка, Рахиль, и дщери Еѳровы гонятъ къ оному свои стада. Въ Фабіѣ „Пикторѣ, Рея сама идетъ за водою. „Дочь Тарпеева дѣлаетъ тожъ самое въ „Титѣ Ливіѣ.„

2. *Жертвоприношенія.*

Омиръ пространно описываетъ церемоніи жертвоприношеній въ первой книгѣ Иліады, и въ третей Одиссеи. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ самъ Несторъ отправляетъ должность жреца, потому что Цари имѣли надзираніе надъ закономъ, и священство было соединено съ царскимъ достоинствомъ. Я объявлю сіе послѣднее

жее описаніе почти такъ какъ оно есть въ Омирѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ примѣчаній г. Дассіерши, кои послужатъ къ удобнѣйшему разумѣнію онаго.

Несторъ приказалъ Князьямъ, своимъ сыновьямъ, приготовить все то, что было нужно къ жертвѣ, которую онъ хотѣлъ принести Богамъ въ случаѣ Телемакова къ нему прибытія.

Приводятъ телицу. Художникъ позлащаетъ ей рога. Стратій и Ехефронъ ее представляютъ.

Аретъ несъ одною рукою богатой и чистой тазъ съ золотымъ кубцомъ, а другою коробочку, въ которой былъ священной ячмень потребной къ жертвоприношенію.

Тразимедъ стоялъ подлѣ жертвы съ топоромъ готовъ будучи къ пораженію ея; а Персей его братъ держалъ сосудъ для принятія крови.

Вскорѣ по семъ Несторъ моетъ свои руки, сострагаетъ шерсть со лбу жертвы, которую онъ бросаетъ въ огонь, посыпаетъ ея голову священнымъ ячменемъ, и соединяетъ съ симъ дѣйствіемъ молитвы, кои онъ возсылаетъ къ Минервѣ.

Тогда Тразимедъ поднимая свой топоръ ударяетъ телицу, прорѣзываетъ жилы на шеѣ, и повергаетъ ее къ своимъ

богамъ. Княжны, кои присутствовали при жертвоприношенiи, читаютъ молитвы съ великими восклицанiями.

Князья поднимаютъ телицу, и между тѣмъ какъ они ее держатъ, Пизистратъ вынимаетъ кинжалъ, и ее закалаетъ. Кровь течетъ ручьемъ, и она становится безъ силы и безъ жизни.

Въ тожъ самое время они сдираютъ съ нее кожу и разсѣкаютъ на штуки.

Они отдѣляютъ (а) голени цѣлыя по обыкновенiю, покрываютъ ихъ двойною накладкою жиру, и сверху кладутъ урѣзы всѣхъ протчихъ частей. Несторъ самъ ихъ сожигаетъ на жертвенникѣ, спрыскивая виномъ.

Когда голени жертвы были всѣ сожжены огнемъ, то зажарили внутренняя, и ихъ раздѣлили всѣмъ присутствующимъ. Сей обрядъ достоинъ примѣчанiя. Онъ оканчивалъ жертвоприношенiе Богамъ учиненное, и былъ такъ какъ бы знакомъ общенiя между всѣми тѣми, кои при немъ находились. За жертвоприношенiемъ слѣдовалъ Пиръ, которой составлялъ часть онаго.

И

(а) *Въ честь Боговъ сожигались цѣлыя голени, и одинъ ломотокъ каждаго члена, начиная отъ плечей, откуда происходитъ слово ὠμοθετεῖν ὦμος, плечо, и τίθημι, кладу. Сiи куски были нѣкотораго роду первоплодiемъ, которымъ Боги довольствовались оставляя протчее для употребленiя жертвоприносителей.*

И такъ разрѣзывали на куски другія оставшіяся части жертвы и положивъ ихъ на вертелы жарили.

Между тѣмъ ведутъ въ баню Телемака, и окропивъ его благовонными влажностьми, даютъ ему тонкую сорочку, и богатую епанчу.

Когда мяса были изжарены, то сѣли за столъ.

Таковы были главные обряды жертвоприношеній. Когда же попадаются въ другихъ мѣстахъ иные, то ихъ велятъ замѣчать молодымъ людямъ, и не оставляютъ въ молчаніи сходствія, которое находится между многими изъ сихъ обрядовъ, и тѣми, кои Богъ самъ предписалъ въ св. книгахъ. Но паче всего имъ показываютъ, что всѣ народы согласны въ томъ, что они полагаютъ всю силу богопочитанія общенароднаго и существо закона въ жертвоприношеніи, хотя и не довольно понимаютъ тому причину, конецъ, и учрежденіе, которое не очень сродно, и немогло притти въ голову человѣку лишенному посторонняго просвѣщенія; и что сіе сходствіе столь постоянное въ столь особливой вещи, немогло взять своего начала какъ только въ фамиліи Ноя, коего потомки при разстаніи взяли съ собою сей образъ богопочитанія.

Какъ великіе пиры бывали рѣдко безъ жертвоприношеній, а Цари въ старину сами отправляли оныя, то приобыкли видѣть ихъ съ честію дѣлающихъ то, что дѣлаютъ нынѣ наши мясники и повара. И такъ не надобно дивиться, присовокупляетъ г. Боавинъ, изъ котораго я взялъ сіе примѣчаніе, когда видятъ, что Ахиллесъ разрѣзываетъ самъ мяса опредѣленныя для пиру, которой онъ хочетъ представить тремъ депутатамъ Греческой арміи. Сіе попеченіе, которое онъ принимаетъ, есть попеченіе услужливое, дѣло учтивости, страннопріятія, и закона вмѣстѣ, которое непристойно было опустить стихотворцу.

3. *Пированія.*

Обѣдъ и ужинъ въ Омирѣ довольно ясно замѣчаются. У него видны иногда и другія пирушки, но онѣ не были обыкновенны.

Передъ тѣмъ, какъ слѣдовало садиться за столъ, а особливо въ церемонныхъ пирахъ ходили омываться въ баню, при выходѣ изъ которой намазывались благовонными духами; и тогда хозяинъ давалъ своимъ гостямъ одежды опредѣленныя нарочно для сего случая. Сіе попеченіе, сія услужливость, составляла часть страннопріятія.

Пиръ начинался и оканчивался отлитїями вина, кои приносились божеству, и служили явными свидѣтельствами, что на оное взирали такъ какъ на начало и конецъ всѣхъ благъ, которыми наслаждались.

Сидѣли на стульяхъ, а не на кроватяхъ лежали, какъ въ послѣдствїи обыкновенїе вошло.

Употребленїе скатертей не извѣстно еще было; а старались только вымывать столы, и ихъ очищать Греческими губками какъ прежде, такъ и послѣ пированїя.

У Омира не упоминается о вареныхъ мясахъ. Въ старину ѣдали только толстыя мяса. Однакожъ ловля звѣриная и рыбная не неизвѣстна была. Рыбы и птицы по видимому считались мясомъ очень нѣжнымъ, или легкимъ, и потому неспособнымъ ко употребленїю.

Мяса не клались въ блюдо, котороебъ было общее всѣмъ гостямъ: всякой имѣлъ свой удѣлъ передъ собою, а иногда еще для каждаго былъ и столъ особливой. Ето былъ хозяинъ дому, или оффицїантъ нарочно къ сему опредѣленный, которой раскладывалъ части, и въ семъ раздѣленїи наблюдалось возможное равенство, развѣ когда случалось быть отмѣнной какой особѣ, которую хотѣли почтить особливымъ образомъ; и въ семъ случаѣ

 давали

давали ей гораздо большую часть, нежели другимъ, или предлагали почтеннѣйшій кусокъ. Слѣды сего обыкновенія видны въ пиру, которой изготовилъ Іосифъ для своихъ братьевъ, также и въ томъ, которой имѣлъ Саулъ съ Самуиломъ.

4. *Война, осады, сраженія.*

Извѣсто почтеніе, которое Александръ оказывалъ Пеэзіямъ Омира, потому что онъ списалъ ихъ своею собственною рукою, и клалъ еженочно со своимъ мечемъ подъ изголовье. Онъ въ нихъ искалъ не одной только забавы; а находилъ еще преизрядныя наставленія для войны, и не хотѣлъ (*) въ томъ укрываться, что онъ перенималъ въ нихъ свое искуство. По крайней мѣрѣ ето полезно для всѣхъ, чтобъ видѣть тамъ древнія обыкновенія касающіяся до сей матеріи.

Надлежитъ со тщаніемъ примѣчать тамъ какъ оружіе, которое въ тогдашнее время употреблялось, такъ порядокъ поставлять войска въ строй, способъ выводить ихъ на сраженіе, науку осаждать крѣпости, защищаться, и окапываться валами.

Омиръ въ третей книгѣ Іліады описываетъ довольно подробнымъ образомъ воинской нарядъ Париса. Тутъ видны полу-

(*) Τὴν Ἰλιάδα τῆς πολεμικῆς ἀρετῆς ἐφόδιον καὶ νομίζων, καὶ ὀνομάζων. Plut. in vit. Alex.

полусапожья, которыя пристягивались серебреными крючками, панцырь, протупея золотая, на которой висѣлъ широкой мечъ; большой и тяжелой щитъ; шлемъ съ шишакомъ. Менелай, которой долженствовалъ сражаться противъ его, вооруженъ былъ такимъ же образомъ; оба они имѣли по копью въ рукѣ.

Въ продолженіи чтенія стараются показать молодымъ людямъ другіе роды оружія, кои попадутся.

Древніе, по утвержденію Госпожи Дасіерши (a) не имѣли ни трубъ, ни барабановъ, ниже другова какова орудія къ изъясненію своихъ приказаній. Они вмѣсто

(a) *Ето справедливо въ разсужденіи барабановъ, кои были не знаемы всею древностію, и которыхъ употребленіе вошло очень поздо, хотя оно нынѣ утвердилось во всѣхъ народахъ. Но то, что говорится здѣсь о трубахъ, явно опровергается прекраснымъ описаніемъ, которое самъ Богъ представляетъ о конѣ въ книгѣ Іова:* Егда услышитъ трубу и проч. *Что доказываетъ ясно, что въ древности столь отдаленной, какъ та, въ которой жилъ Іовъ, обыкновеніе употреблять трубы для ободренія войскъ, и для поданія имъ различныхъ сигналовъ, было постоянно принято и весма распространилось, по крайней мѣрѣ у восточныхъ и сосѣдственныхъ съ Сиріею и Аравіею народовъ. Я не говорю о трубахъ, кои Моисей велѣлъ сдѣлать по приказанію Божію. Ето правда, что въ сраженіяхъ, кои Омиръ описываетъ, со всемъ не употребляются трубы, однакожъ онъ упоминаетъ объ нихъ въ одномъ сравненіи, гдѣ говорится объ осадѣ нѣкотораго города* Ил. кн. 18, ст. 219.

Іов. XXXIX. 25.

сто сего употребляли другїя средства; или какой нибудь знакъ чувствительной, или официїантовъ, кои разносили живымъ голосомъ приказанїя по ширенгамъ.

Обыкновенїе говорить рѣчи передъ сраженїемъ, или еще во время самаго дѣйствїя было въ сїи первыя времена подтверждаемо всеобщимъ употребленїемъ. И ето ставить въ порокъ Стихотворцу не меньшебъ было смѣшно, какъ порочить какого либо живописца, что онъ представилъ особы на картинѣ въ платьѣ ихъ вѣку.

Въ четвертой книгѣ Iлїады усматривается, какимъ образомъ Несторъ располагалъ свои войска къ сраженїю. Онъ поставляетъ напереди свои заложенныя коляски, на которыхъ сидѣли тѣ, кои долженствовали управлять ими: позади ихъ становитъ многочисленную пѣхоту для подкрѣпленїя оныхъ; а въ серединѣ онъ назначаетъ мѣсто для салдатъ, кои были похуже, дабы по неволѣ они принуждены были сражаться. Въ одиннацатой книгѣ сей порядокъ перемѣняется, и конница подкрѣпляетъ пѣхоту.

Въ старину употребляли (а) коляски вмѣсто конницы и невидно во время Тро-

(а) *Священная и свѣтская Исторїи показываютъ равнымъ образомъ, что коляски составляли долгое время главную силу войскъ. Онѣ были различнаго роду, и въ нихъ находили тогда много выгодъ. Но какъ добрая*

Троянской войны всадниковъ, которыебъ ѣздили просто на лошадяхъ. Всякой военачальникъ имѣлъ колесницу, съ которой онъ бился, и которая обыкновенно бывала запряжена парою коней; и тотъ, которой на ней ѣхалъ, былъ такъ же очень важной человѣкъ и весьма способной къ сраженїю. Однакожъ ето не очень вѣроятно, чтобъ наука ѣздить на лошадяхъ, и ихъ манежить была тогда неизвѣстна.

По

старина миновалась, въ которой народы войну имѣвшїе избирали чистосердечно пространное и равное поле, чтобъ окончить ихъ тяжбу въ одинъ день; и какъ учинясь похитрѣе они познали брать выгоду мѣста, то они удобно примѣтили, что весь сей приборъ, и сїе убыточное множество колясокъ могло сдѣлаться безполезно по причинѣ залива, неравенства земли или небольшаго рва. Когда умѣли привлекать войну въ страну шароховатую и покрытую лѣсами и травою, въ тѣсные проходы, въ мѣста прерванныя потоками, то коляски не только нимало не служили, но еще становились весьма безпокойными. По чему въ послѣдствїи народы и военачальники, которые превратили войну въ науку и знанїе и ее производили порядкомъ и по правиламъ, не хотѣли употреблять колясокъ въ сраженїи съ непрїятелями. Они небоялись уже сихъ колесницъ пущенныхъ противъ ихъ, какъ мы ето видимъ въ армїи состоявшей подъ предводительствомъ Лукулла. Легїонные солдаты будучи довольно екзерцитованы лишъ только что увидѣли приближающїися колесницы Тиграновы, то немедленно посторонились чтобъ оставить имъ свободной проходъ, и заразъ сомкнувшись становились опять въ шеренги, и чрезъ то дѣлали стремленїе сихъ калесницъ нетолько безполезнымъ, но еще смѣшнымъ, такъ что они восклицали, подобно какъ въ Циркѣ, чтобъ впустили еще другїя.

По крайней мѣрѣ во времена Омировы она уже приведена была въ столь великое совершенство, что одинъ человѣкъ водилъ съ собою многихъ лошадей, и перескакивалъ съ одной на другую во время самой скорой ѣзды, какъ видно изъ одного сравненія, которое употребляетъ сей Стихотворецъ.

Il. XV. 680. Седьмая книга Іліады представляетъ намъ ретрашементъ, состоящій изъ преизрядной стѣны укрѣпленной по сторонамъ башнями, и окружаемой рвомъ, которой былъ огороженъ полисадами „Греки поднимаютъ послѣ сего стѣну и башни, кои долженствовали защищать ихъ лагерь и флотъ. Они дѣлаютъ по нѣкоторымъ разстояніямъ вороты довольно пространныя для проходу колесницъ, а во кругъ выкапываютъ широкой и глубокой ровъ, обведенной полисадами.

Въ Омирѣ не упоминается о машинахъ, которыя употреблялись въ послѣдствіи къ осажденію и защищенію крѣпостей. Ежели во время Троянской войны онѣ еще не были въ обыкновеніи, то сіе можетъ быть одною изъ тѣхъ причинъ, кои продолжали осады чрезъ столь много времени. Но молчаніе Омира о семъ дѣлѣ не есть точнымъ доказательствомъ, что тогда военныя машины были невѣдомы, потому что въ Іліадѣ нѣтъ нужды въ осадѣ крѣпости, и всѣ сраженія,

о коихъ упоминается, происходятъ внѣ города.

Можнобъ было учинить много еще примѣчаній о сей матеріи, и о другихъ подобныхъ, какъ напримѣръ, о церемоніяхъ похоронныхъ, о мореплаваніи, о коммерціи, и проч. Для меня довольно увѣдомить вообще, что весьма нехудо привлекать къ онымъ вниманіе молодыхъ людей, и имъ показывать мимоходомъ все то, что касается до сего роду маперовъ и обыкновеній древнихъ, изъ коихъ нѣкоторыя служатъ къ подтвержденію и самаго закона, каковы суть похоронные обряды. Ибо они всѣ клонились къ засвидѣтельствованію и къ сообщенію потомству общенародной, одинакой, и постоянной вѣры о безсмертіи души, потому что они предполагали, что умершіе были къ нимъ чувствительны, и что слѣдовательно ихъ души еще бытіе имѣли. Чрезъ подобострастіе, которое сіи церемоніи вдыхали къ мертвымъ тѣламъ, такъ какъ бы къ священному нѣкоему залогу, и чрезъ чести, которыя онѣ имъ дѣлали, онѣ полагали основанія вѣры о воскресеніи тѣхъ, и всѣхъ сердца къ оной располагали.

ЧЛЕНЪ ВТОРОЙ

О нравахъ и должностяхъ гражданской жизни.

Lib. 1. ep. 2. Горацій неустрашается утверждать, что въ Омировыхъ поэмахъ находится нравоученіе чистѣйщее и совершеннѣйшее нежели въ книгахъ превосходнѣйшихъ Философовъ:

Qui quid ſit pulchrum, quid turpe, quid utile, quid non,
Plenius ac melius Chryſippo et Crantore dicit.

И такъ сіе значило бы лишать себя одного изъ наибольшихъ плодовъ, кои должно получать изъ чтенія сего Стихотворца, когдабъ не замѣчали въ немъ со тщаніемъ превосходныхъ изреченій, кои въ немъ по всюду разсыпаны, и кои могутъ служить основаніями къ исправленію нравовъ, и къ доброму распоряженію поведенія жизни. Не меньше надлежитъ въ немъ примѣчать примѣры и дѣйствія, подъ которыми сей Стихотворецъ имѣлъ удивительное искуство скрывать наставленія, дабы ихъ учинить вкрадчивѣе, увѣрительнѣе, живѣе, и дѣйствительнѣе.

1. *Почтеніе къ Богамъ.*

Діоней говоря о Діомедѣ, которой осмѣлился напасть на Венеру во время
Il. V. 406. сраженія, такъ изъясняется: „Безумной „не-

„не вѣдаетъ, что тѣ, кои имѣютъ дер-
„зновенiе сражаться противъ Боговъ, не
„долго живутъ на земли, и ихъ нѣжныя
„дѣти не садятся на ихъ колѣнахъ, и
„не даютъ имъ сладкаго имени отца по
„ихъ возвращенiи изъ походовъ и крова-
„выхъ войнъ.

Οὐδέ τι μιν παῖδες ποτὶ γούνασι παππάζουσιν
Ἐλθόντ᾽ ἐκ πολέμοιο καὶ αἰνῆς δηϊοτῆτος.

Вотъ наставленiе очень къ стати положенное, и имѣющее больше силы и живости, нежели когдабъ оно выражено было подъ видомъ нравоучительнаго изреченiя: *тѣ, которые востаютъ противъ Боговъ, не долго живутъ на свѣтѣ.*

2. *Почтенiе къ Царямъ.*

Омиръ, говоря объ Агамемнонѣ, полагаетъ въ самыхъ краткихъ словахъ непоколебимое основанiе почтенiя, которое, принадлежитъ Царямъ: *τιμὴ δ᾽ ἐκ Διός ἐστι. Его достоинство отъ Юпитера происходитъ.* И не много спустя онъ присовокупляетъ, что *Юпитеръ самъ даетъ Царямъ скипетръ, и дѣлаетъ ихъ хранителями законовъ, чтобъ управлять народами.* Сiи мысли суть велики и благородны, и показываютъ, сколь величество и особа Царей долженствуютъ быть священны и почитаемы. Какъ они имѣютъ силу свою единственно отъ Бога, то одинъ только Богъ можетъ у нихъ отнять ее; и противиться ихъ

Il. II. 197.

ихъ власти значитъ противиться власти Бога самаго. Етю есть великое удовольствїе, чтобъ видѣть, что Языческой писатель говоритъ такъ точно какъ св.
Рим. XIII. 1. 2. Павелъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущїя же власти отъ Бога учинены суть: тѣмъ же противляяйся власти Божїю повелѣнїю противляется, противляющїися же себѣ грѣхъ прїемлютъ.*

3. *Почтенїе принадлежащее родителямъ.*

Il. IX. 453. 457. и 561. до 568. Il. XXI. 412-414. Во многихъ мѣстахъ Омира усматриваются страшныя отцовъ и матерей проклятїя на ихъ дѣтей, кои ихъ не почитали, выслушанныя дѣйствительно, и фурїи отмстительницы посланныя Богами къ наказанїю столь гнуснаго беззаконїя. Писанїе насъ увѣдомляетъ такъ же, что *благословенїе отцовское укрѣпляетъ домъ дѣтей, а матернее проклятїе раззоряетъ его до основанїя.* Не худо будетъ въ семъ случаѣ расказать молодымъ людямъ исторїю, которую объявляетъ св.
Serm. 323. et. Lib. 22. de civ. Dei. cap. 8. n. 22. Августинъ, и которая есть ужаснымъ примѣромъ пагубнаго дѣйствїя происходящаго отъ проклятїя матери на дѣтей.

4. *Страннопрїятїе.*

Нѣтъ ничего удивительнѣе, какъ изреченїя разсыпанныя въ Илїадѣ, а особливо въ Одиссеѣ въ разсужденїи гостей, стран-

странствениковъ, бѣдныхъ людей; и они долженствуютъ приводить въ стыдъ Христіанъ, у которыхъ не осталось почти никакого слѣду сей добродѣтели, которая въ старину наблюдаема была у Язычниковъ столь благородным и великодушнымъ образомъ, и рекомендована вѣрнымъ какъ въ ветхомъ, такъ и новомъ Завѣтѣ.

Телемакъ видитъ одного чужестранца, которой стоялъ у воротъ, и не смѣлъ войти. Онъ бѣжитъ тотъ часъ къ нему, беретъ его за руку, и ведетъ въ домъ, *не могучи терпѣть*, присовокупляетъ Стихотворецъ, *и досадуя, что странственникъ былъ столь долго при воротахъ.* Odys. I. 103 - 121.

Въ другомъ случаѣ когда тотъ же самой Телемакъ вошелъ къ одному изъ своихъ пастуховъ Евмею, то Улисъ которой тутъ же былъ, но незнаемъ и скрытъ подъ видомъ нищаго одѣтаго въ старое рубище, всталъ немедлѣнно со стула, чтобъ уступить его хозяину. Телемакъ почитая въ немъ гостя, сдѣлалъ ему честь, и взялъ другой стулъ. Odys. XVI. 41 - 45.

Навзика, дочь Царя Феакскаго, говоря объ Улиссѣ, которой избавясь отъ кораблепотопленія предсталъ передъ нею въ жалостномъ состояніи, сказала, что надлежитъ объ немъ имѣть великое попеченіе. *Ибо*, примолвила она, *всѣ бѣдные* Odys. VI. 206.

люди, и чужестранцы приходятъ къ намъ отъ Юпитера.

Πρὸς γὰρ Διός εἰσιν ἅπαντες
Ξεῖνοί τε πτωχοί τε.

Odys. VIII. 546. Въ другомъ мѣстѣ говорится, что *всякъ, кто хоть не много имѣетъ смыслу и благоразумія, считаетъ гостя и просителя не иначе какъ своего брата.*

Odys. XIV. 51 - 61. Улиссъ скрытой подъ одеждою нищаго, послѣ того какъ онъ изрядно былъ принятъ Евмеемъ, которой имѣлъ смотрѣніе надъ нѣкоторою частію его стадъ, когда показался удивленъ столь хорошимъ угощеніемъ; *какъ бы я могъ,* отвѣчалъ ему Евмей, *не угостить хорошо чужестранца, хотябъ онъ былъ еще въ бѣднѣйшемъ состояніи, нежели ваше? Всѣ странствующіе, всѣ бѣдные посылаются къ намъ отъ Юпитера. Имъ дается малое нѣчто,* примолвилъ онъ, *но сіе малое имъ драгоцѣнно. Это есть все, что могутъ сдѣлать домашніе въ отсутствіе ихъ хозяина.*

Довольно быть бѣдну, чтобъ хорошо быть приняту отъ Евмея: сіе одно качество дѣлаетъ для его такихъ людей священными и почтенными: *ἅπαντες*, всѣхъ безъ разбору.

Odys. XV. 68 - 74. Древніе оказывали страннопріятіе не только щедро и великолѣпно, но и еще благоразумно. Телемакъ весьма торопился возвратиться домой. Я не намѣренъ, гово-

говоритъ ему Менелай, васъ удержать здѣсь долѣе, нежели вамъ угодно. Я не хочу быть скучнымъ и неотвязнымъ. Дружепрїимство имѣетъ свои законы и правила. *Надлежитъ угощать своихъ гостей наилучше пока они у насъ бываютъ, и отпускать ихъ домой тогда какъ они сего желаютъ.*

Χρὴ ξεῖνον παρεόντα φιλεῖν, ἐθέλοντα δὲ πέμπειν.

Когда одинъ изъ главныхъ оффицїантовъ сего Государя пришелъ его спросить приметъ ли онъ гостей, которые къ нему пришли, то Менелай разгнѣванъ будучи сею рѣчью: „Куда дѣвалось твое „благоразумїе, говоритъ ему, что ты „пришолъ ко мнѣ съ такимъ вопросомъ? „я имѣлъ самъ великую въ томъ надоб„ность, чтобъ сыскать страннопрїим„ство во всѣхъ земляхъ, кои я прошелъ „возвращаясь въ мои области. О когдабъ „благоволилъ великїй Юпитеръ, чтобъ я „не былъ болѣе принужденъ того отвѣ„дать, и чтобъ мои безпокойствїя окон„чились! Подижъ скорѣе для принятїя „сихъ чужестранцовъ, и приведи ихъ къ „моему столу.„ Богъ употребляетъ такоежъ побужденїе, чтобъ принудить Израильтянъ къ наблюденїю страннопрїимства. *Возлюбите пришельца*, говоритъ онъ имъ, *пришельцы бо бысте въ земли Египетстей.* Охотнѣе люди помо- Odys. IV. 26 – 36. Второз. X. 19.

гаютъ бѣднымъ, когда они сами были въ бѣдности.

Uirg. Non ignara mali miseris ſuccurrere diſco.

Odys. XVII. 374. и пр. Богатые и роскошные люди мало смотрятъ на бѣдняковъ. Омиръ это уже примѣтилъ, говоря о Феакянахъ, народѣ погруженномъ въ забавы, и незнающемъ другой славы и благополучія, какъ чтобъ проводить жизнь въ пирахъ, играхъ, танцованіи, музыкѣ. *Феакяне*, говоритъ

Odys. VII. 32. онъ, *неохотно принимаютъ чужестранцовъ, и глядятъ на нихъ немилымъ окомъ.* Причина таковой поступки очень натуральна. Сіи особы будучи сильнѣе заняты своимъ счастіемъ нежели другіе, считаютъ за потерянное все то, чего они сами не употребили. Въ протчемъ все, что имѣетъ видъ недостатку и бѣдности, впечатлѣваетъ печальныя воображенія: а сего рода люди убѣгаютъ отъ нихъ такъ какъ отъ яду жизни, и яко отъ способствующихъ только къ возмущенію чистой радости, и свѣтлаго благополучія, коими они хотятъ безпрестанно наслаждаться. Кажется, что Омиръ учинилъ столь страшное изображеніе о Циклопахъ, а наипаче о Полифемѣ, которой столь безчеловѣчно поступалъ съ чужестранцами приходившими къ его пещерѣ, не для инаго чего, какъ чтобъ представить нѣкоими чудовищами и врагами рода человѣческаго тѣхъ, кои нарушали страннопріимство.

Анти-

Антиной, одинъ изъ сихъ молодыхъ господъ, кои всегда пировали въ домѣ Пенелопы, учинилъ нѣсколько выговоровъ Евмею за то, что онъ привелъ туда Улисса. Не довольно ли мы имѣемъ здѣсь нищихъ и побродягъ, говоритъ онъ ему презорчивымъ видомъ, для очищенія нашихъ столовъ? За чемъ ты ввелъ къ намъ еще и сего? Онъ поступилъ еще далѣе, и бросилъ ему въ голову подножіе, которое ему служило тогда какъ онъ сидѣлъ за столомъ. Одинъ изъ присутствующихъ раздраженъ будучи столь грубою гордостію, сказалъ ему: ты весьма несправедливъ, Антиной, что поступаешъ такъ худо съ симъ бѣднымъ человѣкомъ. ,,Кто знаетъ, что это не Богъ какой ,,нибудь скрывающійся въ одеждѣ ни,,щаго? Ибо часто безсмертные подъ ви,,домъ странственниковъ проходятъ го,,рода, чтобъ быть свидѣтелями на,,сильствъ, кои въ нихъ чинятся, и ,,справедливости, которая наблюдается.,,

Καίτε θεοὶ ξείνοισιν ἐοικότεσ ἀλλοδαποῖσι Odys.
Παντοῖοι τελέθοντες, ἐπιτρωφῶσι πόληασ, XVII.
Ἀνθρώπων ὕβριν τε καὶ εὐνομίην ἐφορῶντες. 485.

Здѣсь всякой ясно видитъ то, что объявляется въ Бытіи о Авраамѣ, совершенномъ образцѣ наблюдающихъ страннопріятіе, которой имѣлъ честь принять къ себѣ самаго Бога скрытаго подъ наружностію троихъ странственниковъ,

или паче сказать троихъ Ангеловъ. И сіе то св. Павелъ намѣкаетъ говоря: *не пренебрегайте страннопріиметства; ибо чрезъ сіе нѣкоторые приняли вмѣсто гостей Ангеловъ, сами того не зная.* Всякъ довольно видитъ, что Авраамъ и Лотъ здѣсь ясно означаются, и то, что есть достойно примѣчанія, есть то, что Богъ ходилъ тогда сокрытъ подъ видомъ путешественниковъ, дабы высмотрѣть и познать самимъ собою, сколь далеко простиралась гордость и безпорядокъ жителей Содомскихъ. *Сниду и посмотрю, исполнилили дѣломъ вопль, который дошелъ до меня:* такъ какъ Омиръ, говоритъ о своихъ Богахъ

Ἀνθρώπων ὕβριν τε καὶ εὐνομίην ἐφορῶντες.

5. *Качества добраго Государя.*

Я покажу оныя не всѣ, а только нѣкоторыя, да и о тѣхъ буду говорить кратко. Они всѣ заключаются въ семъ совѣтѣ, которой одинъ Государь давалъ своему сыну.

Il. VI. 208. Αἰὲν ἀριστεύειν, καὶ ὑπείροχον ἔμμεναι ἄλλων.

„Превосходить во всемъ, и превышать „всѣхъ другихъ.

Любовь ко благочестію и правосудію. Сіе то качество дѣлаетъ Государей великими, а народовъ счастливыми „при владѣ„ніи такого Царя, которой господствуетъ „надъ

Odys. XIX. 106 - 114.

„надъ многими народами благочестиво, и „наблюдаетъ правосудіе, поля покрыты „бываютъ богатыми жатвами, дерева „отягощены плодами, стада изобильныя, „море наполненное рыбами, народы благо„получнѣйшіе. Вотъ плоды праведнаго „и благочестиваго правленія.

Неустрашимость основанная на уповаиіи на Бога. „Хотя бы всѣ протчіе приняли „намѣреніе отойти, однакожъ Аѳенелъ и „я будемъ сражаться до тѣхъ поръ, пока „мы неувидимъ паденія Іліона; за тѣмъ „что мы пришли сюда по приказанію „самаго Бога." Ето Діомедъ такимъ образомъ говоритъ. Какое величество души! какая крѣпость! Вся армія устрашилась: самой Генералъ приказываетъ солдатамъ итти: а онъ остается неустрашимъ, и хочетъ остаться одинъ со Аѳенеломъ. Мнѣ кажется, что я тутъ слышу славнаго онаго Маѳатія, которой увѣряетъ, что когдабъ вся земля повиновалась нечестивымъ приказаніямъ Царя Антіоха, то онъ и его фамилія не оставятъ никогда закона Божія. *Аще и вси языцы Царя (Антіоха) слушаютъ... но азъ и сынове мои, и братія моя поживуемся закону отецъ нашихъ.* Il. IX. 46-49. 1. Мак. II. 19. 20.

Мудрость, Благоразуміе. Главное намѣреніе Одиссеи есть то, чтобъ показать, сколько сія добродѣтель нужна Государю.

Чрезъ нее то Улиссъ оканчиваетъ войну Троянскую; и Цицеронъ примѣчаетъ, что для сей единственно причины Омиръ даетъ прилагательное πτολίπορθος, то есть, *раззоритель городовъ*, не Аяксу, не Ахиллесу, но мудрому Улису. Примѣчаніе Цицерона неисправно, за тѣмъ что Омиръ придаетъ неоднократно сіе прилагательное къ Ахиллесу.

Искренность, чистосердечіе. Нѣкто сказалъ, что ежелибъ истинна изгнана была изъ всего свѣта, то ей надлежалобъ находиться въ устахъ Государя. И такъ онъ долженъ имѣть въ омерзеніи не только клятвопреступленіе, но и всякую

Il. IX. 313. ложь и притворство. *Я ненавижу*, говоритъ Ахиллесъ, *такъ какъ Адскія врата, того, которой думаетъ такъ, а говоритъ иначе.*

Ἐχθρὸς γάρ μοι κεῖνος ὁμῶς Ἀΐδαο πύλῃσιν,
Ὅς χ' ἕτερον μὲν κεύθει ἐνὶ φρεσὶν ἄλλο δὲ βάζει.

Сіе то есть то, что Писаніе называетъ имѣть два языка, *bilingues*; имѣть два сердца, *in corde et corde locuti sunt*. Сколь счастливое выраженіе! Люди сего свѣта имѣютъ два сердца: они показываютъ одно, а другое скрываютъ. Они считаютъ себя въ етомъ очень благоразумными: но въ коликомъ бы они остались стыдѣ и безчестіи, ежелибъ сіе подлое

Притч. VIII. 13. двоедушіе наружу оказалось! „*Возненавидѣхъ же азъ двойная уста злыхъ.* Такимъ обра-

образомъ говоритъ премудрый Царь въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ учитъ Царей благоразумно царствовать.

Тихость, послушность. Я соединяю вмѣстѣ сіи два качества, хотя они различны, за тѣмъ, что одно провожаетъ къ другому. *Тихость* останавливаетъ въ Государѣ стремленіе гнѣву, и чрезъ то приводитъ его въ состояніе избѣгать многихъ погрѣшеній. *Послушность* склоняетъ его къ тому, чтобъ онъ принималъ совѣтъ, ему слѣдовалъ, отказывался отъ своихъ собственныхъ намѣреній, когда ему предлагаютъ лучшія, возвращался назадъ, когда ему показываютъ, что онъ очень далеко забрался впередъ, и чтобъ наконецъ исправлялъ погрѣшности, которыя онъ учинилъ въ горячности сердца.

Цѣлая Иліада, которая имѣетъ единственнымъ предмѣтомъ гнѣвъ Ахиллеса причинившій столько бѣдствій Грекамъ, есть наставленіе весьма полезное для государей. Ахиллесъ пользовался очень мало тѣмъ, которое онъ получилъ отъ своего отца при отъѣздѣ на войну Троянскую. „Любезной мой сынъ, говоритъ Il. IX.
„ему Пелей его обнимая, Минерва и Юно 254-258.
„на дадутъ тебѣ побѣду надъ твоими „непріятелями, когда онѣ сочтутъ сіе „за пристойное: но помни умѣрять свою пы-

„пышность и укрощать гнѣвъ. Тихость „всегда лучше, нежели сила. Убѣгай „ссоръ, обильнаго источника всякихъ бѣд„ствій; и вѣрь, что милость и чело„вѣколюбіе приведутъ тебя въ большее „почтеніе у Грековъ, нежели жестоко„сердіе и запалчивость.„

Il. XVIII. 107 - 113. Ахиллесъ, которой для удовлетворенія своему гнѣву, оставилъ погибать почти при своихъ глазахъ наилучшихъ друзей, познавъ и оплакивалъ, но очень поздо, пагубныя дѣйствія такой страсти, которая съ начала кажется пріятнѣе меду, а послѣ причиняетъ столь горестныя болѣзни, и коя отъ часу умножается, когда не будетъ укрощена при первомъ ся начатіи. „Да погибнутъ навсе„гда, говоритъ онъ, вражды и ссоры! „Да погибнетъ гнѣвъ, которой похища„етъ спокойное состояніе у самаго мудра„го и умѣреннаго человѣка; и которой „пріятнѣе будучи меду, надымается и „распространяется въ сердцѣ такъ какъ „дымъ Я недавно сіе къ несчастію моему „испыталъ чрезъ пагубное разгоряченіе, „въ которое меня ввергнула несправедли„вость Агамемнона.„ Можно здѣсь примѣнить то, что говоритъ Квинтъ Курцій въ случаѣ смерти Клита, о которомъ Александръ столь много сожалѣлъ, что его убилъ въ разгоряченіи его гнѣва,

Q. Curt. *Худое мы отъ природы имѣемъ свойство,*

что

что по большой части о прошедшем, а не Lib. VIII.
о будущем помышляем. Ибо Царь послѣ cap. 2.
того как гнѣв в нем утишился, и хмѣль
из головы его вышел, величество злодѣя-
нія очень поздо уже разсматривал.

Первая степень добродѣтели есть та,
чтоб не дѣлать погрѣшностей: а вто-
рая, чтоб терпѣть по крайней мѣрѣ,
когда нам пред глаза их представля-
ют, и не стыдиться исправлять оныя.
Это есть полезное наставленіе, которое
Улисс осмѣлился подавать Агамемному
Царю Царей, и которое сей послѣдній
принял с великою послушностію. „Зна- Il. XIX.
„тной сын Атреев, будьте впредь умѣ- 181 - 188.
„реннѣе и справедливѣе в разсужденіи
„других, и не думайте, чтоб непри-
„стойно было Царю дѣлать удовлетво-
„реніе тѣм, которых он обидѣл.
„Мудрой сын Лаертов, отвѣчает ему
„Агамемном, я слушал с пріятностію
„все то, что вы теперь сказали. Ибо вы
„говорили весьма благоразумно и справе-
„дливо. Я готов учинить все по ваше-
„му желанію.

Неусыпность. Сим я кончу Государе-
вы качества. Цари у Омира называются,
пастыри стад; ποιμένες λαῶν; а это из-
вѣстно, что главная должность пасты-
ря есть надзирать неусыпно над сво-
им стадом. Отсюда происходит сіе
прекрасное изрѣченіе Омира.

Οὐ

Il. II. 24. Οὐ χρὴ παννύχιον εὕδειν βουληφόρον ἄνδρα,
25. Ὧι λαοί τ' ἐπιτετράφαται, καὶ τόσσα μέμηλη.

,,Генералъ, которой присутствуетъ
,,со властїю въ столь многихъ совѣтахъ
,,которой имѣетъ въ своемъ правленїи столь
,,многихъ народовъ, и которой обремененъ
,,столь многими попеченїями, не долженъ
,,просыпать цѣлыя ночи.

Odys. Lib. X. Омиръ въ Одиссеѣ доказываетъ еще лучше сїю истинну двумя остроумными вымыслами. Еолъ, Царь и надзиратель вѣтровъ, предалъ ихъ всѣхъ Улиссу заключенныхъ и связанныхъ въ кожаномъ мѣху, выключая зефира, которой ему благопрїятствовалъ. Во время его сна товарищи его открываютъ сей мѣхъ, думая, что въ немъ было золото. Вѣтры бросясь подняли ужасную погоду. Въ другомъ случаѣ когда Улиссъ еще заснулъ, то бывшїе въ его свитѣ убили быковъ принадлежащихъ солнцу; что было причиною ихъ погибели.

Но я не долженъ ограничивать качества *пастырей народовъ*, которое Омиръ даетъ Царямъ, одною только неусыпностїю. Сїе прекрасное изображенїе простирается далѣе, и подаетъ намъ гораздо высочайшее понятїе о должности Царскаго достоинства. Омиръ чрезъ сїе одно слово хотѣлъ научить Государя, какъ онъ долженъ любить своихъ подданныхъ, доставать имъ со тщанїемъ всѣ пристойныя

вы-

выгоды, предпочитать ихъ благополучїе своему собственному, относить къ нимъ всего себя, а не ихъ относить къ себѣ, защищать ихъ сильно и храбро, и покрывать, естли нужно, своею собственною особою. Цицеронъ въ прекрасномъ писмѣ къ брату своему Квинту полагаетъ тожъ сравненїе. „Намѣренїе всякаго, кто пове- L.I. epist. 1.
„лѣваетъ другими, говоритъ онъ, есть
„то, чтобъ учинить счастливыми тѣхъ,
„кои суть подъ его властїю. Онъ неограничиваетъ сего правила тѣми, кои имѣютъ власть надъ союзниками и гражданами: но объявляетъ, что тотъ, кто обременен правленїемъ рабовъ, да и самыхъ скотинъ, долженствуетъ посвятить всего себя ихъ пользѣ и выгодности.

6. *Остроумные вымыслы.*

Омировы поэмы суть исполнены вымыслами, кои подъ прикрытїемъ басни разумно изобрѣтенной заключаютъ важныя истинны, и наставленїя весьма полезныя къ поведенїю жизни. Я приведу только два изъ нихъ.

ЦИРЦЕЯ.

Спутники Улиссовы по своему безрас- Odys. L. X.
судству вошли къ сей опасной Богинѣ, не взявъ никакой предосторожности. Она имъ сънача ла дѣлаетъ хорошїй прїемъ. Поставляется имъ кушанье. Она подноситъ еще

еще прїятное вино; но примѣшиваетъ во все предлагаемое тайной ядъ, которой способствовалъ много къ тому, чтобъ вывесть у нихъ изъ памяти ихъ отечество. Потомъ она ударяетъ ихъ своею простючкою: и они тотчасъ превращаются въ борововъ, отсылаются въ клѣвъ, и принуждены имѣть жизнь и состоянїе скотовъ. Вотъ изображенїе весьма чувствительное печальнаго состоянїя, въ которое сластолюбїе приводитъ человѣка вдавшагося по несчастїю въ оное. Ето правда, что Улиссъ избѣгаетъ опасныхъ прелестей Цирцеи: для того что онъ небылъ онымъ подверженъ какъ только по нуждѣ, чтобъ избавить своихъ товарищей; и Меркурїй нарочно пришелъ показать ему нѣкоторой корень, которой одинъ только могъ его защитить отъ пагубнаго яду сея Богини. Кажется, что Горацїй предполагаетъ, что онъ совсемъ не пилъ влажности ему отъ Цирцеи поднесенной, такъ, какъ учинили его товарищи: въ чемъ онъ несогласенъ съ Омиромъ. Стихи его такъ прекрасны, что я не могу ихъ здѣсь не предложить.

Horat. epist. 2. Lib. 1.

Sirenum voces, et Circes pocula nosti:
Quae si cum sociis stultus cupidus que bibisset,
Sub Domina meretrice fuisset turpis et excors;
Vixisset canis immundus, vel amica luto sus.

СИРЕ-

СИРЕНЫ.

Омиръ чрезъ сію остроумную басню, одну изъ прекраснѣйшихъ древности, хотѣлъ намъ показать, что есть утѣхи, которыя кажутся очень невинны, однакожъ суть весьма опасны. Сирены были нѣкотораго роду морскія Нимфы, которыя пріятностію ихъ голоса, и согласіемъ пѣсенъ вовлекали въ пропасть тѣхъ, кои имѣли любопытство ихъ слушать. По сей причинѣ одинъ Стихотворецъ называетъ ихъ очень замысловато, сладкимъ мученіемъ, безчеловѣчною радостью, пріятною смертію проѣжжающихъ. Odys. L. XII. Mortial.

Sirenas, hilarem navigantium pœnam,
Blandasque mortes, gaudiumque crudele,
Quas nemo quondam deserebat auditas,
Fallax Vlysses dicitur reliquisse.

Улиссъ увѣдомясь объ опасности, которой онъ имѣлъ подвергнуться, взялъ предосторожность заткнуть уши у всѣхъ своихъ товарищей воскомъ, а себя велѣлъ привязать къ мачтѣ, дабы можно ему было слушать Сиренъ безвредно. Когда онъ былъ близъ ихъ жительства, то онѣ ему говорили пріятнѣйшимъ голосомъ, *приближайся, приближайся къ намъ, великодушной Государь, которой заслуживаешь толико похвалъ, и которой находишся украшеніемъ и славою Грековъ.* Вотъ первая приманка, которой рѣдко избѣгаютъ, похвала и ласканіе.

сканіе. *Послушай нашего голосу. Никто никогда непроѣжжалъ здѣсь безъ того, чтобъ не приложить своихъ ушей къ сладкимъ нашимъ концертамъ.* Ето весьма сродно особамъ уставшимъ отъ долговременнаго мореплаванія, чтобъ позволить себѣ сію невинную забаву. Примѣръ всѣхъ другихъ, которые соглашались на оную, есть новымъ доказательствомъ. *Всякъ, кто насъ слушалъ, позвращался удоволъствованъ и настаaленіемъ и пріятностію нашихъ пѣсенъ.* Онѣ возбуждаютъ вдругъ и разумъ любопытствомъ, и чувства прелестію утѣхи. Было ли что предосудительнаго во всемъ етомъ? Да было ли что и опаснаго? Однакожъ погибнулъ бы Улиссъ, естлибъ товарищи его послушались и отвязали. Преодолѣнъ будучи прелестію ихъ голоса, онъ не помнилъ болѣе всѣхъ тѣхъ изрядныхъ намѣреній, и приказовъ, которые онъ самъ далъ о томъ, чтобъ его не отвязывали. Онъ спасъ товарищей своимъ благоразуміемъ, заложивъ ихъ уши воскомъ; а они его спасли полезнымъ сопротивленіемъ, которое они ему учинили. Нѣтъ другаго средства избавиться отъ прелестей утѣхи и сластолюбія, опасныхъ Сиренъ, а особливо для юношества, какъ то, чтобъ закрывать уши, и бѣжать такъ какъ Улиссовы товарищи, или быть хорошо связану, такъ какъ Улиссъ самой.

ЧЛЕНЪ

ЧЛЕНЪ ТРЕТІЙ

О Богахъ и Законѣ.

Нѣтъ ничего способнѣе къ увѣренію насъ въ томъ, сколько человѣческой разумъ заблудиться можетъ, удаляясь однажды отъ истиннаго закона, какъ описаніе, которое Омиръ дѣлаетъ о Богахъ язычества. Надлежитъ признаться, что онъ подаетъ намъ объ нихъ странное понятіе. Они ссорятся, попрекаютъ другъ друга, ругаются дѣлаютъ заговоры, и берутъ сторону одни противъ другихъ. Нѣкоторые получаютъ раны въ сраженіяхъ противъ людей, и недалеко отстоятъ отъ погибели. Ложь, обманъ, да и самое воровство считаются у нихъ забавами. Прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, самыя несноснѣйшія злодѣянія теряютъ всю свою погнусность въ небѣ, и еще въ честь поставляются. Словомъ сказать, Омиръ приписалъ своимъ Богамъ не только всѣ слабости естества человѣческаго, но еще всѣ страсти и пороки людскія; вмѣсто того, чтобъ надлежало, какъ говоритъ изрядно Цицеронъ, дать людямъ совершенства Боговъ. Для сей то причины, какъ уже выше о томъ упомянуто, Платонъ изключилъ Омира изъ своей республики, яко виновнаго въ оскорбленіи величества Божія; и Пиѳагоръ сказалъ, что онъ жестоко былъ мучимъ во адѣ за то, что раз-

1. Tusc. n. 67.

сѣялъ въ своихъ поэмахъ столь нечестивые вымыслы. Но, по примѣчанію Аристотеля, онъ слѣдовалъ только въ томъ народной молвѣ, которая носилась еще до него. Такія крайности показываютъ намъ, чемъ мы обязаны нашему Избавителю.

Однакожъ изъ столь черного и мрачнаго дна исходятъ нѣсколькія искры свѣту весьма способныя къ просвѣщенію разума: драгоцѣнной остатокъ сихъ первообразныхъ истинъ, которыя Начальникъ Естества начерталъ въ сердцѣ человѣка, и кои постоянное и всеобщее преданіе въ немъ сохранило, не взирая на развращеніе царствующее во всемъ человѣческомъ родѣ. Къ симъ то главнымъ основаніямъ закона должно привлекать вниманіе молодыхъ людей. Я довольствоваться буду приведеніемъ нѣкоторыхъ только, кои мнѣ показались большей важности передъ протчими.

1. *Богъ верьховный, единый, всемогущій, котораго опредѣленія составляютъ судьбу.*

Не смотря на сіе ужасное множество Боговъ, которое усматривается въ Омирѣ, можно ясно видѣть, что сей Стихотворецъ признаетъ первое существо, верьховнаго Бога, отъ котораго всѣ протчіе Боги зависѣли. Юпитеръ говоритъ и дѣй-

дѣйствуетъ вездѣ повелительнымъ образомъ, яко несравненно высшїй во власти и силѣ предъ всѣми другими Богами; могущїй единымъ словомъ согнать всѣхъ ихъ съ неба, и ввергнуть во дно тартара; и учинившїй сїе нѣкоторымъ изъ нихъ: и всѣ вообще признаютъ его преимущество и независимость. Одно мѣсто довольно будетъ къ показанїю намъ того, какое понятїе имѣли древнїе о Юпитерѣ.

„Сей повелитель грому позвалъ всѣхъ II. VIII.
„Боговъ въ собранїе. Они всѣ становят- 1-32.
„ся вкругъ его престола съ подобострастнымъ молчанїемъ; а онъ имъ говоритъ „сїи слова: Боги и Богини, выслушайте меня, и ни кто изъ васъ да не дерзаетъ нарушить то, что я скажу, ниже „противиться моимъ приказанїямъ, но „всякъ имъ да покорится, дабы мнѣ „исполнить мои вѣчныя опредѣленїя. „Тотъ изъ васъ, которой сойдетъ для „вспоможенїя Троянамъ, или Грекамъ, „подпадетъ моему гнѣву, и не взойдетъ „опять на Олимпъ, развѣ по претерпѣнїи такихъ съ нимъ поступокъ, которыя не очень пристойны какому ни будь „Богу: или паче сказать, я его свергну „въ глубокїя пропасти мрачнаго тартара, въ сїи ужасныя пещеры, состоящїя „изъ мѣди и желѣза, кои суть подъ землею, и столько ниже царства мертвыхъ, „сколько небо выше земли. Тогда вы по-

 „знаете

„знаете, сколько я великомочнѣе всѣхъ „Боговъ. И дабы всѣхъ васъ болѣе увѣрить „о моемъ могуществѣ, повѣсте съ высоты „небесъ золотую цепь, и потщитесь ее „тянуть къ низу всѣ, сколько васъ ни „есть какъ Боговъ, такъ и Богинь. Всѣ ва„ши соединенныя усилїя не возмогутъ по„колебать, ниже совлечь меня на землю. „А я, когда только мнѣ угодно будетъ, „подниму васъ всѣхъ безъ трудности, „васъ, землю и море. Ежелижъ я привя„жу послѣ того сїю цепь къ верьху Олим„па, то вся натура повиснувъ останется „безъ дѣйствїя: столько то моя сила пре„вышаетъ силу всѣхъ Боговъ и людей, „хотябъ они совокупились вмѣстѣ. По „сихъ страшныхъ угроженїяхъ всѣ Боги „стояли изумленны и безмолвны. Они „признаютъ, что могущество Юпитера „не преодолимо, и ничто не можетъ ему „сопротивляться.

Послѣ сего не должно дивиться, что Стихотворецъ представляетъ Юпитера такъ какъ начальника *судьбы*, которая не иное что есть, какъ законъ отъ него произшедшїй, которому все покаряется какъ въ небѣ, такъ и на земли. Судьба по его мнѣнїю есть опредѣленїе, или воля Юпитера: *Διός βουλή*. Сїя то Воля утверждаетъ произшествїя; она то есть собственно сїя необходимость, сей законъ непремѣняемый, которому самъ Юпитеръ под-

Г. Бозвинъ въ защищен. Омира.

подверженъ. Чтожъ сіе ученіе есть Омира, доказывается тѣмъ, что онъ нигдѣ не упомянулъ о фортунѣ, *τύχη*; и что слѣдовательно въ его время не вѣдали сего слѣпаго Божества, которому послѣдовавшіе вѣки поклонялись.

2. *Провиденіе владычествующее надъ всѣмъ и управляющее всѣмъ.*

Понятіе Язычниковъ о провиденіи, которое располагаетъ все, владычествуетъ надъ всѣмъ, и надъ самыми мѣльчайшими произшествіями, и которое для сего долженствуетъ входить въ безконечную подробность, не иное что быть могло, какъ произшествіе преданія столь древняго какъ и міръ самой, и почерпнутаго въ источникѣ Откровенія.

Честной пастухъ Евмей приписываетъ счастливой успѣхъ своихъ попеченій покровительству Бога, *которой благословилъ его трудъ по всемъ томъ, что ему ввѣрено было.* Можно подумать, что здѣсь слышатъ Лавана, которой говоритъ такъ же Іякову; *усмотрихъ бо яко благослови мя Богъ пришествіемъ твоимъ.* Odys. XIV. 65. Быт. XXX. 27.

Улиссъ признаетъ, что *Богъ ему послалъ обильную ловлю звѣрей.* Іяковъ по той же Богословіи основаніямъ отвѣчалъ своему отцу, которой удивлялся тому, что онъ столь скоро возвратился съ охоты: Odys. IX. 158.

Быт. XXVII. 20. ты : *Еже даде Господь Богъ твой предо мною.*

Єто есть послѣдствіе основанія, котораго держались во времена Омировы, что Судьба, то есть Провидѣніе распространяетъ свои попеченія на самыхъ животныхъ. Имѣя рѣчь о голубѣ онъ говоритъ, *что судьба нехотѣла, чтобъ онъ пойманъ былъ.* Весь свѣтъ знаетъ то, что говоритъ Іисусъ Христосъ о той же матеріи : *ни едина отъ птицъ падетъ на земли безъ отца вашего.*

Il. XXI. 495.

Матѳ. X. 29.

Послѣ сего не надобно удивляться, что Омиръ дѣлаетъ зависимымъ отъ Провидѣнія все то, что приключается людямъ и самую опредѣленную минуту, въ которую каждая вещь приключается, такъ какъ пребываніе Улисса на островѣ Огигскомъ, *откуда онъ не долженствовалъ выходить до того времени, которое Боги назначили для его возвращенія въ Иѳаку.*

Odyſ. I. 17.

Нѣтъ ничего, въ чемъ бы случай казался болѣе господствовать, какъ въ жребіи. Однакожъ его дѣйствіе приписывается Юпитеру, по тому что къ нему возсылались молитвы, дабы имѣть успѣхъ въ ономъ, какъ видно изъ того, когда надобно было кинуть жребіе, кому сражаться противъ Гектора. Сія самая истинна ясно означается въ писаніи : *Въ нѣдра одежды ввергаются жребія, Господне же есть расположеніе.*

Il. VII. 179.

Притч. XVI. 33.

Омиръ

Омиръ удивително описываетъ сïе надзиранïе Провидѣнïя надъ людьми замысловатою выдумкою двухъ бочекъ, которая показываетъ, что оно одно только управляетъ и располагаетъ добро и зло. „Боги, говоритъ Ахиллесъ, благоволили, чтобъ печали и слезы составляли жизнь бѣдныхъ людей; а сами только одни живутъ свободны отъ всякихъ „мученïй. Ибо по двумъ сторонамъ страшнаго престола Юпитерова стоятъ двѣ „неизчерпаемыя бочки, исполненныя подарками, которые сей Богъ раздаетъ „людямъ. Одна исполнена золъ, а другая „благъ. Тотъ, которому повелитель грому почерпаетъ равно изъ сихъ бочекъ, „провождаетъ жизнь смѣшенную, въ которой счастïе и несчастïе слѣдуютъ попеременно; а тотъ, которому онъ почерпаетъ въ одной пагубной бочкѣ, обременяется всякими бѣдствïями. Ужасное „проклятïе слѣдуетъ за нимъ во всю „жизнь: онъ бываетъ предмѣтомъ ненависти Боговъ и презрѣнïя людей.„ Il. XXIV. 525 - 533.

Стихотворецъ чрезъ вторую выдумку не меньше благородную какъ и первая, хотя показать, что сïе раздаванïе благъ и золъ дѣлается съ верьховною справедливостïю, влагаетъ въ руку Юпитера вѣсы золотыя, на которыхъ онъ свѣшиваетъ судьбу смертныхъ: а это значитъ, что провидѣнïе владычествуетъ надъ Il. VIII. 69. и XXII. 209.

всѣми происшествїями, располагаетъ наказанїя и награжденїя, установляетъ онымъ время и мѣру, и что его опредѣленїя бываютъ основаны всегда на справедливости. И ето есть то, что Писанїе изъясняетъ кратко, но весьма живо:
Притч. XVI. 11. *лрепѣса мѣрила лрапда у Господа.* Чего страшный примѣръ усматривается въ Валтасарѣ, которой будучи свѣшенъ на вѣсахъ найденъ легкимъ:
Дан. V. 27. *лостанися пъ мѣрилахъ, и обрѣтеся лишаемо.*

Въ протчемъ сколь ни прекрасны, сколь ни тверды суть всѣ сїи мысли Омира о провидѣнїи, однакожъ не надобно думать, чтобъ сей Стихотворецъ былъ вездѣ одинаковъ, и чтобъ онъ всегда думалъ хорошо о сей матерїи. Его Юпитеръ неспособенъ къ безпрерывному виканїю: иногда отъ разсыпчивости мысли, иногда отъ усталости и требованїя покою онъ не можетъ видѣть всего
Il. XIII. 1, и слѣд. того, что происходитъ. Нептунъ, которой высматривалъ случая помочь Грекамъ, пользуется счастливою минутою,
Il. XIV. 250. въ которую Юпитеръ отвратилъ глаза свои отъ Троянъ. Юнона сыскала средство усыпить его, дабы ей можно было во время его сна поднять погоду противъ
Il. XIX. 95, и слѣд. Геркулеса; и задолго еще до сего она умѣла обмануть его предупреждая рожденїе Еврисѳея, которой чрезъ то дѣлается повелителемъ Геркулеса противъ намѣренїя

мѣренія Юпитерова. У Язычническихъ писателей свѣтъ всегда мѣшается со тьмою.

3. *Отъ Бога происходятъ всѣ благи, всѣ дарованія, всѣ успѣхи.*

Сія главная истинна Закона блистаетъ по всюду въ Омирѣ; и етобъ было небреженіе весьма предосудительное, естьлибъ не примѣчали ее тамъ со тщаніемъ. Я только покажу мѣста одни.

По его мнѣнію все вообще происходитъ отъ Боговъ. Человѣкъ не можетъ быть счаствивъ, естли они не благословятъ его рожденія и супружества: двѣ знатнѣйшія епохи жизни. Они то даютъ умную и постоянную жену, могущую править благоразумно домомъ. Отъ нихъ надлежитъ ожидать пріятнѣйшаго плода супружества, то есть, мудрыхъ и добропорядочныхъ дѣтей. Odys. IV. 208 - 211. et. Lib. XV. 26.

Выборъ различныхъ званій, въ которыя люди входятъ слѣдуя природной склонности, которая ихъ влечетъ къ онымъ, происходитъ отъ Бога. Въ семъ то намѣреніи онъ имъ раздѣляетъ различныя дарованія: однимъ дарованіе слова, другимъ музыки заключающей поэзію; тому храбрость, другому благоразуміе. Odys. XIV. 227.

Ето очень примѣтно, говоритъ нѣгдѣ Улиссъ, что Боги не жалуютъ всѣхъ дарованій Odys. VIII. 167 - 177.

рованій одному человѣку. Есть люди, которые красотою и станом тѣла не очень награждены: но вмѣсто того Боги им даютъ рѣдкое дарованіе слова, которое возвышаетъ ихъ предъ протчими, и заставляетъ на нихъ взирать такъ какъ на нѣкоторыя божества. Другіе напротивъ того могутъ, кажется, спорить съ безсмертными о красотѣ: но сія красота въ нихъ нѣма и не смысленна, такъ что можно сказать, что они суть тѣло безъ души.

Ето есть Богъ, которой одушевляетъ слова мудрыхъ, и даруетъ имъ силу въ увѣреніи Ахиллесъ пребывалъ не склоненъ къ увѣщаніямъ трехъ депутатовъ. Однакожъ Несторъ не теряетъ всей надежды, и увѣщаетъ Патрокла дѣлать еще новыя
Il. XI. 771. усилія. „Старайтесь вашими совѣтами „преодолѣть упорное разгоряченіе великаго Ахиллеса. Почемъ кто знаетъ, что „какой нибудь благопріятствующій намъ „Богъ не дастъ силы тронуть и склонить его?„

Il. I. 279. et. Lib. XVII. 251. Il. XX. 242. Il. VII. 101. Ето есть Богъ, которой жалуетъ честь, знатность, славу. Ἐκ δὲ Διὸς τιμὴ καὶ κῦδος ὀπηδεῖ. *Юпитеръ даетъ и отнимаетъ храбрость у людей такъ какъ ему угодно: онъ есть повелитель, отъ котораго все зависитъ, Боги содержатъ въ своихъ рукахъ побѣду, и ее даютъ по своему произволенію.* Сіи мнѣнія разсыпаны по всюду въ Омирѣ,

Омирѣ, и всѣ его Ирои кажутся доволь-
но въ томъ увѣрены. Гекторъ, которой Il. XVI.
до сего казался всегда неустрашимъ, бро- 656, и
сается въ бѣгъ за тѣмъ, что Юпитеръ слѣд.
отнялъ у него силу и храбрость, да онъ
и самъ сїюжъ объявляетъ на то причину.
,,Меня, говоритъ онъ, не сраженїе, ниже Il. XVII.
,,великое число непрїятелей устрашаетъ: 175-178.
,,но Юпитеръ самой, Юпитеръ, которa-
,,го совѣты бываютъ всегда гораздо силь-
,,няе, нежели совѣты людскїе, которой
,,наполняетъ трепетомъ самыхъ неустра-
,,шимыхъ мужей, и которой отнимаетъ
,,побѣду такъ какъ ему угодно.,, Сїежъ Il. XVI.
мнѣнїе предлагается отъ слова до слова 688.
въ предшествующей книгѣ.

Тожъ самое бываетъ и съ мудростїю: Она происходитъ единственно отъ Бога. Онъ одинъ только можетъ открыть глаза людямъ, и разогнать тьму. Ето есть то, чего пророчествующїй Царь столь часто у него проситъ: *просвѣти очи мои . . . открой очи мои.* Сїю то истинну Стихо- Il. V. 127.
творецъ хотѣлъ внушить, когда онъ говоритъ, что Минерва сбросила съ глазъ Дїомеда облако, которое ихъ закрывало. Тажъ Богиня производитъ въ другомъ мѣстѣ совсемъ противное дѣйствїе. Въ Совѣтѣ Троянъ предложены были два мнѣнїя. Мнѣнїе Гектора, которое было очень Il. XVIII.
худо и пагубно удостоено рукоплесканїя, 310. 313.
и было исполнено, такъ что никто не

хо-

хотѣлъ разсмотрѣть мнѣнія Полидамова, хотя оно было очень полезно. Причина, которую приводитъ на то Стихотворецъ, есть та, что Минерва у нихъ отняла весь доброй смыслъ и мудрость. Сеτожъ просилъ и Давыдъ у Бога оными
2. Цар. XV. 31. изрядными словами: *разруши совѣтъ Ахитофелевъ, Господи Боже мой.* Пенелопа го-
Odys. XXIII. 10-14. воритъ въ семъ же смыслѣ Евриклеѣ. „До „сихъ поръ, говоритъ она ей, ты была „совершеннымъ образцомъ здраваго смыслу „и благоразсужденія. Надлежитъ думать, „что Боги помѣшали твой разумъ. Отъ „нихъ зависитъ превращать человѣка въ „глупаго изъ самаго смысленнаго, а изъ „несмысленнаго, въ премудраго.„

4. *Послѣдствія предшествующей истинны.*

Все происходитъ отъ Боговъ: и по тому не надобно тщеславиться дарованіями, которыя они намъ дали. Сіе Агамемнонъ представляетъ Ахиллесу, котораго храбрость дѣлала гордымъ и несговорчивымъ.
Il. I. 177. 178. *У васъ на умѣ*, говоритъ онъ ему, *одни только ссоры, войны и сраженія.* Ежели вы столько сильны, *то откуда происходитъ ваша сила? не Богъ ли вамъ оную далъ?* Чрезъ что онъ ему даетъ знать, что нѣтъ ничего смѣшнѣе, ничего несправедливѣе, какъ гордиться такимъ добромъ, которое не отъ насъ раждается. Святый

Па-

Павелъ говоритъ о семъ яснѣе : *что же имаши, его же нѣси пріялъ? Аще же пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ.* 1. Кор. IV. 7.

Все приходитъ отъ боговъ : и по тому надлежитъ всего ожидать отъ нихъ, и полагать на нихъ упованіе. Діомедъ не ожидаетъ ничего отъ своей храбрости, и признается, что всѣ усилія Грековъ будутъ безполезны, по тому что Юпитеръ благопріятствуетъ Троянамъ, и вознамѣрился дать имъ побѣду : но съ другой стороны онъ надѣется побѣдить Гектора, ежели какой богъ ему поможетъ. Гекторъ самъ отваживается всего ожидать отъ вспоможенія боговъ, „Я знаю, говоритъ онъ имѣя „рѣчь съ Ахиллесомъ, что ты силенъ, „и силенъ болѣе нежели я : но успѣхъ „въ сраженіяхъ зависитъ отъ единаго „произволенія боговъ. Кто знаетъ, что, „хотя я и меньше имѣю силы, не отниму у тебя жизни симъ оружіемъ? „Оно умѣетъ такъ же пронзать, какъ „и твое„. Улиссъ видя своего сына устрашеннаго намѣреніемъ, которое онъ имѣлъ выйти одинъ съ нимъ, чтобъ напасть на Князей, кои были въ великомъ числѣ : „Думаешъ ли ты, говоритъ онъ „ему, что богиня Минерва и отецъ ея „Юпитеръ суть довольно изрядная помощь, или считаешь, что надлежитъ „намъ искать иной какой нибудь? Въ „дру-

Il. XI. 317. 365. Il. XX. 434-437. Odys. XVI. 160.

Odys. XIII. 389. 391. другомъ мѣстѣ онъ изъясняется еще съ большимъ обнадеживанїемъ. „Ежели вы „удостоите мнѣ помочь, великая Ми„нерва, то хотябъ ихъ триста было, „я на ихъ одинъ наступлю, и уповаю „ихъ побѣдить„. Здѣсь слышится рѣчь

Псал. XXVI. 3. во всемъ подобная Давыдовой. *Аще ополчится на меня полкъ, не убоится сердце мое: аще востанетъ на меня брань, на него азъ уповаю.*

Все происходитъ отъ боговъ, и по тому надлежитъ прибѣгать къ нимъ съ молитвою, чтобъ получить отъ нихъ благи, въ коихъ имѣютъ люди надобность. Нѣтъ почти ни одной страницы въ Омирѣ, котораябъ не внушала сей истинны. Ежели копье пущенное удачливо попадаетъ и поражаетъ, ежели путешествїе благополучно окончивается, ежели рѣчь производитъ дѣйствїе въ сердцахъ, ежели кто повергаетъ своего непрїятеля, словомъ сказать, въ чемъ бы кто ни успѣлъ, то все сїе приписывается молитвѣ; а напротивъ того видно, что многїе теряютъ побѣду за тѣмъ, что они не хотѣли молиться богамъ.

Да будетъ мнѣ позволено списать здѣсь во всемъ пространствѣ то, что говоритъ Омиръ о силѣ и дѣйствїи молитвъ въ разумѣ боговъ, и представ-

ставить характеръ, которой онъ имъ приписываетъ. Это находится въ девятой книгѣ Иліады, гдѣ Фениксъ старается утолить непреодолимой гнѣвъ Ахиллеса. Il. IX. 492 - 510.

„Любезной мой Ахиллесъ, укрощай „сей пышной гнѣвъ, которой тобою об„ладаетъ. Непристойно тебѣ имѣть „безжалостное сердце. Боги, которые „великомочнѣе тебя, и превосходнѣй„шаго естества, боги самые умилости„вляются. Ладонъ, смиренные обѣты, „отлитія вина, пріятной запахъ жертвъ, „молитвы людскія, все сіе отвращаетъ „гнѣвъ ихъ, когда кто ихъ раздражилъ, „когда нарушилъ ихъ повелѣнія. Молит„вы суть богини. Сколь ни безобразны онѣ „кажутся, хромоноги, подслѣповаты, „наморщенны, однакожъ онѣ суть дще„ри великаго Юпитера. Онѣ шествуютъ „по слѣдамъ обидчиковой Атеи, и стара„ются изцѣлить бѣды, кои она учини„ла. Злодѣйствующая богиня сильна и „крѣпка. Она имѣетъ ногу твердую; „такъ что всѣхъ ихъ перестигаетъ очень „далеко. Она бѣжитъ легко по всей зем„лѣ, и впечатлѣваетъ свои слѣды на „головахъ гордыхъ людей. Она увесе„ляется оскорбленіемъ смертныхъ. Мо„литвы слѣдуютъ позади, и поправля„ютъ ея обиды. Всякаго, кто принялъ „съ почтеніемъ святыхъ дщерей Юпи-

„тера,

„тера, какъ скоро онъ увидѣлъ ихъ при-
„ближающихся, онѣ всегда щедро воз-
„награждали, и его выслушивали взаим-
„но, какъ скоро онъ ихъ призвалъ. Но
„когда кто ихъ разгнѣвалъ грубымъ от-
„казомъ, тогда сїи богини идутъ къ
„сыну Сатурнову: тогда онѣ просятъ
„Юпитера своего отца наказать того,
„которой ихъ презрѣлъ, и дать ему въ
„сотоварищество обидчивую Атею. О
„любезной Ахиллесъ, не лиши дщерей
„Юпитеровыхъ чести, которая имъ при-
„надлежитъ„.

Безъ сумнѣнїя не будутъ тѣмъ недовольны, что я предложу здѣсь размышленїя Г. Дассїерши о семъ мѣстѣ Омира, которое есть одно изъ наилучшихъ, кои находятся въ древнихъ писателяхъ.

Во всѣхъ прекрасныхъ поэзїяхъ, которыя мы имѣемъ, говоритъ она, я не думаю, чтобъ сыскалось что нибудь благороднѣе, остроумнѣе и удачнѣе вздумано, какъ сей вымыслъ, которой представляетъ молитвы и обиду, такъ какъ нѣкоторыя персоны, сообщая имъ всѣ качества, всѣ чувствїя, и всѣ характеры тѣхъ, кои дѣлаютъ обиду, и имѣютъ прибѣжище къ молитвамъ.

Молитвы суть дщери Юпитера. Ибо самъ богъ вдыхаетъ молитвы и научаетъ людей молиться. *Онѣ хромоноги, подслѣ-*

лопаты,

лопаты, наморщенны. Тѣ, кои молятся, стоятъ на коленяхъ, имѣя лице наморщенное, и омоченное слезами, несмѣютъ поднять глазъ своихъ, содрогаютъ и уничтожаются.

Пышная обида и проч. Сія богиня называется по Гречески Атея, о которой прекрасное описаніе находится въ девятнатцатой книгѣ Іліады, гдѣ желающіе могутъ посмотрѣть онаго. Обида легкими ногами идетъ первая. Ибо вспыльчивые и сердитые бываютъ весьма скоры къ учиненію зла. Смиренная молитва слѣдуетъ за нею, и она только можетъ поправить злодѣйства, которыя обида учинила.

Онѣ его выслушиваютъ взаимно въ его нуждахъ. Вотъ важная истинна довольно ясно означенная: что дабы услышану быть отъ боговъ, и получить отъ нихъ прощеніе, надлежитъ выслушивать молитвы людей, кои намъ досадили, и имъ прощать ихъ погрѣшенія.

Онѣ просятъ своего отца, чтобъ онъ далъ въ сотоварищество тому, которой ихъ презрѣлъ, обидливую Атею. Сколь сія очередь мнѣ кажется изрядна! молитвы естественно слѣдуютъ за обидою, дабы изцѣлить злодѣянія, кои она учинила. Но когда кто презрѣлъ и отвер-

гнулъ молитвы, то обида слѣдуетъ за нимъ по своей очереди для отмщенія, и слѣдуетъ по приказанію самаго Юпитера, которой ее употребляетъ, дабы исполнить свое правосудіе.

Я долженъ еще при окончаніи сего члена увѣдомить, что изъ предлагаемой въ немъ матеріи можно особливо усмотрѣть, какому ослѣпленію человѣкъ подверженъ послѣ грѣха. Язычники приписывали единому богу всѣ вообще благи, выключая то, которое болѣе еще отъ него зависитъ, которое всѣхъ драгоцѣннѣе, и которое одно только, собственно говоря, заслуживаетъ сіе имя, я разумѣю добродѣтель. Для сего то они приступали съ молитвою къ богамъ своимъ, чтобъ получить отъ нихъ всѣ прочія выгодности, какъ примѣчаетъ
Lib. III. de Nat. Deor. 86 - 88. Цицеронъ; а чтобъ приобрѣсть добродѣтель и мудрость, то прибѣгали къ себѣ самимъ. Они сіе крѣпко наблюдали, чтобъ приносить имъ благодареніе за всѣ другія благи; но какъ увѣрены были что они не долженствовали своею добродѣтелію никому другому, какъ только самимъ себѣ и своему собственному произволенію, то имъ и на умъ неприходило благодарить за нее боговъ. Можно о семъ посмотрѣть въ приведенномъ мною мѣстѣ Цицерона, гдѣ сіе основаніе предлагается очень пространно. Горацій оное

со-

сократилъ въ одномъ стихѣ, въ которомъ онъ говоритъ о Юпитерѣ:

Det vitam, det opes: animum æquum mi ipse parabo.

Чрезъ что онъ ясно показываетъ, что благи независящія отъ нашей свободы состоятъ во власти боговъ; а дабы учиниться мудрымъ и спокойнымъ, то человѣкъ не имѣетъ надобности какъ только въ себѣ самомъ. И въ семъ то сомомъ смыслѣ у Омира, говоритъ Пелей Ахиллесу: *Любезной сынъ, Минерва и Юнона дадутъ тебѣ победу, естли онѣ сего захотятъ: а ето твое дѣло, чтобъ умѣрять твою пышность, и укрощать гнѣвъ.*

Τέκνον ἐμὸν, κάρτος μὲν Ἀθηναίη τε καὶ Ἥρη Il. XI.
Δώσȣς αἴκ ἐθέλωσι· σὺ δὲ μεγαλήτορα θυμὸν 254-256.
Ἴσχειν ἐν στήθεσσι.

5. *Безсмертїе души, наказанія и награжденія по смерти.*

Надлежитъ крайне ослѣплену быть, чтобъ не видѣть по всюду въ Омирѣ, что мнѣнїе о безсмертїи души было въ его время мнѣнїе господствующее, древнее и всеобщее. Не упоминая о многихъ другихъ доказательствахъ надобно только прочесть то, что сей стихотворецъ говоритъ о сошествїи Улисса во адъ.

Сія другая истинна, которая есть послѣдствіемъ первой, что добродѣтели, то есть, вознаграждаются, а злодѣянія наказываются въ другой жизни,
Odyss. XI. 567. etc. не меньше ясно въ немъ означается. Омиръ намъ представляетъ Миноса во адѣ, которой держа въ рукѣ скипетръ, судитъ умершихъ собранныхъ толпою вкругъ его трибунала, и произноситъ непремѣняемые приговоры, кои рѣшатъ на вѣки ихъ участь.

Il. VIII. 13 - 16. et. Lib. III. 279. То, что говоритъ Омиръ о глубочайшей пропасти мрачнаго тартара, о сихъ ужасныхъ пещерахъ сдѣланныхъ изъ мѣди и желѣза, кои находятся подъ землею, гдѣ клятвопреступленія вѣчно наказуются, и куда Юпитеръ угрожаетъ ввергнуть всякаго изъ боговъ самыхъ, кто осмѣлится преступить его приказанія, показываетъ намъ довольно то, что думали язычники о наказаніяхъ, претерпѣваемыхъ въ другой жизни.

Il. XIX. 50. etc. То, что говоритъ сей же самой стихотворецъ о богинѣ Атеѣ, дщери Юпитера, о сей вѣдьмѣ несогласія и проклятія, которая упражняется въ томъ, чтобъ раскладывать сѣти, и дѣлать зло всѣмъ людямъ, которую повелитель боговъ въ своемъ праведномъ гнѣвѣ свергнулъ съ неба, обязавъ клятвою, чтобъ она никогда туда не входила; все сіе, говорю

говорю я, подаетъ причину думать, что исторія объ отступившихъ ангелахъ, непріятеляхъ людскихъ, старающихся имъ вредить, препятствующихъ ихъ благополучію, и на всегда отосланныхъ во адъ, не неизвѣстна была древнимъ.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран	*строк.*	*напечатано.*	*читай.*
17	5	Bone	Boni
22	послѣд.	αὐ τῶν	αὐτῶν
30	12	Греческаго	Греческихъ
37	29	обще	общее
39	22	facundia	facundia
40	21	Γούλλιος	Τούλλιος
49	27	стыдиться	стыдится
54	предп.	ввликое	великое
55	предп.	carceri le	carcer ille
59	16	Argrippinam	Agrippinam
60	11	heati	beati
61	3	ipfe	ipſe
67	3	изъ него	изъ нее
71	17	in ſerens	inſerens
—	18	pæteret	peteret
84	16	слова	слога
86	12	рузсужденїяхъ	разсужденїяхъ
93	24	improda	improba
98	12	qnodam	quodam
99	11	greuius	grauius
—	13	паслѣ	послѣ
102	9	vihebatur	videbatur
106	2	cero	ero
107	10	eminuero	enimuero
112	24	умягчитъ	умягчивъ
124	13	размышленей	размышленїй
129	23	24 долговремемное	долговременное
158	20	о Каторѣ	о Катонѣ
160	25	ſeenam	ſcenam
167	17	нагубные	пагубные
183	30	juvenie	juvenile
—	31	flater	frater
185	2	делженствуетъ	долженствуетъ
196	25	изобрѣтенїе	изобрѣтенїя
201	2	effluſi	effuſi
204	23	inſula	infula
206	12	7	6
206	10	11 ſuſpcnderatarcum	ſuſpenderat arcum

стран.	строк.	напечатано.	читай.
212	27	tridntibus	tridentibus
215	23	orat	erat
216	24	himilemque	humilemque
227	9	комментарія	комментарій
229	19	dafiftere	defiftere
233	18	trensfixo	transfixo
240	23 24	любопытвуя	любопытствуя
242	послѣд.	скольно	сколько
261	11	ἐνισκήψανται	ἐνισκήψαντε
—	12	χαμάδη	χαμάδις
—	19	himectat	humectat
—	28	πίμπναντ	πίμπλαντ
273	10	деташаментa	деташементa
296	8	извѣсто	извѣстно
300	10	ретрашементъ	ретраншементъ
301	предп.	тѣхъ	тѣлъ
303	12	живности	живости
311	18	остается	пребываетъ
315	21	Агамемномъ	Агамемнонъ
329	13	счаствивъ	счастливъ:

